

Л.И. Авилова

СИМВОЛЫ ПРЕСТИЖА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛАХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
IV–III тыс. до н.э.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

L. I. Avilova

**SYMBOLS OF PRESTIGE
IN THE ARCHAEOLOGICAL
RECORD
OF THE NEAR EAST
IN THE FOURTH – THIRD MILLENNIA BC**

Moscow
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л. И. Авилова

**СИМВОЛЫ ПРЕСТИЖА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛАХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
IV–III ТЫС. ДО Н. Э.**

Москва
2024

УДК 902/904
ББК 63.4
А20

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Ответственный редактор
Кандидат исторических наук Ю. В. ЛУНЬКОВА

Рецензенты
Кандидат исторических наук А. Н. ГЕЙ,
Кандидат исторических наук А. А. КЛЕЩЕНКО

Авилова Л. И.

Символы престижа в археологических материалах Ближнего Востока
IV–III тыс. до н. э. – М.: ИА РАН, 2024. – 216 с., ил.

ISBN 978-5-94375-457-9

Книга посвящена интерпретации археологических материалов Эпохи раннего металла (рубеж V–IV – II тыс. до н. э.) с территории Ближнего Востока. Модель развития общества этого времени – эволюция от сельских поселений к ранговому обществу с раннегородскими центрами и затем государственными образованиями. Две последние фазы отмечены существованием элиты, которая являлась организатором производства и обмена, потребителем престижных, в том числе металлических, вещей. Внимание автора сосредоточено на изделиях, которые являются археологически уловимыми признаками процесса формирования элиты – маркерами высокого социального статуса и связанных с ним властных и идеологических полномочий их владельцев. На основании анализа металлической посуды, головных уборов, предметов символического назначения, печатей, а также ряда сюжетов и изобразительных мотивов автор приходит к выводу о том, что ведущей в их производстве и использовании является тема изобилия и плодородия. В ближневосточном обществе эпохи энеолита – бронзы прокламируется идея значимости элиты и ее ритуальной деятельности, направленной на сохранение стабильности мироздания, благополучия общины и стимулирование производства.

Престижные вещи и устойчивые мотивы их декора отражают общие черты идеологии и сходные социальные процессы, происходившие в Циркумпонтийском регионе в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья.

Книга представит интерес для широкого круга историков, археологов, студентов исторических факультетов.

Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

ISBN 978-5-94375-457-9

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-457-9

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2024
© Л. И. Авилова, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Символы престижа в археологических материалах Ближнего Востока (поздний энеолит – ранний и средний периоды бронзового века)	9
1. Хронологические рамки работы	17
2. Источники сырья	19
Глава 1. Металлические сосуды Анатолии и Месопотамии	26
1. Основные направления изучения металлических сосудов	27
2. Анатолия	31
2.1. Материалы	31
2.2. Хронология и территориальное распространение металлических сосудов в Анатолии. РБВ I–III	32
2.3. Морфология анатолийских сосудов	46
2.4. Основные характеристики коллекции анатолийских металлических сосудов по ряду сопряженных признаков	47
2.4.1. Хронологическое распределение анатолийских металлических сосудов	47
2.4.2. Распределение сосудов по типам памятников и регионам	47
2.4.3. Распределение сосудов по материалу и хронологии	47
2.4.4. Состав металла сосудов	48
3. Месопотамия	50
3.1. Материалы	50
3.2. Основные характеристики коллекции месопотамских металлических сосудов по ряду сопряженных признаков ..	50
3.2.1. Хронологическое распределение месопотамских металлических сосудов	50
3.2.2. Морфология месопотамских сосудов	51
3.2.3. Распределение по типам памятников	55
3.2.4. Распределение сосудов по материалу и хронологии	55
3.2.5. Состав металла сосудов	58
3.3. Сосуды в культурном контексте Месопотамии	60
3.4. Сосуды в изобразительных материалах	69
Глава 2. Металлические головные уборы в эпоху энеолита и бронзы	78
1. Морфология находок	78

2. Древнейшие находки	79
3. Диадемы III тыс. до н. э.	88
4. Головные уборы в месопотамских изобразительных материалах	93
5. Головные уборы в курганных культурах Северного Причерноморья и Предкавказья	97
Глава 3. Растительные мотивы в археологических комплексах и изобразительных материалах Циркумпонтийской зоны	103
1. Древнейшие изображения растительных мотивов	103
2. Растительные мотивы на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э.	109
3. Растительные мотивы в степных культурах Северного Причерноморья	116
Глава 4. Зооантропоморфные персонажи на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке	120
1. Материалы	121
2. Символика персонажей двойной природы	125
3. Репертуар зооантропоморфных существ	129
4. Взаимоотношения человека с миром животных	135
Глава 5. Металлические покрытия на бронзовых артефактах Циркумпонтийской историко-культурной зоны	140
1. Материалы	142
2. Изделия с покрытиями с территории Северного Причерноморья и Предкавказья	143
3. Изделия с покрытиями с территории Ближнего Востока	145
Заключение	159
Библиография	177
Список сокращений	203
Summary. Symbols of Prestige in the Archaeological Record of the Near East in the Fourth–Third Millennia BC	204

CONTENTS

Introduction. Symbols of prestige in the archaeological record of the Near East (Late Eneolithic–Early and Middle Bronze Age)	9
1. Chronological framework of the study	17
2. Raw material sources	19
Chapter 1. Metal vessels from Anatolia and Mesopotamia	26
1. Main subject-areas of the metal vessel study	27
2. Anatolia	31
2.1. Materials	31
2.2. Chronology and geographic distribution of metal vessels in Anatolia. EBA I–III	32
2.3. Morphology of the Anatolian vessels	46
2.4. Main characteristics of the Anatolian metal vessel assembly based on a number of related attributes	47
2.4.1. Chronological distribution of Anatolian metal vessels	47
2.4.2. Distribution of vessels by types of sites and regions	47
2.4.3. Distribution of vessels by material and chronology	47
2.4.4. Composition of vessel metal	48
3. Mesopotamia	50
3.1. Materials	50
3.2. Main characteristics of the Mesopotamian metal vessel assembly based on a number of related attributes	50
3.2.1. Chronological distribution of the Mesopotamian metal vessels	50
3.2.2. Morphology of the Mesopotamian vessels	51
3.2.3. Distribution by types of sites	55
3.2.4. Distribution of vessels by material and chronology	55
3.2.5. Composition of vessel metal	58
3.3. Vessels in the cultural context of Mesopotamia	60
3.4. Vessels in artworks	69
Chapter 2. Metal head adornments in the Eneolithic and the Bronze Age	78
1. Morphology of the finds	78
2. Earliest finds	79
3. Diadems of the third millennium BC	88
4. Head adornments in the Mesopotamian artworks	93

5. Head adornments in the kurgan cultures of the northern Black Sea maritime region and the Fore-Caucasus	97
Chapter 3. Floral and plant motifs in the archaeological assemblages and artworks of the Circumpontic zone	103
1. Earliest images of floral and plant motifs	103
2. Floral and plant motifs in the Near East in the third millennium BC	109
3. Floral and plant motifs in the steppe cultures of the northern Black Sea maritime region	116
Chapter 4. Zooanthropomorphic characters in the Near East in the Eneolithic–Bronze Age	120
1. Materials	121
2. Symbolism of the double-nature characters	125
3. Repertoire of zooanthropomorphic creatures	129
4. Interrelations between man and the world of animals	135
Chapter 5. Metal coating on the bronze artifacts of the Circumpontic historical and cultural zone	140
1. Materials	142
2. Artifacts with coating from the northern Black Sea maritime region and the Fore-Caucasus	143
3. Artifacts with coating from the Near East	145
Conclusion	159
Abbreviations	177
References	203
Summary	204

Введение

СИМВОЛЫ ПРЕСТИЖА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (ПОЗДНИЙ ЭНЕОЛИТ – РАННИЙ И СРЕДНИЙ ПЕРИОДЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА)

Все, что в доме моем, они видели,
не осталось ни одной вещи, которой я
не показал бы им в сокровищницах моих.

4 Цар, 20, 15

Один из периодов древности носит название Эпоха раннего металла (ЭРМ, V–II тыс. до н. э.). Термин отражает решающую роль металла для этого времени, а также то, насколько важно исследование металлических изделий для изучения образа жизни древнего населения. Археологические материалы, в том числе изделия из металла, характеризуют практическую деятельность и мышление людей прошлого и могут быть использованы для реконструкции социальных и культурных систем, в соответствии со стандартами которых они были созданы, а также того, каким образом производство и использование металлических изделий влияло на развитие этих систем.

В отечественной археологической науке полвека назад было обосновано существование металлургических провинций – крупных культурно-производственных систем, во многом определявших процесс культурного, производственного и социального развития древних обществ. В рамках провинций развивалась технология горного дела, металлургии и металлообработки, вырабатывались производственные стандарты и морфологические характеристики продукции. Концепция провинций как крупных металлургических, историко-культурных и технологических систем древности была

сформулирована Е. Н. Черных в начале 70-х годов (*Chernykh*, 1971) в ходе дискуссий о моно- или полицентричном становлении древней металлургии в Циркумпонтийской зоне Старого Света и затем отработана на массовом материале в ходе выполнения серии проектов по историко-металлургической тематике (*Chernykh*, 1992; *Черных и др.*, 2002), в том числе касающихся ряда регионов Ближнего Востока (*Авилова*, 2008; 2018а; 2018б).

Производство металла отличается от других видов деятельности тем, что необходимое для него сырье имеет ограниченное распространение и его нужно транспортировать. В результате между человеческими сообществами возникают связи и взаимодействия разного рода и уровня. Технология производства и обработки металлов сложна еще и в связи с тем, что на различных этапах металлургического и металлообрабатывающего производства, от добычи руды до изготовления изделий, задействовано много участников. По этой причине металлические предметы менее чувствительны как индикаторы культурных изменений на местном уровне (в отличие от керамики), но очень показательны для определения моделей торговли на дальние расстояния и каналов передачи идей.

Металлопроизводство было одной из важнейших составляющих культурного, производственного и социального развития древних обществ, важным фактором становления международного разделения труда, систем товарообмена и распространения знаний (*Chernykh*, 1992. Р. 140–171). Ближний Восток входит в зону древнейшего знакомства человека с металлом: первые находки металлических изделий относятся здесь к неолиту (9000–4500 до н. э. – *Özdoğan*, *Özdoğan*, 1999; *Esin*, 1999; *Pigott*, 1999; *Yalçın*, 2000). До IV тыс. до н. э. освоение металла на Ближнем Востоке протекало медленно, но постепенно металлические изделия занимали все более заметное место в социальном, культурном и технологическом развитии общества, функционировании торгово-обменных связей. Последние определялись изменяющимися социальными условиями и технологическими инновациями. В эпоху ранней бронзы, в IV тыс. до н. э., был достигнут достаточно высокий уровень металлопроизводства: освоена выплавка меди из разных типов руд; началось массовое производство мышьяковых бронз и изготовление изделий из драгоценных металлов; сформировался обширный репертуар продукции. Постепенно металлические изделия начинают играть важную роль в технологическом, социальном и культурном развитии общества. Обращение

к продукции металлопроизводства позволяет полнее понять направление и темпы культурных и производственных процессов на Ближнем Востоке.

Модели функционирования древнего производства металла соотносятся с различными стадиями культурно-исторического и социально-экономического развития. Первое знакомство с металлом происходит в рамках общинных организаций сельского типа и ограничивается изготовлением небольшого набора типов изделий из металлургически чистой меди в позднем неолите – раннем энеолите. В раннебронзовом веке металлургическое производство основано на массовом применении мышьяковых бронз (в некоторых регионах и драгоценных металлов) в условиях становления раннегородских общин, связанных постоянной сетью обмена металлом. Среднебронзовый век – это расцвет металлургического производства с максимальным ростом объема продукции, широким внедрением оловянных бронз и массовым изготовлением изделий из драгоценных металлов в раннегосударственных образованиях Переднего Востока. Для получения более объективной и многосторонней картины функционирования древних общественных структур сведения об особенностях производства и использования металла должны сопоставляться с данными по некоторым другим видам археологических источников, в основном погребениям и изобразительным материалам. Привлекаются также письменные свидетельства, которые могут пролить свет на те или иные аспекты обсуждаемой темы.

Изучение древнего металла включает не только производственные аспекты – проблемы развития ранней металлургии и металлообработки, обмена сырьем, материалами и технологиями. Металл был наиболее ценным материалом древности. Изделия из него служат маркерами культурных и общественных процессов, происходивших в Эпоху раннего металла. Продукция металлопроизводства может служить полем для изучения явлений производственного, социального и идеологического характера, причем металл рассматривается как фактор эволюции экономики, идеологии и социального строя древних обществ.

Что заставляло людей открывать новые материалы, области и способы их применения, осваивать новые технологии их обработки – только ли необходимость выживания? Или «рациональное» и «иррациональное» (Черных, 1982) теснейшим образом переплеталось, так что современному человеку трудно понять мотивы

действий древних? Наконец, какую роль в развитии общественных процессов играли изделия из металла и других редких материалов? Ниже мы попытаемся предложить ответы на эти вопросы.

Современное состояние археологии, постоянно расширяющаяся источниковая база, изменения в сфере гуманитарных наук, использование методов естественных наук, расширяющее возможности интерпретации этих источников, и многое другое позволяют взглянуть на традиционные проблемы производства и использования металла в обществе под иным углом зрения, попытаться охарактеризовать его роль в направлении экономического и социального развития эпохи энеолита – бронзы на Ближнем Востоке.

Перемены в производственной деятельности не всегда дают возможность увидеть за ними явления социального порядка. Тем не менее накопление и анализ массовых данных открывает перспективы реконструкций в этой сфере. Выразительные данные о металлопроизводстве получены для огромных регионов и протяженных хронологических периодов Ближнего Востока. Знакомство с металлом и производство сплавов на медной основе, несомненно, является одним из условий и отличительных черт развития древних ближневосточных цивилизаций.

Попытаемся изложить ряд соображений по этому поводу. В фокусе внимания автора находятся материалы Ближнего Востока, поскольку они в концентрированном виде содержат богатую информацию об идеологии и общественных отношениях времени перехода от поздней первобытности к иерархическим структурам с централизованной властью, от эгалитарных сельских общин к ранним государствам.

Публикация знаковой статьи В.Г. Чайлда о городской революции (*Childe*, 1950) положила начало разработке темы археологических признаков раннего государства и дискуссии о различении предгосударственного общества и государства. Последний феномен Чайлд обозначил термином «цивилизация» и выделил десять ее признаков: образование городских центров; возникновение классов, не связанных с производством пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники) и живших в городах; производство значительного прибавочного продукта, отчуждаемого в пользу элиты; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных зданий; обособление элиты и наличие археологически фиксируемой резкой социальной стратификации; возникновение письменности; развитие

изысканных художественных стилей; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов/дани.

К. Рэнфрю принадлежит монументальное исследование археологического аспекта сложения цивилизации в Средиземноморье (*Renfrew, 1972*). Эта тема активно разрабатывается в отечественной науке. В.М. Массоном был предложен краткий и емкий ряд признаков цивилизации: это городские поселения, монументальная архитектура, дворцовые и храмовые сооружения, могильники социальной элиты, развитое ремесло, письменность (*Массон, 1989. С. 8–11*). Н.Н. Крадин, анализируя археологически уловимые критерии становления государства, перечисляет такие явления, как трехуровневую структуру общества, оседлость, земледельческое хозяйство как основу экономики и, что особенно важно для нашей темы, обработку металла (*Крадин, 2006. С. 196; 2015. Табл. 1*).

Под влиянием материалистической философии и положений марксизма до относительно недавнего времени в науке преобладало мнение о том, что освоение металлов было вызвано исключительно практической необходимостью. В частности, доминировало мнение о том, что освоение меди и ее сплавов было связано с потребностями военного дела (*Childe, 1941. P. 133*). Однако открытия в области археометаллургии указывают на большую сложность причин возникновения добычи и обработки металлов. Усиливается внимание исследователей к феномену распространения металлических изделий неутилитарного назначения. Была предложена концепция, включающая категорическое утверждение, что все металлические вещи, начиная с урукского периода и до конца III тыс. до н. э., следует относить к категории престижных (*Potts, 1994. P. 144*). Идеи о значительной и даже решающей роли неутилитарного («иррационального») фактора в производстве высказывались и в отечественной историографии (*Черных, 1982; Chernykh, 1997*).

В этом контексте становится понятно, что развитие теплотехники и тесно связанная с ней технология выплавки металлов из руд была фактором, имевшим ключевое влияние на общественные процессы древности, о чем писал Я. Якар (*Yakar, 1984. P. 60*). Начальные этапы освоения металла (*trinket metallurgy*), включавшие плавку и ковку самородной меди, были только первым шагом на пути к реальному производству металла – его выплавке из руд. Именно эта стадия освоения металла сделала его сравнительно широкодоступным, так что он стал заметным фактором социально-экономического

развития. В свою очередь, потребность в металле вела к широкому поиску рудных месторождений и развитию горного дела (*Черных*, 1978). Распространение меди, серебра, свинца и золота расширяло доступ социальной верхушки к престижным объектам, что способствовало формированию идеи богатства, игравшей большую роль в эволюции иерархического общества (*Renfrew*, 1972. P. 370–403).

Факты свидетельствуют, что среди древнейших металлических предметов преобладают не орудия и оружие, а изделия, которые с некоторой долей условности можно отнести к украшениям, а также знакам социального положения и/или престижа, власти, духовного лидерства. Этим проблемам специально посвящен ряд работ, опубликованных в материалах конференции в томе «Metals of power – Early gold and silver. 6th Archaeological Conference of Central Germany. October 17–19, 2013 in Halle (Saale)» (2014). Отмечу, в частности, статью С. Хансена о золотых и серебряных изделиях майкопской культуры (*Hansen*, 2014a). Автор подчеркивает, что серебряные и золотые артефакты из майкопских погребений были важными элементами новых форм репрезентации власти, причем власти нового типа. Карта распространения серебряных изделий в IV тыс. до н. э. документирует широкое распространение серебра во второй половине тысячелетия. Этот новый металл был частью целого пакета технологических инноваций, включавшего колесный транспорт, более эффективное оружие (проушные топоры и ножи/кинжалы), овцеводство, ориентированное на производство шерсти, а также одомашнивание осла и затем лошади. Это было время интенсивного взаимодействия человеческих коллективов и быстрой передачи знаний.

В связи со сказанным тема интерпретации археологического и культурного контекста металлических изделий заслуживает особого внимания, поскольку это позволяет проследить связь между производственной и идеологической сферами жизни древних обществ. Обращаясь к ней, мы неоднократно подчеркивали, что эти данные свидетельствуют, что толчком к изготовлению изделий из металла, начиная с наиболее ранних, было в первую очередь стремление создать отличительные знаки лиц или групп, обладавших высоким социальным статусом (*Yener*, 2000; *Авилова, Антонова*, 2009; *Авилова*, 2013; 2018a; 2020; 2023a). Сходные взгляды на назначение древних изделий из металла высказываются и в зарубежной литературе (*Reeves*, 2003; *Roberts et al.*, 2009; *Klaunzer*, 2013; *Ропа*, 2016). Наиболее достоверным признаком для идентификации предмета как элитарного, престижного является

сложность его изготовления, высокие трудовые затраты на доставку и производство, ценность/редкость материала. Эти особенности бытования металлических изделий отчетливо проявляются в эпоху формирования предгосударственных и раннегосударственных структур на Ближнем Востоке в IV–III тыс. до н. э. Контекст наиболее значимых, в том числе металлических, находок демонстрирует их стабильную связь с определенными типами памятников, прежде всего – элитарными погребениями и могилами (Авилова, 2011; 2018а; 2018б; 2020; 2022; 2023а; 2023б; 2023в). Факт распространения определенных категорий престижного инвентаря в элитарных комплексах Ближнего Востока (рис. 1) можно рассматривать как отражение динамики культурных процессов и социальных трансформаций.

Автор настоящей работы придерживается мнения, что толчком к изготовлению металлических изделий, начиная с первых шагов освоения металла, было прежде всего стремление создать отличительные знаки социально выдвинутых лиц или групп. Подобные мнения по поводу назначения древнейших изделий из металла высказываются в статье Б. Робертса, К. Торнтон и В. Пиготта, в которой авторы подчеркивают роль «украшений», наделенных общественными, культурными и идеологическими функциями (Roberts et al., 2009).

Социально-экономическая дифференциация общества и его идеология в археологическом материале выражается в определенных классах предметов, служивших внешними знаками общественного статуса. Соответственно, внимание автора сосредоточено на предметах, которые могут являться специфическими археологически уловимыми признаками процесса формирования элиты – маркерами высокого социального статуса и связанных с ним властных и идеологических полномочий их владельцев (см.: Hansen, 2020). Продукция металлопроизводства полностью удовлетворяет этим требованиям: для обозначения высокого ранга служили такие категории вещей, как парадное оружие, металлическая посуда (Zimmerman, 2009; Lichter, 2018; Авилова, 2020; 2021; 2022; 2023а), изделия, которые принято относить к украшениям, детали костюма, в том числе головные уборы (Tobler, 1950. P. 92, 116; Антонова, 1991а; Antonova, 1992; Schmandt-Besserat, 1993; Frangipane et al., 2001; Rothman, 2002; Braun-Holzinger, 2007; Di Nocera, 2010; Yalçın, Yalçın, 2018; Keskin, 2019; Ковалев, 2020).

Объект настоящего исследования – общественные процессы и идеологические нормы, связанные с применением металлических изделий.

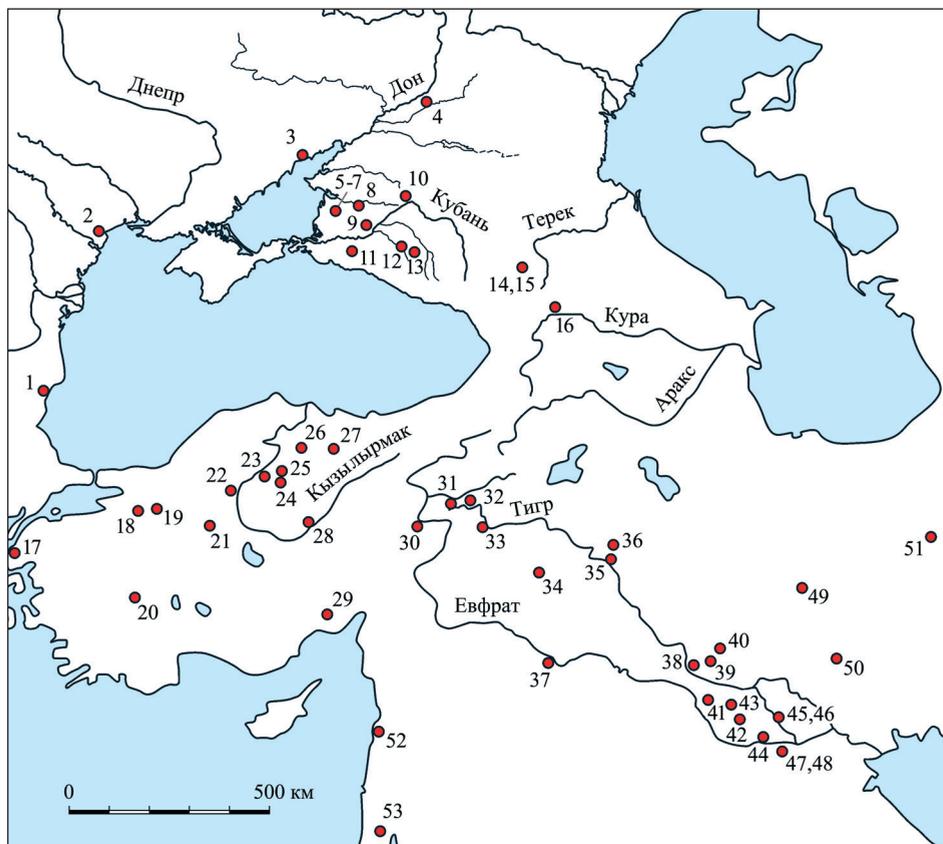

Рис. 1. Карта памятников конца VI – начала II тыс. до н. э., упоминаемых в тексте (составитель А. А. Клещенко)

1 – Варна, 2 – Усатово, 3 – Мариупольский, 4 – Ериковский I, 5 – Малаи I, 6 – Останний I, 7 – Незаметный, 8 – Хутор Кубань, 9 – Пластуновский I, 10 – Кавказский II, 11 – Северский I, 12 – Майкопский курган, 13 – Новосвободная, 14 – Нальчиская гробница, 15 – Чегем, 16 – Квацхелеби, 17 – Троя, 18 – Кучукхююк, 19 – Демирчихююк-Сарикет, 20 – Бейджесултан, 21 – Полатлы, 22 – Хасаноглан, 23 – Ресулоглу, 24 – Эскияпар, 25 – Аладжахююк, 26 – Махматлар, 27 – Хорозтепе, 28 – Кюльтепе, 29 – Тарс, 30 – Арслантепе, 31 – Коруджутепе, 32 – Тюлентепе, 33 – Кайапынар, 34 – Телль Брак, 35 – Телль Арпачия, 36 – Тепе Гавра, 37 – Мари, 38 – Хафадже, 39 – Телль Аграб, 40 – Телль Асмар, 41 – Киш, 42 – Ниппур, 43 – Абу Салабих, 44 – Урук, 45 – Телло (Гирсу), 46 – Лагаш, 47 – Эль Убейд, 48 – Ур, 49 – Тепе Гиан, 50 – Сузы, 51 – Арисман, 52 – Библ, 53 – Айн Самия

Предметом исследования являются археологические находки Эпохи раннего металла (рубеж V–IV – II тыс. до н. э.) с территории Ближнего Востока.

Методической основой данной работы является сравнительно-исторический подход к археологическому материалу. Применяемая методика построена на последовательном прохождении трех исследовательских уровней: сбор и систематизация материала по поставленной проблеме; его историко-технологический анализ; историко-культурная интерпретация данных. Применяется сравнительно-типологический метод исследования с использованием данных отечественной и зарубежной литературы. Методы работы с материалом включают формально-типологический анализ артефактов, статистический анализ их распределения по хронологической шкале, типам археологических памятников и территориям, изучение контекста находок.

1. Хронологические рамки исследования

Природа металлических изделий такова, что их морфология и рецептура не подвержены столь быстрым и выразительным изменениям, как керамика, а число металлических находок несравнимо меньше. Поэтому вопросы, связанные с производством и использованием металла, целесообразно рассматривать в достаточно широких временных рамках: это дает возможность выявить особенности металлического инвентаря протяженных хронологических периодов, наполненных важнейшими историческими, культурными и социальными явлениями.

Изучение древнего металла на широких территориях требует единой хронологической шкалы. В ходе работ по изучению раннего металлопроизводства группой исследователей, связанных с лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН, была разработана историко-металлургическая хронологическая схема. Она учитывает как культурные (сложение тех или иных культурных общностей и цивилизаций), так и технологические показатели (распространение определенного набора морфологически выразительных категорий инвентаря, рецептура сплавов на медной основе, применение стандартизованных способов литья и кузнечной обработки) (Авилова, 1996; Авилова и др., 1999. Табл. 1; Черных и др., 2002. Рис. 3; Chernykh et al., 2002). От региональных периодизаций она отличается меньшей детализацией. Хронологические границы основных

периодов ЭРМ по историко-металлургической схеме таковы: энеолит (МВ) – вторая половина V – начало IV тыс. до н. э.; раннебронзовый век (РБВ) – середина IV – первая четверть III тыс. до н. э.; среднебронзовый век (СБВ) – середина III – начало II тыс. до н. э.; позднебронзовый век (ПБВ) – 1600–1200 гг. до н. э. Для V–III тыс. до н. э. за основу абсолютной хронологии принимаются калиброванные радиоуглеродные даты (*Черных и др.*, 2000).

Данная работа посвящена металлосодержащим комплексам Анатолии и Месопотамии. Применение историко-металлургической периодизации позволяет сопоставлять «исторические» хронологические схемы, разработанные для регионов с древнейшей письменной традицией (прежде всего для Месопотамии), с чисто «археологическими» системами хронологии, применяемыми для бесписьменных (до II тыс. до н. э.) территорий Анатолии, а также других регионов Древнего Востока и сопредельных территорий. Этот путь снимает также некоторые терминологические расхождения. Так, в соответствии с традиционной «исторической» периодизацией, принятой в месопотамской археологии, период Убейда обозначается термином «ранний халколит», а урукская цивилизация с ее городскими поселениями, монументальной архитектурой и письменностью – «поздний халколит». В то же время синхронные Уруку майкопская культура Северного Кавказа и древняя общность восточноевропейских степей всеми специалистами относятся к эпохе ранней бронзы (*Черных, Орловская*, 2009. С. 31–33). Историко-металлургическая периодизация позволяет найти выход и из этой ситуации. Хронология данного исследования охватывает конец V – III тыс. до н. э., т. е., по терминологии зарубежных исследователей, – поздний халколит и РБВ, в отечественной литературе – это ранний и средний периоды бронзового века.

Хронологические рамки работы для Месопотамии и Анатолии несколько различны. Для Двуречья они охватывают период с конца V по конец III тыс. до н. э., от позднего Убейда до начала Древнеавилонского периода. Для Анатолии хронология ограничена III тыс. до н. э., по терминологии зарубежных исследователей, это ранний и начало среднего периода бронзового века. Период Кюльтепе (начало II тыс. до н. э.) не входит в рамки работы.

Месопотамская периодизационная шкала основана на исторической хронологии. В абсолютных цифрах базовая последовательность хронологических периодов Месопотамии выглядит следующим образом (*Postgate*, 1994. P. 22):

Убейд – 5000–4000 до н. э.
Урук – 4000–3200 до н. э.
Джемдет Наср – 3200–3000 до н. э.
Раннединастический:
РД I – 3000–2750 до н. э.
РД II – 2750–2600 до н. э.
РД III – 2600–2350 до н. э.
Аккадский – 2350–2150 до н. э.
3-я династия Ура – 2150–2000 до н. э.
Древневавилонский – 2000–1600 до н. э.
Исин-Ларса – 2000–1800 до н. э.
1-я династия Вавилона – 1800–1600 до н. э.
1595 г. до н. э. – завоевание Вавилона хеттами.

Анализ материала требует сопоставимой хронологической шкалы для обоих регионов. Последовательность историко-культурных комплексов IV–II тыс. до н. э. для обоих регионов отражена в табл. 1, построенной в системе средней хронологии радиоуглеродных датировок Ближнего Востока, поскольку эта система чаще всего используется в работах по месопотамской тематике и на данный момент представляется наиболее точной (*Van De Mieroop*, 2007. P. 4, 107). Предлагается следующее соотношение культурных комплексов Месопотамии и Анатолии в рамках IV–II тыс. до н. э. (табл. 1).

При построении таблицы использованы хронологические схемы, основанные на радиоуглеродных датировках. Для анатолийского халколита – бронзового века это хронологические схемы анатолийского халколита – бронзового века М. Меллинк (*Mellink*, 1992) и Я. Якара (*Yakar*, 2011a; 2011b). Для Месопотамии использованы хронологические схемы, опубликованные в работах Э. Порады и др. (*Porada et al.*, 1992), Н. Постгейта (*Postgate*, 1994), Дж. Рида (*Reade*, 2001), М. Ван Де Миропы (*Van De Mieroop*, 2007).

2. Источники минерального сырья

Проблема рудных источников в анатолийско-месопотамском регионе подробно рассматривалась в работах автора (*Авилова*, 2018a. С. 64–76; 2018б. С. 86–102), поэтому здесь мы ограничимся кратким комментарием о местоположении рудных месторождений,

Таблица 1. Хронологическое соотношение исторических периодов Месопотамии и культурных комплексов Анатолии в рамках IV–II тыс. до н. э.

Месопотамия	Датировка	Анатолия	Период
Урук ранний/ средний	4000–3500	Арслантепе VII	Средний халколит
Урук поздний/ Джемдет Наср	3500–2900	Арслантепе VIA	Поздний халколит
Раннединастический I	2900–2750	Троя I, Арслантепе VIB, Бейджесултан 19–17	РБВ I
Раннединастический II	2750–2600	Троя II, Арслантепе VIC, Бейджесултан 16–13	РБВ II
Раннединастический III	2600–2350	Троя Пг-III, Арслантепе VID, Бейджесултан 12–8	РБВ III
Аккадский	2350–2100	Троя III	
3-я династия Ура	2100–2000	Троя IV, V	СБВ
Древневавилонский/ Исин-Ларса	2000–1595	Троя VI	
Касситский/ Средневавилонский	1600–1000	Троя VII	ПБВ

для которых имеются сведения об их вероятной разработке в древности. В Анатолии число таких рудных источников чрезвычайно велико (*Ryan, 1960; Jesus de, 1980; Yener, 1983; Gale et al., 1985; Wagner, 1988; Müller-Karpe, 1994; Yalçın, 2000; Pernicka et al., 2003; Massa, Palmisano, 2018. Fig. 15*) (рис. 2). Широко известны в археологической литературе месторождения сульфидных медных руд на востоке региона, в Эргани Маден (*Wallace et al., 1972*). Значение этого меднорудного района тем более велико, что по своему местоположению он находится на стыке месопотамской равнины с восточноанатолийским регионом, а вдоль Евфрата проходили пути на север, в район Кебана и далее на Кавказ. Однако следов древних горных выработок в Эргани не обнаружено, а поверхностные рудные горизонты на настоящее время полностью исчерпаны (*Jesus de, 1980. P. 214*).

В РБВ наблюдается интенсификация добычи полезных ископаемых. Ранняя добыча меди документирована на центральноанатолий-

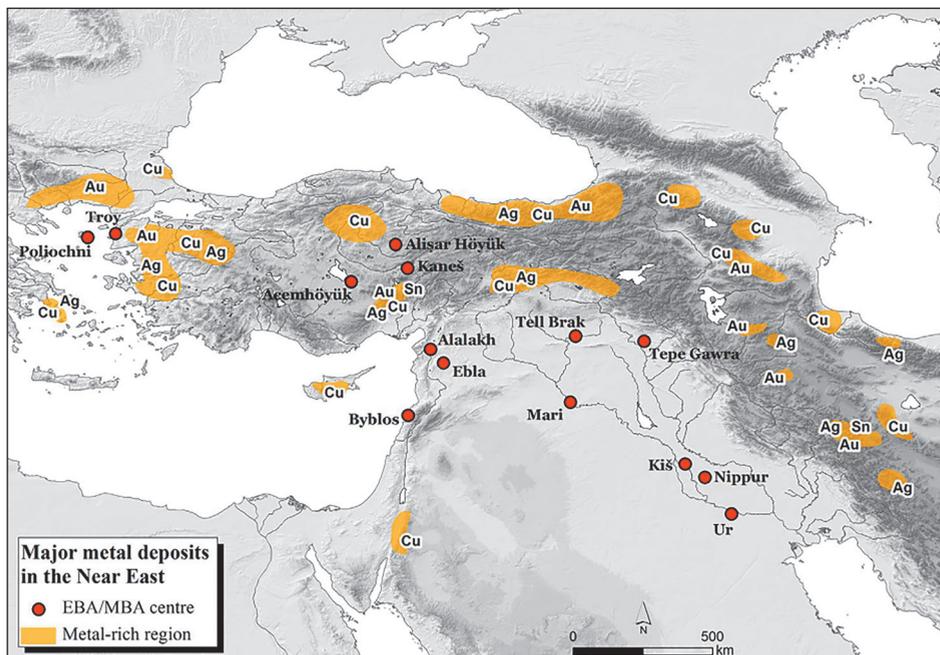

Рис. 2. Ближний Восток. Карта рудных месторождений
(по: *Massa, Palmisano*, 2018)

ском плато в горнодобывающем районе Козлу (р-н Токат) (*Wagner, Öztunali*, 2000. P. 49). В северной части плато, в 15 км от некрополя Хорозтепе расположен рудник, где в начале III тыс. до н. э. добывали сульфидную медную руду (*Giles, Kuijpers*, 1974). Здесь достаточно подробно зафиксированы и достоверно датированы следы древней добычи медной руды (*Jesus de*, 1980). Масштаб разработок был очень велик – следы разрушенных выработок достигают 300 м в длину и около 45 м в глубину. В Центральном районе Анатолии Чорум расположено также медное месторождение Дерекутугун (*Wagner, Öztunali*, 2000. P. 50; *Yalçın, İpek*, 2011; 2012).

Обширный меднорудный район Мургул находится в Северо-Восточной Анатолии (р-н Артвин) (*Wagner et al.*, 1989. P. 653–658; *Wagner, Öztunali*, 2000. P. 46; *Di Nocera*, 2010. P. 271).

На западе Анатолии также много медных месторождений. В Тактакопру (р-н Бурса) есть следы разработок античного времени, но вероятно, что они эксплуатировались и в более раннее время (*Pernicka et al.*, 2003. P. 158). Расположенное южнее месторождение Серчео-

ренкей (р-н Балыкешир) по керамике датируется РБВ I (*Pernicka et al.*, 2003. Р. 160). В Бейджесултане весь проанализированный металл от позднего халколита до средней бронзы происходит из одного рудного источника с неравномерным содержанием мышьяка (*Gale et al.*, 1985. Р. 164). В окрестностях поселения зафиксировано четыре меднорудных месторождения со следами древних разработок. Вероятно, на протяжении всего существования поселения от энеолита до поздней бронзы население эксплуатировало одно расположенное поблизости месторождение Кизилджа.

Медно-бронзовые изделия Трои II по составу происходят как минимум из пяти месторождений. В Троеде известно 14 месторождений (*Ryan*, 1960; *Pernicka et al.*, 2003. Р. 151–160), в трех из них зафиксированы древние выработки, однако они точно не датированы; вблизи двух месторождений имеются следы металлургической деятельности. Данные Н. Гейла указывают на возможность использования троянскими металлургами еще четырех месторождений, расположенных вдоль черноморского побережья Малой Азии (*Stos-Gale et al.*, 1985).

В IV тыс. до н. э. как в Анатолии, так и в Месопотамии применялась в основном мышьяковая бронза, в III тыс. до н. э. ведущим сплавом становится оловянная (*Авилова*, 2008. С. 140–142). Источники олова упоминаются в шумерских текстах III тыс. до н. э. (*Moorey*, 1994. Р. 298–300). С геологической точки зрения вероятно его доставка с территории современного Афганистана; возможно, что для импорта олова использовались древние пути поставок бадахшанского лазурита (*Crawford*, 1974. Р. 242–243. Fig. 43). (Подробнее о проблеме источников олова см.: *Авилова*, 2018б. С. 68–78).

Правитель Лагаша Гудеа (21 в. до н. э.) получал олово из Мелухи, эта страна часто отождествляется с долиной Инда и южным побережьем Персидского залива. В древнеавилонский период олово ввозили в Мари из Элама. Таким образом, несмотря на ряд публикаций о древних оловянных рудниках в горах Тавра в районе Кестель (*Yener, Vandiver*, 1993), можно говорить о восточном происхождении большей части олова, которое использовалось в Южной Месопотамии. Появилась важная информация о богатых месторождениях оловянных руд со следами древних разработок в Средней Азии, в районах Бухары и Ферганы, откуда его могли поставлять в Месопотамию (*Potts*, 1997. Р. 170–174).

В древности в основном добывали не серебряную руду, а серебряно-свинцовые руды, из которых серебро извлекалось двухсту-

пенчатым методом плавки и купелирования. В Передней Азии и Восточном Средиземноморье получение серебра из свинцовых руд подтверждается находками свинцового глета (PbO), возникающего при купелировании (окислительном отделении свинца от серебра в расплавленном состоянии) (Авило́ва, Кузьминых, 2015). Обнаружение свинцового глета в поселении Хабуба Кабира на Среднем Евфрате доказывает, что уже в IV тыс. до н. э. здесь производили серебро (Muhly, 1993. P. 130–136).

В шумерских текстах упоминается много источников серебра, это страны Дильмун, Аратта, Элам, Мархаши, Мелухха, которые находятся к востоку или к югу от Месопотамии. В аккадских текстах горы Тавра фигурируют под названием «Серебряные горы» (Moorey, 1994. P. 235). Как явствует из более поздних древнеассирийских текстов, главным источником месопотамского серебра в это время была Анатолия (Moorey, 1985. P. 110–111).

На Верхнем Евфрате разрабатывались месторождения меди и свинецосодержащих серебряных руд (Ryan, 1960). Здесь имеются свидетельства добычи серебра в урукский период (Yener, 1983). Вдоль северо-восточного побережья Анатолии также простирается обширный район месторождений медных и серебряных руд, имевший развитые связи с Верхней Месопотамией в сфере обмена металлом (Maxwell-Hyslop, 1974; Yener, 1983; Pernicka et al., 1984).

Свинцово-серебряные месторождения существуют и в горах Центрального Тавра, район Болкардаг в Юго-Восточной Анатолии, где известны древние следы добычи серебра (Yener, 1983. P. 8–9; Yener, Özbal, 1986. P. 314–318). На западе Анатолии также имеются источники серебра, наиболее крупные – Балья (р-н Балькешир) и Маден Исланд в Эгеиде (Pernicka, 2000. P. 152, 155). Достоверные следы древних разработок обнаружены у селения Гюмюш (название переводится как «серебро») в районе горы Самсун Даги (Yener, 1983. P. 15. Fig. 4). Рудник Актепе датируется первой половиной III тыс. до н. э. Интересно, что он эксплуатируется и в настоящее время (Kaplan, 2000. P. 760).

Свинец как побочный продукт добычи серебра благодаря своей пластичности широко использовался для производства сосудов. Об этом свидетельствует большая серия таких находок из Царского некрополя Ура времени позднего Урука (Woolley, 1955). В Западной Анатолии серия свинцовых сосудов найдена в могильнике Демирчиюк-Сарикет (подробнее см. ниже).

Что касается золота, в Анатолии была широко распространена промывка аллювиального золота. В Древнем мире богатейшим источником этого металла считалась река Пактол в Лидии, многие реки Анатолии до сих пор являются золотоносными. Имеются аналитические данные, которые указывают, что одним из источников золота, использованного для изготовления украшений из Царского некрополя Ура, могли быть месторождения на юго-востоке Анатолии (*Maxwell-Hyslop, 1977*). Современные свинцово-изотопные исследования золотых изделий из некрополя Ура показали, что этот металл доставлялся в Южную Месопотамию из Ирана или Афганистана (*Jansen et al., 2016. P. 105*).

В Месопотамии, в особенности южной, практически отсутствуют рудные источники, как и другие минеральные ресурсы (*Авилова, Терехова, 2006; Авилова, 2017; Massa, Palmisano, 2018. Fig. 15*). Металл поступал в Двуречье в виде импорта, причем пути его поступления одновременно служили каналом распространения месопотамского культурного воздействия на соседние территории.

Период позднего Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.) – время прорыва в социально-политическом развитии регионов, охваченных месопотамским культурным влиянием. В Восточной Анатолии и Юго-Западном Иране локализуются расположенные на путях обмена городские центры шумерского облика с культовыми и административными зданиями. Такие поселения-колонии со следами производства металла, как Арслантепе и Норшунтепе на Верхнем Евфрате, Хассек-Хююк на Среднем Евфрате (*Schmitt-Strecker et al., 1992; Yener, 2000. P. 48–57, 67–70; Мунчаев, 2005; Di Nocera, 2010*), специализировались на поставках металла в Южную Месопотамию. Масштабы импорта были достаточно велики: несмотря на отсутствие источников металла, в Двуречье фиксируется поэтапный стремительный рост количества металлических изделий благодаря тому, что шумерской метрополии удалось наладить широкую доставку металла извне путем обмена (*Moorey, 1994; Авилова, 2017; Yener, 2000*), что стало возможным в условиях городской цивилизации Урука с ее обширными связями (*Algaze, 1989*) и организационными возможностями.

Г. Альгазе выделяет несколько аспектов взаимосвязей урукской цивилизации с соседями: проникновение на ближние земли; строительство поселений в глубинных районах, преимущественно в пунктах контроля над путями сообщения; рост количества и репертуара ввозимых товаров; возникновение на местах сложной администра-

тивной системы; усиление контроля местных элит над рядовым населением с целью обеспечения рабочей силы и безопасной транспортировки товаров (*Algaze*, 1989. P. 574).

Еще одна проблема – способы транспортировки сырья в Месопотамию. До середины III тыс. до н. э., вероятно, преобладала его доставка сушей, хотя расстояния могли преодолеваться и по воде, по многочисленным протокам и каналам. В начале III тыс. до н. э. вьючными животными служили ослы; время одомашнивания верблюдов относят к середине III тыс. до н. э. или несколько позже (*Potts*, 1994. P. 44–45, 47). Во второй половине III тыс. до н. э. большое значение приобрели водные пути, в том числе через Персидский залив. Они были гораздо дешевле; так, во II тыс. до н. э. медь из Магана (Оман) была дешевле анатолийской (*Potts*, 1994. P. 144). Положение Месопотамии ставило ее в выгодную позицию как торговца-посредника разными видами сырья и отчасти готовыми изделиями. Особенно интересно, что из нее, по крайней мере, с начала II тыс. до н. э. шло олово, происходившее, скорее всего, из Центральной Азии (см.: *Moorey*, 1994. P. 297–301; *Potts*, 1994. P. 157–159).

Глава 1

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОСУДЫ АНАТОЛИИ И МЕСОПОТАМИИ

Данный раздел работы посвящен металлическим сосудам раннего и среднего периодов бронзового века из Анатолийского и Месопотамского регионов. Он представляет исследовательское направление, связанное с изучением содержания и тенденций культурных процессов на Ближнем Востоке по данным археологических источников. Автор ставит своей целью изучение металлических сосудов из археологических памятников двух регионов Ближнего Востока по ряду признаков и проведение сравнительного анализа полученных результатов.

Задачи исследования данной категории находок включают: 1) статистический анализ имеющихся авторских баз данных по металлическим сосудам; 2) выявление динамики распространения металлической посуды во времени и пространстве; 3) установление преимущественной связи находок с теми или иными типами памятников; 4) характеристику морфологии сосудов по периодам и регионам; 5) статистическую характеристику материала изготовления сосудов; 6) определение их функционального назначения; 7) уточнение социальных практик использования металлической посуды.

Исследование древних изделий из металла, и сосудов в том числе, не ограничивается проблемами развития ранней металлургии и металлообработки, обмена материалами и технологиями. Металлические сосуды – значимая категория инвентаря. Автор подчеркивает значение находок металлической посуды для идентификации комплекса как элитарного, в особенности в связи с ее использованием в ходе общественно значимых событий. Несмотря на относительную редкость данной группы находок, металлические сосуды следует рассматривать как один из важных признаков иерархической струк-

туры раннегосударственного общества. Для уточнения символики сосудов привлекаются изобразительные материалы.

Металлические сосуды – одна из выразительных категорий инвентаря Циркумпонтийской историко-культурной и производственной зоны (провинции), существовавшей в раннем и среднем периодах бронзового века (*Chernykh*, 1992. Р. 140–171). В 1980-е гг. в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН был выполнен ряд проектов по созданию и анализу компьютерных баз данных (БД) по металлическим изделиям Циркумпонтийской металлургической провинции. Автором данной работы были созданы БД по четырем регионам Ближнего Востока (*Авилова, Черных*, 1989; *Černyh et al.*, 1991; *Авилова*, 1996; 2001; 2008; 2013; *Авилова, Орловская*, 2001; *Chernykh et al.*, 2002; *Черных и др.*, 2002). Месопотамская и анатолийская БД (*Авилова*, 2008. Табл. 3–5, 10–14; 2013; 2018б) стали основой настоящего исследования. В результате целенаправленного сбора данных на настоящий момент по Месопотамии учтено 2015 металлических сосудов (*Авилова*, 2023а; 2023б), по Анатолии собраны сведения о 160 экземплярах (*Авилова*, 2020; 2023а).

1. Основные направления изучения металлических сосудов

В IV–III тысячелетиях до н. э. на Ближнем Востоке происходили важные культурные перемены, получившие отражение в урбанизации облика культуры и ландшафта, расширении межрегиональных систем обмена (*Şahoğlu*, 2005; *Jablonka*, 2014; *Massa, Palmisano*, 2018; *Авилова*, 2017), прогрессе в объеме и технологии металлопроизводства (*Авилова*, 2008). В этот период происходит количественный рост и расширение морфологического репертуара металлических изделий. Появляется целый ряд новых категорий инвентаря: парадное оружие (кинжалы, копьё, проушные топоры), разнообразные украшения и изделия символического/культового назначения (*Frangipane et al.*, 2001; *Zimmerman*, 2009; *Di Nocera*, 2010; *Klaunzer*, 2013; *Yalçın, Yalçın*, 2018; *Авилова*, 2008; *Ковалев*, 2020). Среди таких инновационных изделий – сосуды – одна из значимых категорий инвентаря Циркумпонтийской историко-культурной и производственной зоны. Они достаточно широко представлены в памятниках бронзового века Анатолии и Месопотамии. Материалом для изготовления сосудов служили все известные в ту эпоху металлы – медь-бронза, золото, серебро, свинец.

Металлические сосуды – чрезвычайно редкая археологическая находка, они известны из ограниченного числа местонахождений. При этом нередко встречаются керамические подражания/имитации металлических сосудов с лощеной до зеркального блеска поверхностью. Как сами сосуды, так и их керамические имитации свидетельствуют о высоком спросе на такую продукцию и существовании обмена подобными предметами на дальние расстояния. Этот факт позволяет предполагать, что металлические сосуды были распространены более широко и ценились выше, чем может показаться, исходя из имеющихся археологических данных.

Эта яркая категория инвентаря привлекала внимание исследователей начиная с первых публикаций металлических сосудов в составе троянских кладов (*Schmidt*, 1902). Более или менее детальные описания морфологии анатолийских сосудов приводились затем при публикации могильников, кладов и отдельных находок (*Koşay, Akok*, 1950; *Koşay*, 1951; *Özgülç, Akok*, 1958; *Özgülç*, 1964; *Özgülç, Temizer*, 1993).

Шагом вперед в понимании места и роли металлической посуды в контексте археологических комплексов стала публикация тома по медно-бронзовому веку в серии *Handbuch der Vorgeschichte* (*Müller-Karpe*, 1974). В целом ряде работ основной акцент авторы переносят с формально-стилистического анализа и хронологической привязки металлической посуды на ее социальную роль в составе престижного инвентаря, отражающего процессы имущественной и социальной дифференциации обществ, формирования элиты (*Yener*, 2000; *Reeves*, 2003; *Zimmerman*, 2009; *Klaunzer*, 2013). Этой проблематике специально посвящен том *Anatolian Metal VIII* (в частности, статьи: *Lichter*, 2018; *Yalçın, Yalçın*, 2018). Следует отметить, что, к сожалению, многие находки сосудов до сих пор не опубликованы достаточно детально, а контекст их обнаружения остается неясным или неизвестным, что во многом объясняется высоким спросом на эти находки на рынке антиквариата и, как следствие, – незаконными раскопками.

Особый интерес для нашей темы представляет работа М. Ю. Трейстера о троянских кладках (*Трейстер*, 1996). В ней автор дает подробную морфологическую характеристику хранящихся в ГМИИ им. А. С. Пушкина сосудов из кладов Трои II–III, детально рассматривает их конструктивные особенности и на этой основе выстраивает систему аналогий с месопотамскими памятниками, уточняя хронологию троянских древностей.

Типология месопотамских металлических сосудов была разработана Л. Вулли на богатейших материалах некрополя Ура (*Woolley*, 1934). Она положена в основу всех последующих классификаций, включая наиболее полную сводку М. Мюллера-Карпе (*Müller-Karpe*, 1993a; 1993b). Большое место занимают сосуды в рассуждениях С. Хансена об использовании золота и серебра в майкопской культуре (*Hansen*, 2014a. P. 391–392), причем автор вслед за Мюллером-Карпе (*Müller-Karpe*, 1993b. S. 12 ff.) подчеркивает уникальность майкопской серии металлических сосудов и отсутствие для них прямых параллелей с синхронными урукскими материалами IV тыс. до н. э. Этот факт подкрепляется находками в памятниках майкопской культуры не только сосудов из драгоценных металлов, но и крупных бронзовых сосудов (*Корневский*, 2011. С. 86–88. Рис. 90: 1, 3). Так, например, котел из Нальчикской гробницы имел в высоту 57 см (рис. 1.1: 10). Среди месопотамских материалов урукского времени ничего подобного мы не знаем.

Металлические сосуды фигурируют и в историко-металлургических исследованиях: в классической работе У. Эсин по изучению сплавов на медной основе (*Esin*, 1969) и монографии П. де Джизуса о рудниках Анатолии и технологии производства металлических изделий (*Jesus de*, 1980). В томе *Prähistorische Bronzefunde* М. Мюллера-Карпе по металлическим сосудам с территории Ирака приводятся сведения по спектральному составу ряда находок (*Müller-Karpe*, 1993b. P. 311–316).

Следует также упомянуть работу Н. В. Рындиной (2017), посвященную технологии изготовления майкопских медно-бронзовых сосудов. Применение метода микроструктурного анализа позволило автору выделить несколько технологических схем, использовавшихся ремесленниками-профессионалами Северного Кавказа уже в IV тыс. до н. э. Автор доказала, что на Ближнем Востоке нет материалов, отражающих столь высокий уровень производства сосудов из меди-бронзы. Можно лишь сожалеть, что к настоящему времени подобное исследование представительной серии бронзовых сосудов из ближневосточного региона не проводилось. Исключением является детальное, с применением современных аналитических методов, исследование серебряных сосудов из Трои (*Völling*, 2014; *Born et al.*, 2014).

Металлическим сосудам из анатолийских кладов эпохи бронзы уделено внимание в монографии и ряде статей автора (*Авилова*, 2018;

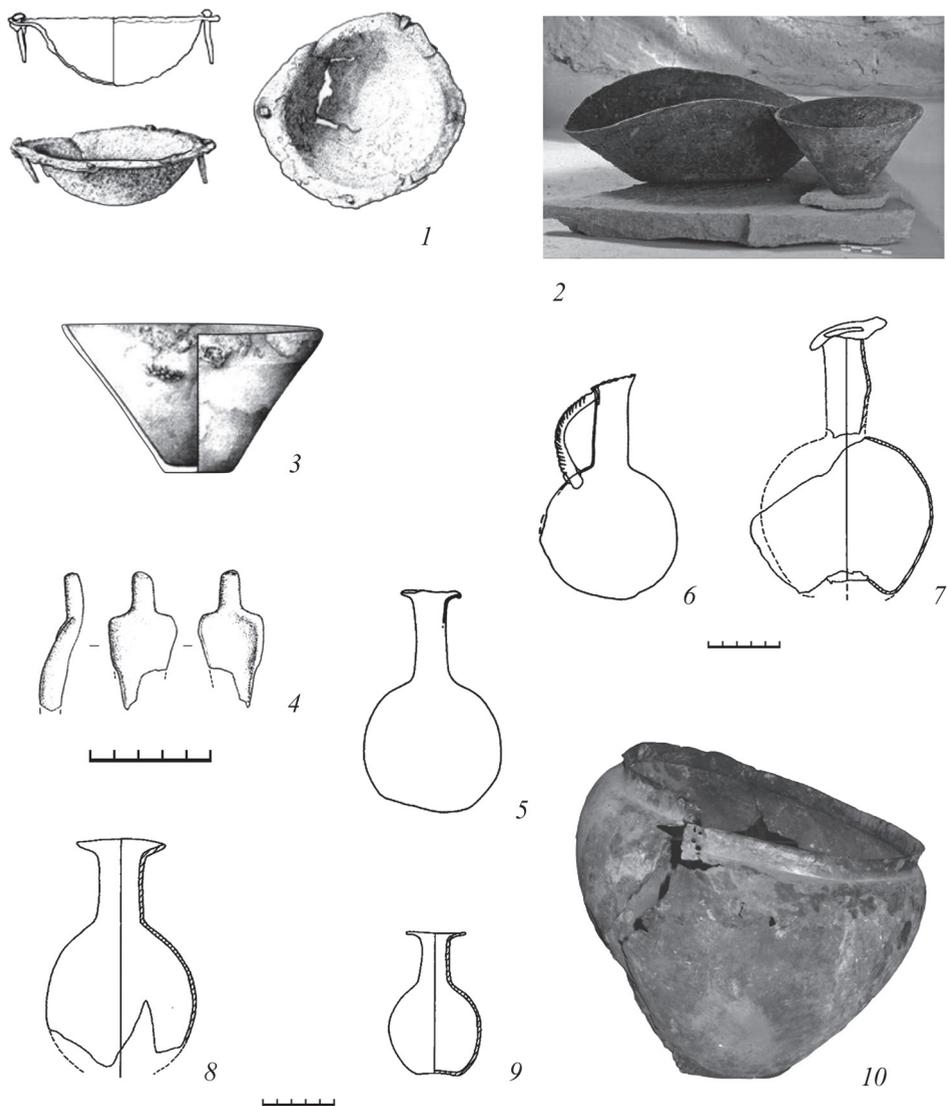

Рис. 1.1. Металлические контейнеры/сосуды из Анатолии (РБВ I и II) и Северного Кавказа.

1 – Арслантепе VIA, храм В (по: *Di Nocera*, 2010); 2, 3 – Арслантепе VIB, сосуды из Царской гробницы (по: *Di Nocera*, 2010); 4–6 – Демирчихююк-Сарикет (по: *Efe, Fidan*, 2006); 7–9 – Кучукхююк (по: *Gürkan, Seher*, 1991); 10 – котел из Нальчикской гробницы (по: *Hansen*, 2014b).

1–4, 10 – бронза; 5–9 – свинец

2020; 2023а; 2023б). В них представлено хронологическое распределение и морфология сосудов в анатолийском регионе, уточняются их назначение, социальные и ритуальные функции. Опубликованы также результаты статистического исследования металлической посуды из археологических памятников бронзового века Месопотамии (Авилова, 2023б) и проведено сравнение анатолийских и месопотамских материалов (Авилова, 2023а). В этих работах материал анализируется с позиций экономических, культурных и общественных процессов, происходивших на Ближнем Востоке. Автор рассматривает металлическую посуду как свидетельство прогресса металлопроизводства, функционирования широких межрегиональных связей, а в социокультурном плане – как признак иерархической структуры раннегосударственного общества, сложения цивилизаций ближневосточного типа.

2. Анатолия

В нашей БД по металлическим изделиям из Анатолии есть сведения о 160 сосудах. Из них 132 происходят из 12 определенных памятников и 28 представляют собой случайные находки. Ограниченное число находок позволило провести детальный анализ коллекции, включая описание морфологии, декора, контекста нахождения (Авилова, 2020).

2.1. Материалы. Хронологическая представительность материалов по двум историко-культурным регионам количественно неравноценна, поскольку в Месопотамии имеются металлические сосуды IV и III тыс. до н. э., тогда как в Анатолии наиболее ранние находки относятся к началу III тыс. до н. э.

Собранные материалы представляют три периода анатолийского раннебронзового века (РБВ I–III), т. е. все III тыс. до н. э. Период Кюльтепе (начало II тыс. до н. э.) не входит в рамки исследования. Ранние (РБВ I) сосуды происходят из Арслантепе VIВ и Демирчихююк-Сарикет (всего 3 экз.). К РБВ II относятся находки из Демирчихююк-Сарикет и Кучукхююк (32 экз.). Находки РБВ III известны из царских могильников Аладжахююк (37 экз.) и Хорозтепе (23 экз.), погребения в Махматлар (2 экз.), могильника Ресулогулу (6 экз.), кладов Трои II (17 экз.) и Эскияпар (7 экз.), поселений Тарс (1 экз.), Полатлы (1 экз.), Кайапынар (3 экз.) – всего 97 экз. К этому же времени по морфологическим признакам относятся 28 случайных находок.

2.2. Хронология и территориальное распространение металлических сосудов в Анатолии. РБВ I–III. В Восточной Анатолии первые металлические сосуды появляются на рубеже IV и III тыс. до н. э. Эти находки единичны. Наиболее раннее свидетельство изготовления «контейнеров» из листового металла – дверной подпятник из общественного здания, связанного с комплексом храма В в Арслантепе VIA (3300–3000 до н. э., см: *Di Nocera*, 2010. P. 263. Fig. XIII.3: б). Предмет из мышьяковой бронзы был прикреплен гвоздями к деревянному порогу здания и сохранился *in situ* (рис. 1.1: 1).

Самый ранний комплекс с находками собственно сосудов – погребение, известное как Царская гробница на поселении Арслантепе (слой VIB), датируемое РБВ IB (рубеж IV и III тыс. до н. э.) (*Frangipane et al.*, 2001). Центральное захоронение в ящике из каменных плит принадлежало взрослому мужчине. Сверху на каменном перекрытии могилы находились останки еще четырех погребенных. В центральном погребении обнаружен богатый и социально значимый инвентарь. Наряду с представительным набором оружия (копья, кинжалы) и серебряными украшениями, найдены диадемы-ленты: одна в центральном погребении и две на головах сопровождающих жертв. Набор металлических изделий включает 75 предметов, в том числе оружие и украшения из редчайшего сплава меди и серебра (*Hauptmann, Palmieri*, 2000). Среди находок были два бронзовых сосуда в виде открытых чаш простой конической формы (рис. 1.1: 2, 3) (*Frangipane et al.*, 2001. Fig. 21: 10, 11; *Di Nocera*, 2010. Fig. XIII.4: 11; XIII.6: 4). Гробница принадлежала лицу высокого социального ранга, о чем свидетельствует не только богатство и специфический набор инвентаря, но и сложность ее конструкции, и присутствие сопровождающих погребенных. Редкая категория инвентаря – металлические сосуды – еще одно из ярких свидетельств этого статуса.

Контекст захоронения и особенности обряда уникальны. Гробницу из слоя VIB следует рассматривать в свете резких социальных изменений по сравнению с предшествующим позднеурукским периодом. Комплекс в целом и его инвентарь в частности иллюстрируют процесс политических, культурных и социальных трансформаций, вызванных приходом в регион Верхнего Евфрата населения из Закавказья. Новая элита не была связана с месопотамскими культурными традициями: погребение совершено вскоре после того, как предшествующий позднеурукский культово-административный центр на городском поселении конца IV тыс. до н. э. в слое VIA пришел

в упадок, а территория была занята новыми подвижными группами населения (*Frangipane*, 2017. P. 194–195). Об этом свидетельствуют несколько слоев пожара, изменение планировки и архитектуры поселения, появление чернолощеной керамики закавказского (куроаракского) облика (*Frangipane et al.*, 2001. Fig. 16).

На западе Анатолии позднеурукский период соответствует переходу от позднего халколита к раннебронзовому веку, когда происходит активная урбанизация региона. Наиболее представительны для юго-запада материалы Бейджесултана XIX–XVII. Северо-запад региона, его прибрежная часть, представлен материалами из Трои.

Внутренняя часть Западной Анатолии представляет собой гористую территорию, расположенную между Центральной Анатолией и Эгейским побережьем. Металлопроизводство региона в РБВ I (до середины III тыс. до н. э.) продолжает традиции позднего халколита. Наиболее значимые памятники РБВ I – поселения Бейджесултан и Демирчихююк, роль культурного центра на юго-западе Анатолии играет Бейджесултан. Для него характерны тонкостенные керамические сосуды с неглубокими широкими каннелюрами на поверхности и большими, даже преувеличенными ленточными ручками (*Lloyd, Mellaart*, 1962. Pl. 17; 18; 20). Эти черты позволяют предполагать существование для подобных сосудов металлических прототипов (*Efe, Fidan*, 2006. P. 20).

Могильник Демирчихююк-Сарикет (р-н Эскишехир) расположен в 300 м к западу от одноименного поселения. В нем исследовано ок. 600 захоронений РБВ и СБВ. Единственным изделием РБВ I, близким сосудам по назначению, является металлическая ложечка (*Efe, Fidan*, 2006. P. 18. Pl. 3: 6) (рис. 1.1: 4).

Большинство погребений Демирчи датируется РБВ II (2700–2400 до н. э.). Среди металлических находок этого времени имеется серия сосудов (*Efe, Fidan*, 2006. P. 22. Tab. 3). Наиболее распространенная форма – «сирийские фляжки» (Syrian bottles) – маленькие кувшинчики, вероятно, косметического назначения, с шаровидным туловом и узким высоким горлом (*Seeher*, 2000. Fig. 25: G 141b; *Massa*, 2008. Fig. 1.7: *t*). Всего в Сарикет обнаружено 26 таких фляжек (рис. 1.1: 5) и одноручный кувшин (рис. 1.1: 6) (*Seeher*, 2000. Fig. 36: G 295a). М. Масса насчитывает в могильнике 30 фляжек (*Massa*, 2008. P. 10). Еще три аналогичных свинцовых сосуда найдено в могильнике Кучукхююк, также расположенном в западной зоне (*Gürkan, Seeher*, 1991. Abb. 21) (рис. 1.1: 7–9). Подобный свинцовый сосудик найден

и в Тарсе, в слое РБВ III (*Goldman*, 1956. Fig. 435: 11). В Сарикет сирийские фляжки обнаружены как в богатых, так и в рядовых погребениях мужчин, женщин и детей, но в мужских захоронениях их встречаемость выше: 30,5% мужских погребений содержат украшения из серебра и золота, а также свинцовые сирийские фляги (*Massa*, 2008. P. 19). Характерно, что все кувшинчики-фляжки изготовлены из свинца (подобно ранним сосудам из Царского некрополя Ура). Этот факт вместе с находками серебряных налобных блях свидетельствует о знакомстве населения с добычей серебра из свинецсодержащих руд (*Seeher*, 2000). Это тем более характерная черта могильника Сарикет, что в другом богатом некрополе III тыс. до н. э. на юго-западе Анатолии – Караташ-Семайюк (*Mellink*, 1965; 1969) – при наличии металлического оружия и украшений, в том числе серебряных, свинец не представлен (*Efe, Fidan*, 2006. Tab. 5).

Следующий период РБВ III (2400–2000 до н. э.) отмечен достаточно широким распространением металлической посуды в Центральной Анатолии. Здесь известен ряд богатейших комплексов, из которых происходят значительные серии металлических сосудов (*Schmidt*, 1902; *Koşay*, 1951; *Koşay, Akok*, 1950; 1973; *Özgüç, Akok*, 1958; *Özgüç, Temizer*, 1993; Сокровища..., 1996; *Трейстер*, 1996). Остановлюсь на них подробнее.

Аладжахююк – широко известный памятник на севере Центрального плато (р-н Чорум). Раскопками, ведущимися с 1935 г., исследовано поселение и могильник. На периферии поселения РБВ II позже было устроено кладбище эпохи РБВ III. Исследовано 13 погребальных камер, построенных из камня с бревенчатыми перекрытиями и опорными столбами. В них обнаружены захоронения одного, иногда двух погребенных – представителей местной элиты (*Koşay*, 1944. P. 43). Среди богатейшего инвентаря погребений выделяется серия металлических сосудов, в том числе из драгоценных металлов (рис. 1.2).

Нами учтено 37 экземпляров из 10 погребений. Среди наиболее характерных форм – одноручные кувшины со сливом и яйцевидным или шаровидным туловом, кубки на высокой ножке, глубокие чаши, открытые одноручные чаши. Одним экземпляром представлен «чайник» – закрытый серебряный сосуд с трубчатым носиком и высокой дугообразной ручкой. Два экземпляра – низкие бронзовые сосуды с вертикальным бортиком по краю и одной горизонтальной ручкой. П. де Джисус называет их сковородами – *frying pan* (*Jesus de*, 1980)

Рис. 1.2. Сосуды из некрополя Аладжахююк
(по: Art of the first cities, 2003; Yalçın, Yalçın, 2018).

1, 2 – гробница В; 3, 4, 8, 9, 10 – гробница К; 5, 6, 11 – гробница Н; 7, 12 – гробница Л; 13–15 – гробница А.

1–4, 10, 12 – золото; 5–9 – серебро; 11 – золото, сердолик; 13, 15 – бронза; 14 – керамика

(рис. 1.2: 13, 15). Орнаментация сосудов рельефная, в основном это зональные композиции разной степени сложности из каннелюр: пояс из вертикальных каннелюр, паркетный узор из треугольных шевронов, елочка, ряды дугообразных каннелюр, а также их сочетания. Встречаются S-видные мотивы. В захоронениях имеются также керамические лощеные сосуды с орнаментацией каннелюрами, имитирующие металлические формы (рис. 1.2: 14). Зооморфный декор отмечен в одном случае – рельефные изображения змей на серебряном «чайнике» (рис. 1.2: 9). Небольшие чаши имеют гладкую неорнаментированную поверхность. Одна чаша украшена сердоликовыми бусинами, закрепленными штифтами на поверхности сосуда (рис. 1.2: 11).

Наиболее широко представленной формой в могильнике являются кувшины. В их распределении прослеживается определенная закономерность, на которую обратил внимание О. Мускарелла (*Muscarella*, 2003. P. 284). В 6 гробницах из 13 найдены кувшины из драгоценных металлов. Золотые кувшины присутствуют в двух погребениях – В (рис. 1.2: 1) и К (рис. 1.2: 3), в последнем найдено также два серебряных (рис. 1.2: 8). В гробницах А, Е, Н, L были только серебряные кувшины, как орнаментированные, так и без орнамента. В двух погребениях отмечается сочетание двух форм сосудов: кувшина и кубка на высокой ножке. Это гробница К (золотой кувшин и два серебряных плюс золотой кубок) и гробница В (золотые кувшин и два кубка). Можно выделить и другой набор форм – кувшин и глубокая чаша; последняя, видимо, заменяет высокий кубок. Такое сочетание присутствует в гробнице Н (два серебряных кувшина плюс золотая чаша с сердоликовыми аппликациями – рис. 1.2: 5, 6, 11) и в гробнице L (серебряный кувшин и золотая одноручная чаша – рис. 1.2: 7, 12). Можно утверждать, что повторяющееся сочетание – кувшин плюс кубок/чаша – отражает некие существенные черты погребального ритуала.

Следует также отметить определенные градации в богатстве инвентаря могил внутри одного царского кладбища: самый роскошный набор сосудов представлен в двух гробницах (К и В), он включал золотые сосуды (в гробнице К также серебряные), тогда как в четырех гробницах присутствуют только серебряные кувшины, а кубки отсутствуют. В третью группу входят нескольких гробниц (D, R, S, T), где найдены только медно-бронзовые сосуды.

Из памятника Махматлар в Центральной Анатолии происходит выразительная серия металлических находок. Вещи были случайно

найжены крестьянами, последовавшие раскопки не позволили уточнить состав комплекса погребения и его контекст. По керамике и металлическим находкам, имеющим аналогии в некрополе Аладжяхюк, комплекс датируется серединой – второй половиной III тыс. до н. э. (Koşay, Akok, 1950) (рис. 1.3).

Сохранились два золотых сосуда – кувшин с богатым геометрическим орнаментом и неорнаментированный кубок на высокой ножке (рис. 1.3: 1, 2). Орнамент кувшина выполнен каннелюрами и представляет собой композицию из горизонтальных поясов, заполненных треугольными шевронами, среди которых помещены свастики.

Хорозтепе (р-н Токат) представляет собой сильно разрушенный памятник, включавший поселение с керамикой второй половины III тыс. до н. э. Памятник датируется концом РБВ III (Özgülç, Akok, 1958; Özgülç, 1964). Существовавший здесь богатый некрополь также разрушен, т.к. на его поверхности располагалось современное кладбище. Материалы из Хорозтепе рассеяны по разным музеям. Коллекция бронзовых предметов, приобретенная музеем Метрополитен в 1955 г. на рынке антиквариата, по информации торговцев древностями, происходит из этого памятника. Находки из могилы, случайно обнаруженной местными жителями, были переданы в Музей Анатолийских цивилизаций в Анкаре (Muscarella, 1988. P. 394). Второе погребение было найдено при последовавших в 1957 г. раскопках (Özgülç, Akok, 1958. P. 42 ff.; Pl. II–XV). При публикации находок авторы раскопок посчитали, что вещи из обеих музейных коллекций также происходят из этого памятника (Özgülç, Akok, 1958. P. 38 ff.; Özgülç, 1964). Учитывая сказанное, коллекция из Хорозтепе рассматривается нами как единая серия.

Обширный набор престижных вещей из Хорозтепе включает металлические сосуды; в литературе упоминается 23 экз., в нашей БД учтено 16 экз., в том числе один кубок из электра и три из серебра. Представлен ряд форм, характерных для Центральной Анатолии: одноручный бронзовый кувшин со сливом (рис. 1.4: 1), маленькие (высотой 8 см) глубокие кубки с одной ручкой (рис. 1.4: 5, 6), низкие открытые чаши без венчика и с венчиком (рис. 1.4: 7, 8, 10, 15), низкие чаши с высокой ручкой (рис. 1.4: 12, 13). Бронзовая «фруктовница» высотой 50 см на высокой ножке (рис. 1.4: 2) напоминает кубки из Аладжи, в том числе и орнаментацией в виде елочки на подставке, но с плоской и низкой верхней частью. Интересно, что данный сосуд сходен с более ранними керамическими «фруктовницами»

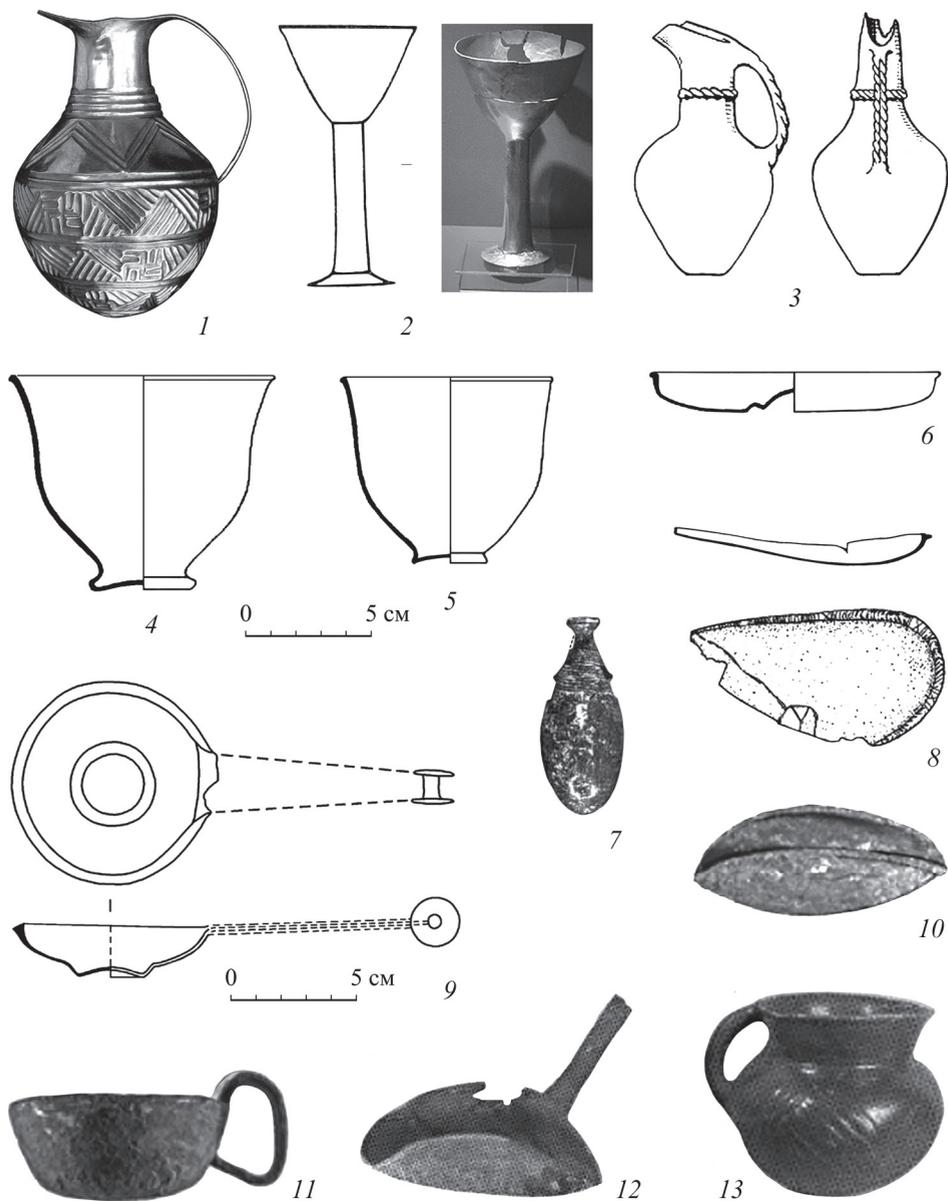

Рис. 1.3. Сосуды из памятников Центральной Анатолии
(по: Özgüç, Temizer, 1993)

1, 2 – Махматлар; 3 – Полатлы; 4–9 – Эскияпар; 10–13 – Ресулоглу.
1, 2 – золото; 3, 10–12 – бронза; 4–9 – серебро; 13 – керамика

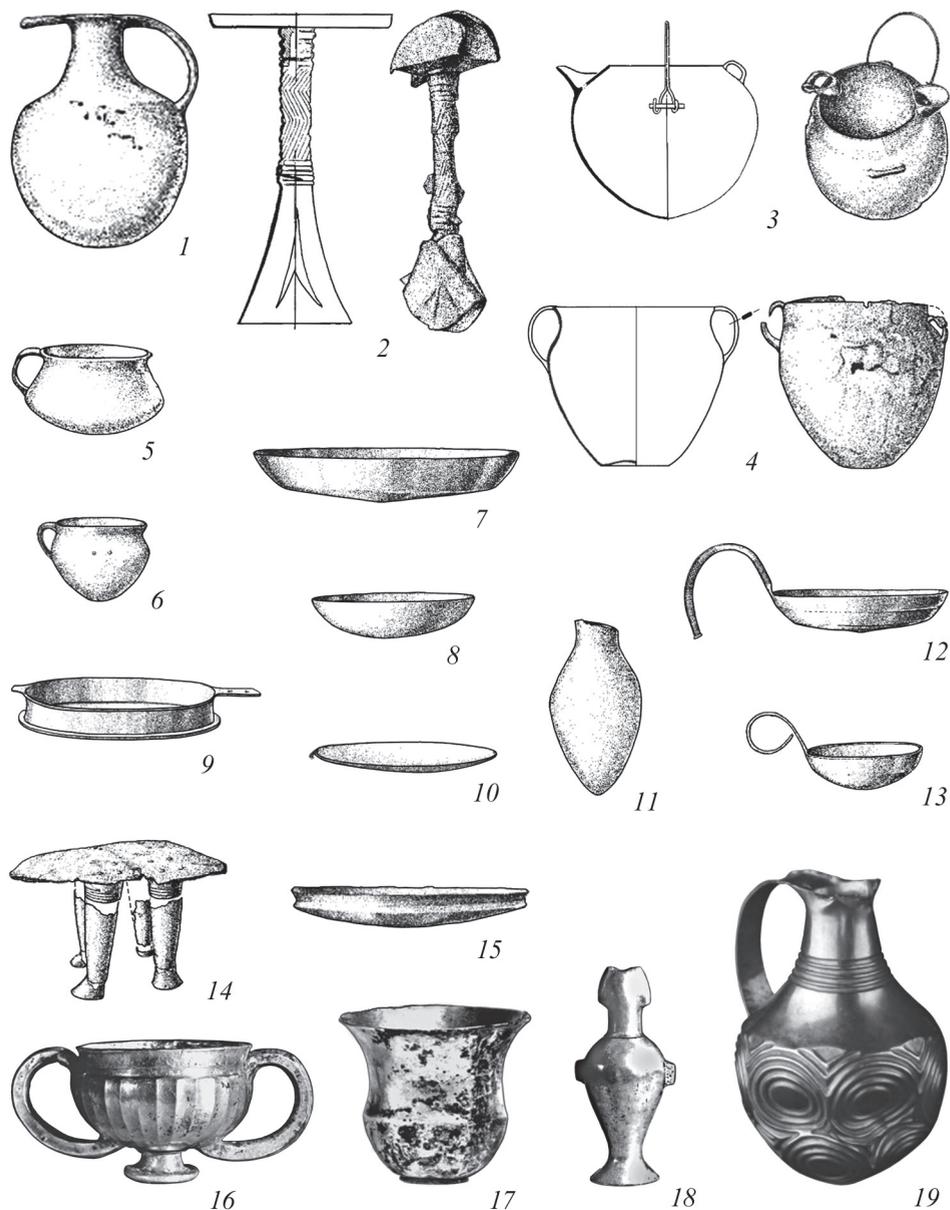

Рис. 1.4. Сосуды из Хорозтепе (1-15) и случайные находки с территории Анатолии (16-19) (по: *Zimmerman*, 2009)
 1-16 – бронза; 17 – серебро; 18 – электр; 19 – золото

из Арслантепе VIA (*Frangipane*, 2017. Fig. 13.2: a). Как и в Аладже, набор включает «чайник» с носиком и высокой ручкой (рис. 1.4: 3). Отмечу также яйцевидный сосуд с обломанным верхом (рис. 1.4: 11), напоминающий «сирийские фляжки» из Эскияпара. В погребении найден также сосуд, который авторы предположительно называют зеркалом (*Özgüç, Akok*, 1958. P. 44). Он низкий (2,6 см глубиной при диаметре 20 см) и имеет две короткие горизонтальные ручки (рис. 1.4: 9). Вероятно, это аналог «сковород» из Аладжи, также часто именуемых зеркалами. Найдено большое (длиной 48 см) бронзовое блюдо, намеренно согнутое пополам, внутри его были помещены два больших кубка и две чаши с высокими ручками (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. V: 5). Среди материалов погребения имеются два бронзовых столика. Один небольшой (длина крышки 16 см) на низких ножках, отлитый из оловянной бронзы (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. III: 3, 4). Второй столик больших размеров, кованый из бронзы, длина крышки – 67 см, высота ножек – 34 см (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. III: 1, 2) (рис. 1.4: 14). В обоих случаях в оформлении ножек имеются черты антропоморфизма: их нижняя часть выполнена в виде человеческой стопы (рис. 1.4: 14).

Могильник Ресулоглу также расположен в Центральной Анатолии (р-н Чорум). Раскопки памятника ведутся с 2003 г. (*Yildirim*, 2006). Исследовано свыше 270 погребений, совершенных по разному обряду: в каменных ящиках, сосудах и ямах. В них обнаружен богатый инвентарь, в том числе находки из свинца и драгоценных металлов – золота, серебра, электра, парадное оружие и металлические сосуды. Автор раскопок перечисляет такие формы посуды, как кубки, вазы, сковороды с длинной ручкой, открытые чаши (рис. 1.3: 12, 10), чаши с петлеобразной ручкой (рис. 1.3: 11) и ложечки, отмечая, что сосуды при помещении в могилу были намеренно повреждены: разломаны, сплющены. В основном посуда изготовлена из бронзы, лишь несколько экземпляров – из свинца (*Yildirim*, 2006. P. 8. Fig. 13). Точное число сосудов по публикациям нам установить не удалось, учтено всего шесть сосудов, изображенных на иллюстрациях. Ресулоглу относится к элитарным могильникам северной части Центральной Анатолии, руководитель раскопок Т. Йилдирим отмечает его связь с такими памятниками, как Хорозтепе, Аладжахююк, Эскияпар, и датирует РБВ II – началом РБВ III, т. е. 2500–2100 до н. э. (*Yildirim*, 2011. P. 458; *Dardeniz et al.*, 2018). Среди керамических сосудов из Ресулоглу, как и в Аладже, есть лощеные до зеркального блеска экземпляры с каннелированным орнаментом, явно имитирующие металлические (рис. 1.3: 13).

На западе Анатолии период РБВ III представлен в материалах могильников Каклик Мевкии и Караташ-Семайюк, а также поселений Куллоуба и Бейджесултан. Металлических находок этого времени очень мало, к категории сосудов можно условно отнести лишь одну находку – миниатюрную ложечку из могильника Каклик Мевкии (*Efe, Fidan*, 2006. Tab. 6).

К редким случаям находок металлических сосудов на поселении относится бронзовый кувшин из поселения Полатлы. Контекст находки неизвестен, точной стратиграфической привязки сосуд не имеет (*Lloyd, Gökçe*, 1951. Fig. 14: 14). Скорее всего, он связан с погребением в каменном ящике, открытом в слое 6. По форме кувшин очень близок кувшинам из памятников Аладжахююк, Махматлар, Хорозтепе, но его орнаментация скромнее, она выполнена не в технике каннелюр, а рельефом в виде витого пояса под горлом и витой ручки (рис. 1.3: 3).

Поселение Кайапынар в Центральной Анатолии относится ко второй половине III тыс. до н. э. Отсюда известны три бронзовых сосуда: чайник с шаровидным туловом (рис. 1.6: 2), цилиндрическим носиком и петельчатой высокой ручкой (*Temizer*, 1954. Res. 15). Морфологически и по способу крепления ручки он близок чайникам из Хорозтепе (рис. 1.4: 3) и Аладжахююк, гробница К (рис. 1.2: 9). Еще два сосуда фрагментированы, от одного сохранились плечики и высокая шейка с горизонтально отогнутым венчиком, от второго – часть округлого тулова с характерным для Центральной Анатолии каннелированным орнаментом (*Temizer*, 1954. Res. 16a, b). Судя по этим и другим металлическим находкам, на территории поселения существовал могильник.

В РБВ II–III (середина – вторая половина III тыс. до н. э.) представлен новый тип археологических памятников – клады. Серия кладов происходит из Трои II–III (РБВ IIВ – IIIА, 2600–2300 до н. э.) (*Schmidt*, 1902; Сокровища..., 1996; *Easton et al.*, 2002). Г. Шлиман даже писал о «горизонте кладов» (*Schatzfundhorizont*). Относительная хронология троянских кладов рассмотрена в ряде работ (*Трейстер*, 1996; *Easton*, 1997. P. 194–197; *Bachhuber*, 2009).

Троя II (РБВ IIВ – IIIА, 2600–2300 до н. э.) – поселение городского типа с оборонительной стеной и монументальными воротами, цитаделью, застроенной по единому плану крупными мегаронами. Стратиграфически клады происходят в основном из поздних слоев Трои II (начиная со слоя IIд, в основном IIг по Блегену),

часть комплексов связана с ранними горизонтами слоя III (*Bachhuber*, 2009. P. 6. Fig. 2). Относительная хронология троянских кладов рассмотрена А. М. Трейстером (1996) и Д. Истоном (*Easton*, 1997. P. 194–197). Последний также разрабатывал вопросы преднамеренного или непреднамеренного характера их сокрытия. До сих пор активно обсуждается вопрос о количестве комплексов, достоверности их состава и стратиграфической позиции. Классификацию кладов по признаку достоверности в зависимости от контекста их обнаружения впервые предложил К. Биттель. Он разделил их на три группы: 1) целенаправленно сокрытые закрытые комплексы, найденные в контейнерах (в том числе клад А в каменном ящике и клады С, D, F, E, I, M в сосудах); 2) комплексы, найденные на полах, под полами или в завалах стен помещений (клады В, J, K); и 3) вещи, найденные в сомнительном контексте, которые могут представлять собой случайные находки, не составляющие единого комплекса (клады O, Q, R, S) (*Bittel*, 1959. P. 18–19).

Точное число кладов из Трои определить сложно, исследователями приводятся цифры от 19 до 21 (*Трейстер*, 1996. С. 197–198). Наиболее полной и качественной публикацией находок из троянских кладов, в том числе металлических изделий, является каталог выставки «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана», проходившей в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1996–1997 гг., и каталог выставки троянской коллекции Государственного Эрмитажа «Шлиман. Петербург, Троя» (1998). Серия металлических сосудов происходит в основном из кладов А и В. Сосуды детально описаны в каталоге (*Сокровища..., 1996*), поэтому здесь их подробное описание не приводится.

Находки из большого клада А хранятся в различных музейных собраниях; самая крупная серия – в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Нами учтено 17 сосудов из Трои: 14 из клада А (5 бронзовых, 4 золотых, 5 серебряных), и три из клада В (1 бронзовый и 2 серебряных).

Среди троянских сосудов имеются два золотых кубка на рельефном поддоне (рис. 1.5: 2, 3) и два серебряных с шаровидным туловом и широким воронковидным горлом (рис. 1.5: 11, 12). Оба хранятся в Музее преистории и древней истории в Берлине. Один кубок круглодонный, у второго имеется поддон. Из серебра выполнена и открытая чаша на поддоне с рельефным медальоном (*omphalos*) на дне (рис. 1.5: 4). Уникален по форме ладьевидный золотой сосуд-«соусник» с двумя ручками, так же как и сферическая золотая

Рис. 1.5. Металлические сосуды из кладов Трои
(по: Schmidt, 1902; Сокровища..., 1996)

1, 4, 5, 6, 11, 12, 14, 17 – серебро; 2, 3, 15, 16 – золото; 7, 8, 9, 10, 13 – бронза

Рис. 1.6. Сосуды РБВ III

1 – сковорода, Троада; 2 – чайник, Кайапынар; 3 – кувшин, Оймаагач.
1, 2 – бронза; 3 – свинец

узкогорлая фляга с орнаментом в виде трех рядов ромбических фигур (рис. 1.5: 16, 15). В кладе имеются два серебряных флакона высоких пропорций и антропоморфных очертаний с суживающимся кверху горлом (один в ГМИИ, второй в Музее преистории и древней истории в Берлине) (рис. 1.5), к одному флакону относится цилиндрическая крышка с округлым верхом (рис. 1.5: 14, 17). Тулово и крышка декорированы широкими мелкими каннелюрами. Аналогичный флакон с крышкой находится в частной коллекции и, видимо, происходит из Троады (*Jesus de*, 1980. Pl. XX: 2) (рис. 1.4: 18). Серебряный широкогорлый сосуд-канфар с двумя высокими ручками (сохранилась одна – рис. 1.5: 1) хранится в Берлине. Среди бронзовых сосудов присутствует большое (диаметром 43,5 см) блюдо с широким отогнутым краем и двумя петлевидными ручками (сохранилась одна) (рис. 1.5: 7), бочонкообразный сосуд с высокой ручкой-дужкой и двумя ручками из припаянных двойных трубочек (рис. 1.5: 10), амфоровидный сосуд на поддоне (рис. 1.5: 13). Имеется большая (диаметром свыше 50 см) бронзовая сковорода с длинной ручкой (сохранилась фрагментарно) и рельефным медальоном на дне (рис. 1.5: 8, 9). Подобные формы известны среди случайных находок из Троады и из клада Эскияпар (последний экземпляр изготовлен из электра).

Клад на городском поселении Эскияпар (Центральная Анатолия). В слое конца РБВ III исследовано сгоревшее помещение, под полом которого найдено два клада: большой клад А и малый клад В, в котором было несколько металлических украшений и бусы из полудрагоценных камней. Тот и другой комплекс были помещены в одно-

типных керамических сосудах (*Özgülç, Temizer, 1993. Fig. 43*). В кладе А было 7 металлических сосудов – шесть серебряных и один из электра. Это два кубка на поддоне, открытая низкая чаша, «сковорода» из электра с длинной ручкой (рис. 1.3: 4, 5, 6, 9). Чаша и сковорода имеют декор в виде рельефного медальона на дне. Присутствует одноручная чаша с каннелированным орнаментом.

Ряд предметов из Эскияпара имеет аналогии в кладах Трои II–III. Авторы публикации полагают, что некоторые вещи, в том числе сковорода и кубки, могли быть привезены из Трои, что подчеркивает важную роль торгового пути из Центральной Анатолии в Трою (*Özgülç, Temizer, 1993. P. 627–628*). Это тем более вероятно, что сковорода из Эскияпара – единственная находка такого типа в Центральной Анатолии, кубки на поддоне также близки золотым троянским из клада А. На связь с внутренними районами Западной Анатолии указывает миниатюрная сирийская фляжка с низким горлом (*Zimmerman, 2009. S. 23. Abb. 8: 5*) (рис. 1.3: 7). Аналогии ей (но более ранние) существуют в могильнике Демирчихюк-Сарикет. Плоский сосудик-ложка в виде морской раковины (рис. 1.3: 8) уникален по форме, аналогий ему мы не знаем.

Металлические сосуды есть и среди случайных находок с территории Анатолии. В нашей БД зафиксировано 28 случайных находок. Многие из них были приобретены коллекционерами на рынке антиквариата и затем оказались в музейных собраниях. Среди них встречаются те же формы, что и в известных комплексах: серебряный кубок с воронковидным горлом, флакон из электра, золотой кувшин с богатым каннелированным орнаментом (рис. 1.4: 17, 18, 19). Кубок и флакон имеют аналогии в троянском кладе А, тогда как кувшин аналогичен экземплярам из Аладжахююк и, видимо, происходит из Центральной Анатолии (*Muscarella, 1988. P. 284*). Полностью сохранившаяся бронзовая сковорода из Трояды (*Anatolian Civilisations, 1983. Cat. No. A 360*) (рис. 1.6: 1) аналогична экземплярам из Трои II–III и Эскияпара. Особо следует отметить случайную находку из местности Оймагач – свинцовый литой кувшин с шаровидным туловом и ленточной ручкой (*Anatolian Civilisations, 1983. Cat. No. A 260*) (рис. 1.6: 3). По форме он очень близок центральноанатолийским кувшинам (см. рис. 1.4: 1). Это редкий для середины – второй половины III тыс. до н. э. случай применения свинца для изготовления сосуда. К редким формам относится бронзовый двуручный кубок на поддоне с каннелированным орнаментом (рис. 1.4: 16).

2.3. Морфология анатолийских сосудов. В рамках III тыс. до н. э. можно проследить эволюцию форм металлической посуды от простой к сложным. Ранние бронзовые чаши из Арслантепе VIВ имеют простую коническую форму без венчика и ручек. Типичной формой РБВ II являются высокогорлые «сирийские фляжки» с шаровидным туловом, в это же время появляются кувшины со сливом. Обе эти формы происходят из западного региона. В РБВ III анатолийское металлопроизводство переживает расцвет. Вместе с резким расширением репертуара металлической продукции распространяются и сосуды, как медно-бронзовые, так и из драгоценных металлов, свинец используется мало, как исключение (сирийские фляжки в Эскияпаре и Тарсе, кувшин из Оймаагач). Наиболее яркие памятники с сериями металлических сосудов локализуются в Центральной и Северо-Западной Анатолии. Среди распространенных форм этого времени – одноручные кувшины со сливом и округлым туловом, чаши на высокой ножке, кубки на поддоне, «сковороды» с выпуклым медальоном на дне, разнообразные чаши – глубокие с венчиком, мелкие открытые, чаши с высокой ручкой, сосуды-чайники, флаконы антропоморфных очертаний и др.

Выделяются локальные типы сосудов: кувшины и кубки на высокой ножке распространены в Центральной Анатолии, флаконы и кубки с высоким воронковидным горлом – в Северо-Западной. Есть и ряд типов, общих для обоих регионов: кубки на поддоне, открытые полусферические чаши, «сковороды» с рельефными медальонами на дне. Техника исполнения и композиции орнамента также разные. В Центральной Анатолии распространен орнамент в виде глубоких каннелюр, композиции сложные, пышные и разнообразные. На Северо-Западе орнаментация встречается значительно реже, каннелюры мелкие, сложные композиции не применяются. Своеобразную обедненность, сухость художественного стиля троянской материальной культуры отмечает Ю. В. Андреев: «Троада оставалась и в III тысячелетии до н. э., и даже много позже глухой окраиной мира древневосточных цивилизаций, а троянская культура при всей ее внешней импозантности несла на себе ясно выраженную печать определенной архаичности и провинциализма. Этот провинциализм проявился, в частности, в ее эстетической незавершенности, в отсутствии некоего общего стиля, который объединял бы все наиболее характерные для нее артефакты в более или менее целостную художественную систему...» (Андреев, 1998. С. 52).

2.4. Основные характеристики коллекции анатолийских металлических сосудов по ряду сопряженных признаков.

2.4.1. Хронологическое распределение анатолийских металлических сосудов неравномерно. В РБВ I металлические сосуды представлены единичными находками (Арслантепе VIB, Демирчихююк-Сарикет). К этому времени относятся всего три сосуда (2% коллекции). В первой половине III тыс. до н. э. ситуация меняется. В Западной Анатолии (Демирчихююк-Сарикет, Кучукхююк) известны серии металлических сосудов нескольких типов. РБВ II датируется 32 находки (20%). К РБВ III относится 97 сосудов из известных памятников. Учитывая, что случайные находки датируются этим же временем, число находок для РБВ III оказывается еще выше – 125 экз., т. е. ок. 78% всей коллекции (рис. 1.7: А).

2.4.2. Распределение сосудов по типам памятников и регионам. Вся коллекция из 160 сосудов распределяется по типам памятников следующим образом: 103 экз. (64%) происходит из могильников, 24 – из кладов (15%), 5 – из поселений (3%), 28 (18%) – случайные находки (рис. 1.7: Б). Более показательным не суммарное распределение всей коллекции, а с учетом хронологии и ареала находок (рис. 1.7: Г). Преобладание сосудов из погребальных комплексов фиксируется начиная с РБВ I: это ранние находки в Арслантепе VIB в Восточной Анатолии и Демирчихююк-Сарикет в Западной. РБВ II представлен серией сосудов из могильников Демирчихююк-Сарикет и Кучукхююк (Западная Анатолия). Максимальное число находок связано с памятниками РБВ III в Центральной и Северо-Западной Анатолии, причем как с могильниками (Аладжахююк, Хорозтепе, Ресулоглу), так и с кладами (Троя II, Эскияпар).

2.4.3. Распределение сосудов по материалу и хронологии. Картина использования различных металлов для производства сосудов с учетом хронологии следующая (рис. 1.7: В). В РБВ I представлена только медь/бронза. В РБВ II имеет место резкий рост числа находок, но лишь из одного западного региона. Это большая серия сосудов из свинца, что характерно исключительно для данного периода. Позже свинец используется крайне редко (можно назвать сирийские фляжки из Эскияпара и Тарса, кувшин из Оймаагач). Все сосуды из драгоценных металлов относятся к РБВ III, включая случайные находки, по морфологическим признакам датируемые этим временем. Золотые и серебряные сосуды (17 и 27 экз. соответственно) концентрируются в Северо-Западном и Центральном регионах.

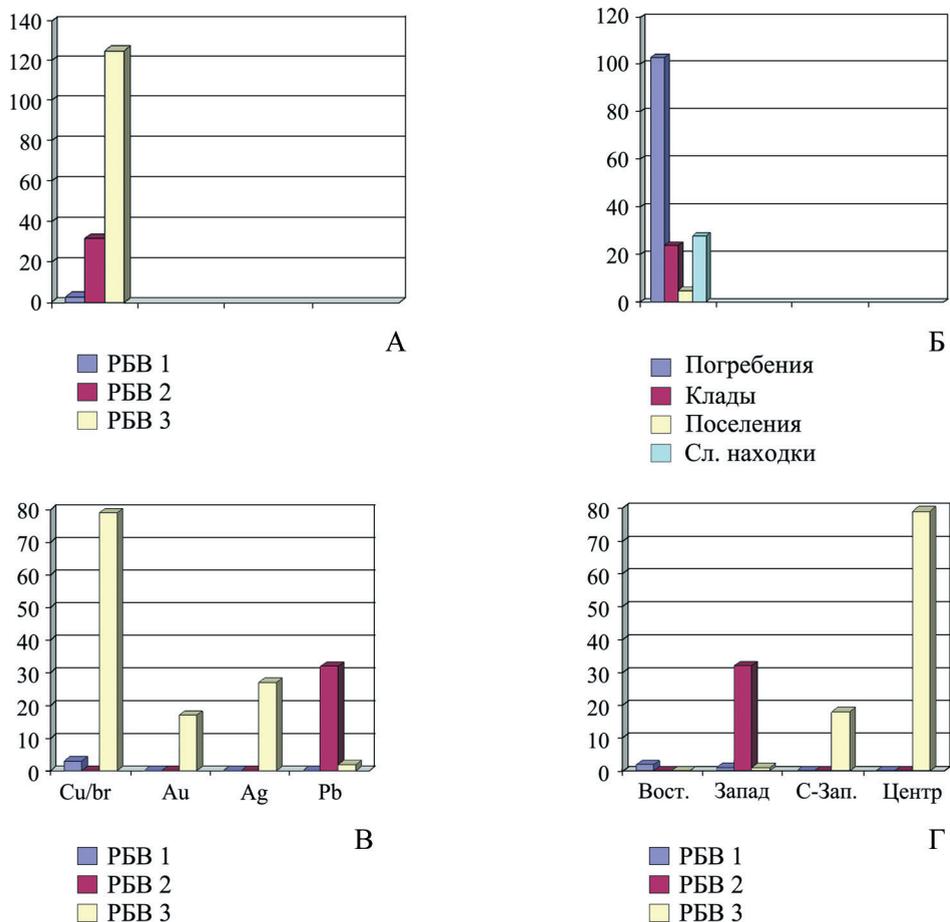

Рис. 1.7. Распределение анатолийских сосудов по периодам (А), типам памятников (Б), материалу (В) и регионам (Г). Всего 160 экз.

2.4.4. *Состав металла сосудов.* О составе металла, из которого изготовлены анатолийские медно-бронзовые сосуды, можно судить на основании выборки из 36 опубликованных спектральных анализов. РБВ I представлен единственным анализом, это чаша из гробницы Арслантепе VIВ. Использованный металл – высокомышьяковая бронза с 10% As (*Frangipane et al.*, 2001. P. 132). Еще 35 анализов собрано по работе У. Эсин (*Esin*, 1969).

Эти материалы относятся к РБВ III. Проанализированы сосуды из нескольких памятников: Аладжахююк – 3 ан., Ахлатлыбель – 1 ан.,

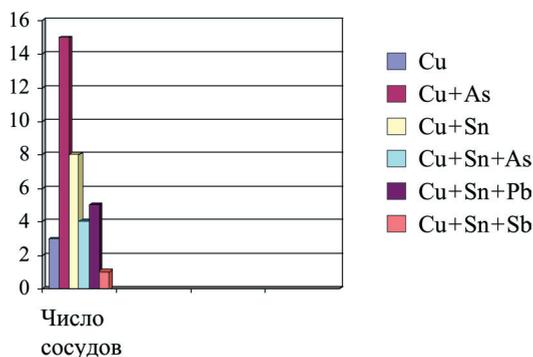

Рис. 1.8. Состав металла анатолийских сосудов (36 анализов)

Кайапынар – 3 ан., Полатлы – 1 ан., Хорозтепе – 7 ан. К этому же времени относятся и 20 анализов случайных находок, хронология которых определяется их морфологическими признаками. Поскольку все 36 анализов относятся к РБВ, они рассматриваются как единая серия.

Металл сосудов представлен несколькими группами: «чистая» медь (3 ан.), мышьяковая бронза (15 ан.), оловянная бронза (8 ан.). Зафиксировано и применение тройных сплавов: медь-мышьяк-олово (или медь-олово-мышьяк) – 4 ан., медь-олово-свинец (5 ан.). Одним случаем представлен сплав медь-олово-сурьма (рис. 1.8).

Стоит отметить, что мышьяковая бронза употребляется для изготовления сосудов с самого начала III тыс. до н. э. и составляет 42% анализов, тогда как «чистая» медь не играет заметной роли (8%). Значительно присутствие оловянной бронзы. Если объединить двойные сплавы медь-олово и тройные с применением олова, то в сумме получим 18 анализов, что составляет половину всех анализов (50%) и превышает долю мышьяковой бронзы. Интересно, что довольно широко применяется оловянная бронза с присадкой свинца (5 ан.), последний компонент повышает плавкость металла.

Можно провести сравнение представительности групп металла сосудов со статистикой анализов для анатолийского металла в целом, независимо от категорий находок. Такие данные были собраны и опубликованы нами ранее на основании выборки из 489 анализов для III тыс. до н. э. (Авилава, 2008. С. 188. Табл. 9). В массиве всего анатолийского металла этого времени «чистая» медь составляет 13%, ведущим сплавом является мышьяковая бронза (51%), а оловянные бронзы (включая тройные) занимают второе место – 32%.

Таким образом, оказывается, что распределение сплавов, использовавшихся для производства сосудов, заметно отличается: в этой категории материала ведущими оказываются оловянные бронзы. В целом такое распределение химических групп сплавов характеризует ближневосточное металлопроизводство III тыс. до н. э., когда оловянные бронзы занимают значительное место.

3. Месопотамия

3.1. Материалы. Общее число учтенных металлических сосудов по региону – 2015 экз. Основной коллекции стали крупные серии из Ура (200 экз.), Киша (32 экз.), Телло (34 экз.) и др. (Woolley, 1934; 1955; Mackay, 1925; 1929; Müller-Karpe, 1993b).

Первые металлические сосуды появляются в Месопотамии в конце IV тыс. до н. э. (поздний Урук – Джемдет Наср), причем эти ранние находки достаточно многочисленны: из некрополя Ура нами учтено 68 экз., из Телло – 8, из Хафадже – 5 (Woolley, 1955; Müller-Karpe, 1993b). Эти ранние материалы документируют специфическую черту урукской эпохи в Южной Месопотамии – высокую встречаемость металлических сосудов в погребениях.

Месопотамские сосуды рассматриваются нами в основном в плане статистического распределения по хронологии, материалу и типам памятников. Единый план анализа материала позволяет проводить их сравнение с анатолийскими в соответствии с поставленными исследовательскими задачами. Морфология и орнаментация месопотамских сосудов автором специально не рассматриваются.

3.2. Основные характеристики коллекции месопотамских металлических сосудов по ряду сопряженных признаков.

3.2.1. Хронологическое распределение месопотамских металлических сосудов. В нашей БД представлены сосуды ряда периодов: поздний Урук, Джемдет Наср, Раннединастические (РД) I, II и III, Аккадский, 3-й династии Ура, Древневавилонский. При этом часть материала датируется узко, в рамках одного исторического периода, а для части находок хронологическая позиция определяется широко, в границах не одного, а двух или даже трех соседних периодов. Например, РД I – РД II; РД III – Аккад; Аккад – 3-я династия Ура – Древневавилонский период.

Во избежание неопределенности и излишней подробности в картине распределения находок автором была предложена укрупненная хронологическая группировка находок (Авилова, 2023а).

Поздний Урук – Джемдет Наср (3500–3000 до н. э.) традиционно рассматриваются как один период. Соответствующие находки рассматриваются как единая хронологическая **группа 1**.

Для раннединастического времени не всегда удастся разграничить РД I и II, тогда как РД III выделяется отчетливо. Периоды РД I и II непродолжительны и в археологическом материале улавливаются плохо, основой для их выделения служит стиль изображений на цилиндрических печатях. Учитывая сказанное, а также невысокую насыщенность находками сосудов, материалы РД I и РД II (3000–2600 до н. э.) объединены в **группу 2**.

Находки РД III объединены с материалами, имеющими широкую датировку: РД II–III и РД III – Аккад (2600–2350 до н. э.) – **группа 3**.

Находки с широкой датировкой Аккад – 3-я династия Ура – Древневавилонский период (2350–2000 до н. э.) – отнесены к единой **группе 4**. Такое распределение материалов, на наш взгляд, не вносит серьезных искажений и при этом позволяет оперировать более представительными сериями и получить более достоверную статистику распределения.

Не все 2015 учтенных сосудов имеют хронологическую привязку. Датировка установлена для 1471 экз. Их распределение по четырем хронологическим группам весьма неравномерно. Группа 1 представлена 81 сосудом (5,5% находок). Группа 2 – 110 экз. (7,5%). Группа 3 насчитывает 972 экз. (66%). Группа 4 – 308 экз. (21%) (рис. 1.9: А). Пик на графике соответствует массовым находкам сосудов времени РД III – Аккада, которые происходят прежде всего из Царского некрополя Ура.

3.2.2. Морфология месопотамских сосудов. Формы сосудов чрезвычайно разнообразны. Классификации металлических сосудов опубликованы Л. Вулли и М. Мюллером-Карпе (Woolley, 1934; Müller-Karpe, 1993b). Они очень близки по принципам выделения типов и их количественной представительности: первая схема включает 53 типа, вторая – 51. Поэтому в данной работе они используются как единая классификация. Отчетливо прослеживается общая линия эволюции форм сосудов.

В хронологической группе 1 набор типов ограничен коническими чашами, округлыми мисками (рис. 1.10: 1–6) и сосудами сферических очертаний с носиками и сливами (рис. 1.10: 7–9).

В количественно небольшой группе 2 появляются высокие кувшины (рис. 1.10: 11).

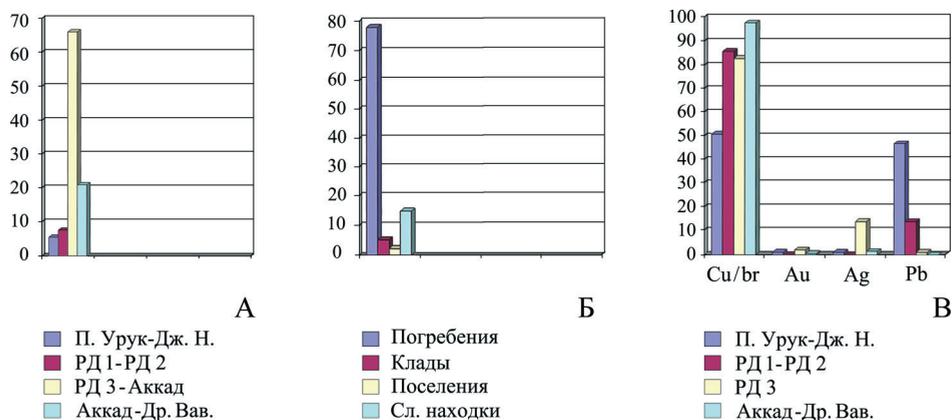

Рис. 1.9. Месопотамия. Статистика распределения металлических сосудов. А – распределение сосудов по периодам (1471 экз.); Б – распределение сосудов по типам памятников (2015 экз.); В – распределение сосудов по периодам и материалу (1471 экз.)

Группа 3 количественно и морфологически чрезвычайно представительна. В нее входят профилированные миски различных пропорций, сосуды с носиками и сливами, кубки на поддоне (рис. 1.10: 13, 15, 18, 19), стаканы, низкие чаши (рис. 1.10: 12), сосуды на высокой подставке, «сковороды», подносы (рис. 1.10: 20, 22, 25) и др. Парадные сосуды из драгоценных металлов роскошно декорированы каннелюрами (рис. 1.11: 2–5). На их донцах внутри и снаружи встречается гравированный орнамент в виде цветка-розетки (рис. 1.11: 3–5) – одного из древних и значимых символов в искусстве Двуречья (Авилова, 2022. С. 292–293).

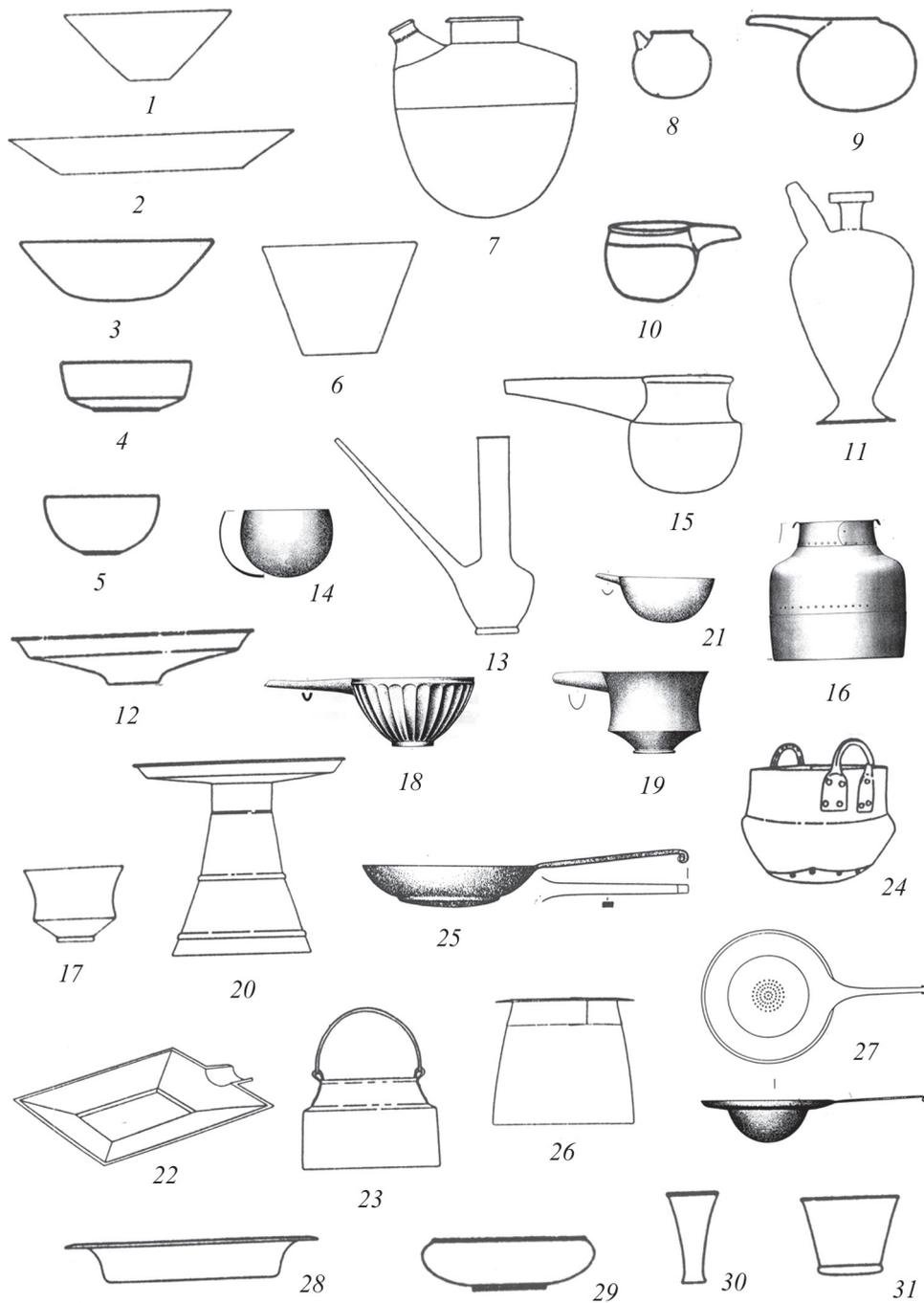
В 4 группе набор типов значительно сокращается, продолжают бытовать миски, стаканы, сковороды, цедилки (рис. 1.10: 27–31).

Рис. 1.10. Месопотамия. Металлические сосуды (по: Müller-Karpe, 1993b)

1, 8 – Телло; 2, 3, 5, 7, 17, 21 – Хафадже; 4, 6, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 22–24, 26, 28, 30, 31 – Ур; 9 – Урук, клад; 10 – Тель Адджуль; 11, 14, 19, 25 – Киш; 27 – Тель Асмар; 29 – Ниппур.

1–9 – поздний Урук – Джемдет Наср; 11, 14 – РД I; 10, 21 – РД II; 12, 13, 15–20, 22, 25 – РД III; 27 – РД III – Аккад; 23, 24, 26, 28–31 – Аккад.

9, 18 – золото; 12 – серебро; 3–6 – свинец; остальное – медь/бронза

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Появляются глубокие сосуды с высокой петельчатой ручкой и котлы с двумя ручками (рис. 1.10: 23, 24), тогда как формы с носиком и сливом выходят из обращения. Сосуды в основном не орнаментированы, орнаментация каннелюрами не встречается.

В целом эволюция форм сосудов идет от простых конических и полусферических мисок к сложным кувшинообразным формам, кубкам и чашам середины III тыс. до н. э. с богатой орнаментацией.

3.2.3. Распределение по типам памятников. Типов памятников, из которых происходят сосуды, всего четыре – погребения, клады, поселения, случайные находки. Их представительность различна. Связь с определенным памятником установлена не для всех сосудов: место находки известно для 1716 экз. По этому признаку коллекция из 2015 сосудов распадается на 4 неравноценные группы: сосуды из погребений – 1581 экз. (78% всей коллекции); из кладов (этих комплексов известно всего 5) – 99 экз. (5%); из поселенческих слоев – 36 экз. (2%). Еще в 299 случаях это случайные находки, чаще всего они происходят с рынка антиквариата, их доля составляет 15% коллекции (рис. 1.9: Б). Подавляющее большинство сосудов происходит из погребальных комплексов, прежде всего из некрополя Ура. Преобладание сосудов из погребений отмечено и в Анатолии – 66% (Авилова, 2020; 2023а; 2023в).

3.2.4. Распределение сосудов по материалу и хронологии. По материалу изготовления находки делятся на 4 группы – медь/бронза, золото/электр, серебро, свинец. Учтен 21 золотой сосуд (1% всей коллекции), серебряных 167 (8,3%), свинцовых 91 (4,5%), медно-бронзовых 1736 (86,2%). Однако без учета хронологии эти цифры недостаточно информативны. Значительно более выразительный результат получаем при рассмотрении представительности по материалу не суммарно, а в динамике, в рамках четырех хронологических групп. Поскольку датировка установлена для 1471 находки, абсолютные цифры и процентные показатели по данному признаку отличаются от приведенных выше суммарных цифр для всей коллекции. Полученная картина распределения оказывается весьма динамичной (рис. 1.9: В).

Рис. 1.11. Металлические сосуды из Царского некрополя Ура (по: Treasures..., 1998; Art of the first cities, 2003; Jerald Jack Starr, <https://sumerianshakespeare.com/117701/index.html> (Дата обращения 24.12.2024).

1–4, 6, 7, 11, 12, 14 – золото; 5, 8–10, 13, 15 – серебро; 16 – бронза

1 хронологическая группа включает 81 сосуд. Основным материалом для их изготовления является медь/бронза (41 экз., или 51%), при этом доля свинцовых изделий в группе чрезвычайно высока (38 экз., или 47%).

Приведу конкретный пример статистики сосудов из некрополя Ура времени Джемдет Насра из раскопа X: здесь в 13 погребениях было обнаружено по одному медно-бронзовому сосуду (погр. 157, 177, 185, 189, 193, 200, 202, 208, 210, 224, 229, 255, 296), а в 16 погребениях – по одному свинцовому (погр. 187а, 206, 207, 263, 270, 283, 284, 288, 292, 314, 320, 325, 332, 333, 335, 338) (*Woolley*, 1955).

В целом ряде случаев в погребении было более одного сосуда. В пяти случаях в погребении находилось два медно-бронзовых сосуда (погр. 201, 220, 221, 268, 281). В двух случаях в погребении найдено два свинцовых сосуда (погр. 196, 204); в четырех случаях в погребении был один свинцовый и один медно-бронзовый сосуд (погр. 184, 194, 305, 343). В одном погребении (№ 294) найдено три сосуда (2 медно-бронзовых, 1 свинцовый) (*Stork*, 2013. P. 335–342).

Весьма показательно, что количество медно-бронзовых и свинцовых сосудов в ранней группе практически одинаково – 41 и 38.

Интересно, что внутри хронологического отрезка позднего Урука – Джемдет Насра наблюдаются изменения в статистике использованных металлов: из памятников позднего Урука известны сосуды из меди/бронзы и свинца, а в материалах Джемдет Насра представлены также золото и серебро (по одному сосуду). Они найдены в Уруке, в составе клада храмовой утвари (*Sammelfund*). Это золотой носик сосуда и серебряный кувшин (*Heinrich*, 1936. Taf. 30d, 35d, 29).

Ко 2 хронологической группе относятся 110 сосудов, т. е. рост числа находок незначителен по сравнению с 1 группой. Представлено два металла – медь-бронза (95 экз., или 86%) и свинец (15 экз., или 14%). Изделий из драгоценных металлов в этой группе нет, доля свинцовых сосудов уменьшается по сравнению с ранней группой, но остается заметной.

3 группа самая многочисленная – 972 сосуда. Сосуды широко распространяются, как медно-бронзовые, так и из драгоценных металлов. Количественное доминирование и яркая морфологическая репрезентативность этой группы обусловлены тем, что к ней относятся богатейшие захоронения Царского некрополя Ура (эпоха РД IIIA). В группе представлены все металлы. Медно-бронзовые сосуды составляют подавляющее большинство (811 экз., или 83%). Заметна

доля изделий из драгоценных металлов: золотых сосудов 19 (2%), серебряных 140 (14%). Свинцовых сосудов всего два, это означает, что данный материал практически выходит из употребления.

4 группа также представительна, учтено 308 экз. Она исключительно монолитна по материалу: почти все сосуды изготовлены из меди-бронзы (302 экз., или 98%), золотой всего один, серебряных пять (1,5%). Свинец в это время не представлен.

Ниже приводятся комментарии по распределению сосудов по материалу, базирующиеся на коллекции из Царского некрополя Ура.

Как отмечалось выше, в древности серебро обычно получали из свинцово-серебряной руды, что позволяет предположить значительную степень совпадения в распространении того и другого металла. Но в действительности свинец появляется уже в VII тыс. до н. э. в Анатолии (Чаталхююк), в VI тыс. до н. э. – в Северной Месопотамии (Ярымтепе I) (Moorey, 1982. P. 17–18). Но прошло еще три тысячелетия, прежде чем свинцовые предметы начали циркулировать в заметном количестве. Свинец использовался очень широко: для изготовления сосудов, питьевых трубок, листовых покрытий, сердечников статуэток, а также гирь (Moorey, 1985. P. 121–124). Представляется, что масштабы использования свинца для изготовления металлических сосудов недооцениваются, несмотря на данные М. Мюллера-Карпе: по его собственным оценкам, всего 3,4% из 1980 учтенных им металлических месопотамских сосудов III тыс. до н. э. были изготовлены из свинца (Müller-Karpe, 1990. P. 161). Но если рассматривать материалы месопотамской коллекции с учетом хронологии находок, то пропорции сильно меняются: доля свинцовых сосудов в период Джемдет Наср составляет 51,6%, а в эпоху РД уменьшается до 22% (Müller-Karpe, 1993a. P. 137). Очень близкие цифры приводит Л.А. Сторк при подсчете металлических сосудов в погребениях Ура периода Джемдет Наср: из 68 учтенных экземпляров свинцовых 36 (53%) (Stork, 2013. P. 335–342). Эти данные хорошо согласуются с приведенными нами выше подсчетами по хронологическим группам: 1 группа (поздний Урук – Джемдет Наср) – 81 сосуд, из них свинцовых 38 экз., или 47%. Группа 2 (РД I и РД II) из 110 сосудов включает 15 свинцовых (14%).

Таким образом, очевидно, что свинец был легкодоступен и активно использовался мастерами по металлу в конце IV – начале III тыс. до н. э. Однако ко времени РД III использование свинца для изготовления сосудов резко сократилось: нам удалось зафиксировать

всего два свинцовых сосуда в хронологической группе 3, что составляет 0,2%. Этот показатель полностью совпадает с данными Д. Поттса для РД III (Potts, 1997. P. 176).

Серебро как драгоценный металл было хорошо известно в Южной Месопотамии, но, конечно, серебряные изделия, в том числе сосуды, не встречались в таком большом количестве, как медно-бронзовые. М. Мюллер-Карпе приводит выразительный показатель: около 8,4% всех сохранившихся металлических сосудов III тыс. до н. э. были изготовлены из серебра (Müller-Karpe, 1990. P. 161). Начиная с позднего Урука серебро использовалось для изготовления разнообразных мелких изделий, в основном украшений (Moorey, 1985. P. 114–115). Но самым известным серебряным предметом из Южной Месопотамии, несомненно, является ваза с надписью Энтемены, правителя Лагаша, найденная в Телло (РД III). Это шедевр прикладного искусства, украшенный фризом с гравировкой, изображающей процессию животных (Parrot, 1948. P. 108–110. Pl. 8a).

3.2.5. *Состав металла сосудов.* Что касается состава сплавов на медной основе, то можно привести ряд сведений по аналитическим исследованиям сосудов из некрополя Ура.

Согласно мнению М. Мюллера-Карпе, ко времени начала функционирования Царского кладбища в Уре доминирующим видом сплава в Южной Месопотамии стали оловянные бронзы. В качестве доказательства приводится факт, что девять из двенадцати проанализированных предметов изготовлены из оловянной бронзы, причем в восьми случаях содержание олова от 2 до 10%, а в одном – выше 10% (Müller-Karpe, 1991. P. 111). Еще несколько вещей из Ура были проанализированы в ходе выполнения проекта Пенсильванского университета «Месопотамские металлы». Это два наконечника копий из погребения PG 580 с концентрацией олова 10,2% и 11,3%, топор из PG 1751 с 10,3% олова и кинжал из PG 49 с 9,6% олова (Muhly, 1993. P. 129).

С другой стороны, 42% металлических изделий из Царского некрополя, проанализированных в рамках Пенсильванского проекта, были изготовлены из мышьяковой бронзы. Это дает основания считать, что если оловянная бронза и начала занимать значительное место в металлопроизводстве Южной Месопотамии, то считать ее доминирующим сплавом нет оснований. Конечно, речь идет об оценках, основанных на процентном соотношении материала проанализированных предметов, а не всей огромной коллекции металлических изделий из некрополя. Более того, М. Мюллер-Карпе

предположил, что на разных участках могильника соотношение оловянной и мышьяковой бронзы может оказаться разным (*Müller-Karpe*, 1991. Р. 111), подобно тому как наблюдается разница в использовании того или иного сплава для производства металлических сосудов между разными памятниками: анализ сосудов из Ура указывает на предпочтительное использование оловянной бронзы, тогда как металлические сосуды из несколько более позднего некрополя А в Кише (РД ШВ) были изготовлены преимущественно из медно-мышьякового сплава (*Potts*, 1997. Р. 170). Из приведенных сведений можно заключить, что изготовление предмета из оловянной или мышьяковой бронзы могло зависеть как от доступности того или иного материала, так и от конкретного типа запланированного изделия.

Давно установлено, что имеется связь между составом сплава и функциональным назначением предмета. Содержание мышьяка в сплаве контролировалось древними мастерами. Доказательство тому – корреляция между концентрацией мышьяка и функцией изделия: орудия и оружие содержат до 5%, а украшения – до 20% As (*Черных*, 1966. С. 43). Известны и более частные виды зависимости между функциональным назначением изделия и составом использованного металла: так, в ходе исследования египетских материалов IV–III тыс. до н. э. было установлено, что высокие концентрации мышьяка гораздо чаще встречаются в режущих орудиях – ножах и кинжалах, тогда как орудия ударного действия (топоры, тесла) производили из сплава с низким содержанием элемента (*Eaton, McKerrel*, 1976. Р. 175).

Подобные наблюдения существуют и для месопотамских материалов. Именно литые изделия из Царского некрополя, такие как оружие и орудия, по-видимому, чаще изготавливались из мышьяковой бронзы, тогда как для производства металлических сосудов, наоборот, чаще использовалась оловянная (*Müller-Karpe*, 1993a; 1993b). Мышьяковая бронза является подходящим сплавом для формовки сосудов методомковки, как показывают исследования майкопских сосудов (*Рындина*, 2017). Для ситуации середины – второй половины III тыс. до н. э., учитывая распространение в это время оловянной бронзы, М. Мюллер-Карпе предполагает, что относительная редкость источников олова и трудность его получения (доставки) дополнительно придавали ему высокий статус, что делало его использование в производстве элитной металлической посуды более желательным, чем медно-мышьяковый сплав. Свою роль в предпочтении

оловянной бронзы для производства сосудов мог сыграть и красивый золотистый цвет этого сплава.

3.3. Сосуды в культурном контексте Месопотамии. Религия и связанные с ней ритуалы были важнейшей частью жизни жителей Двуречья. Наши знания в этой области базируются на сведениях, относящихся к элите, поскольку данные письменных источников отражают в основном практики и верования высших слоев общества; наиболее выразительные археологические материалы также происходят из элитарных комплексов, тогда как информация о культовых и обрядовых практиках сельского населения ограничена. Поэтому приводимые ниже сведения и соображения основаны на материалах наиболее представительного памятника, откуда происходит выразительная коллекция металлических сосудов, – Царского некрополя Ура.

В Раннединастический период богатство общества резко возрастает и концентрируется в крупных городах и связанных с ними могильниках. Некрополь Ура с момента открытия стал известен роскошью инвентаря 16 гробниц, которые в настоящее время датируются временем РД ША (2600–2450 до н. э. – *Nissen*, 1966; *Pollock*, 1985). Они были обозначены Л. Вулли как царские по «особенностям структуры и ритуала», выделявшим их среди остальных могил, которых насчитывалось около 2000 (*Woolley*, 1934. P. 33). При обращении к данным Царского некрополя подчеркну, что речь идет не только о самых богатых погребениях, поскольку статус погребенных в них людей нередко остается неясным (*Moorey*, 1977). Кладбище использовалось столь интенсивно, что погребальные камеры часто оказывались полностью разрушенными. В результате Л. Вулли выделил два типа царских гробниц: те, в которых исследована погребальная камера (RT, № 777, 779, 789, 800, 1050, 1054, 1236, 1618, 1631, 1648), и те, в которых была раскопана только входная яма-котлован, а камера оказалась разрушенной. Последние Вулли обозначил как *Death pits*, исходя из наличия в них сопровождающих погребений (№ 337, 580, 1157, 1232, 1237, 1332) (*Moorey*, 1977. P. 25). Среди особенностей царских гробниц – наличие обширного котлована с устроенной в нем подземной камерой из сырца или камня, предназначенной для центрального погребенного, и ведущий к котловану пандус, причем наиболее ценные предметы инвентаря помещали в камере, а остальные, включая погребальные повозки с тягловыми животными и прочие крупные объекты, укладывали в котловане. Для этих гробниц характерны следы многоэтапных сложных ритуальных действий и множественные

погребения («человеческие жертвоприношения»), сопровождавшие центрального покойника. В камере могли находиться несколько сопровождающих погребенных, но в основном они концентрировались в больших котлованах. Так, в PG 789 в камере находилось 3 сопровождающих погребенных, а в котловане – 63; в PG 800–3 и 21 скелет соответственно, в PG 1237 (Great death pit) в котловане было 74 погребенных (камера разрушена), тогда как в PG 1618 и 1648 число сопровождающих покойников не превышало 5.

Исходя из упорядоченного расположения костяков в сохранных гробницах и отсутствия явных признаков борьбы и насилия, исследователь утверждал, что сопровождающие лица шли на смерть добровольно. Это было связано с тем, что похороненные в обстановке роскоши, характерной для царских гробниц, являлись членами царской семьи и представителями их свиты (Woolley, 1934. P. 35, 41–42). Высказывались и мнения о том, что центральные захоронения могли принадлежать ритуальным исполнителям роли царя, представителям религиозной верхушки (верховные жрицы и жрецы) или неопределенным высокопоставленным лицам (Frankfort, 1978. P. 400–401).

Тезис Вулли о добровольном характере смерти сопровождающих погребенных получил широкое распространение (см.: Reade, 2001; Marchesi, 2004), чему способствовало длительное отсутствие антропологических данных, поскольку костяки имели зачастую плохую сохранность. Недавние исследования с применением современных методов выявили на черепках молодой женщины из погребения 1237 и воина из царской гробницы 789 следы ударных травм, нанесенных тупым орудием (Baadsgaard et al., 2014. P. 112).

Тема идентификации характера смерти и социального статуса погребенных в могиле 1237 подробно рассматривается в статье М. Видале (Vidale, 2011). Особое внимание он уделяет шумерской элите. Видале пишет, что профессионализм исследователей и тщательность полевой фиксации при раскопках Л. Вулли позволяют вернуться к интерпретации материалов и, в частности, выдвинуть предположение, что сопровождающие участники похорон были (или играли роль) музыкантами, певцами и танцорами, а музыка могла иметь первостепенное значение в ходе церемонии. (Например, парные статуэтки, известные как «козел в чаше», Видале считает частями музыкальных инструментов – декоративными накладками на резонаторы). Недавно полученные рентгенографические данные свидетельствуют, что, по крайней мере, некоторые из погребенных умерли насильственной смертью,

их тела были, скорее всего, специально подготовлены, и затем группами, в определенном порядке помещены в котлован. Стратиграфия и пространственное распределение костяков указывает на следование определенным ритуалам. Эти данные на новом уровне подтверждают идею Вулли о том, что гробницы были священными сооружениями, и, таким образом, свидетельствуют об их царском статусе.

Кроме 16 царских гробниц, к РД ША относят 137 так называемых «частных могил» (PG – private graves) (Pollock, 1985; 1999), в которых сопровождающие захоронения отсутствуют. В них нет погребальных сооружений, умершие уложены в простых ямах в гробах или завернуты в циновки. Почти все захоронения одиночные. В некоторых могилах был богатый инвентарь, но большинство обставлены гораздо менее пышно, чем царские гробницы. Несомненно, на этом этапе развития погребального ритуала важнейшим моментом была демонстрация различий в социально-имущественном положении погребенных.

Представляется невероятным, чтобы воины, сопровождавшие Пуаби, и ее придворные дамы в роскошных нарядах были простыми рабами и рабынями. Необычность этого и других подобных погребений, растительные символы в костюме Пуаби, то, что она покоилась как бы на брачном ложе, тот факт, что на золотых арфах были помещены изображения дикого быка (олицетворения бога Луны Нанны) и дикой коровы (олицетворения богини Нингаль, супруги Нанны), – все это привело исследователей к мысли, что Пуаби была не просто супругой правителя Ура, а жрицей, участницей обрядов священного брака с богом Луны.

Захоронение Пуаби и другие погребения времени I династии Ура свидетельствуют об исключительном богатстве верхушки города-государства (Treasures..., 1998). Источниками богатства служила торговля на дальние расстояния. Так, золото и сердолик доставляли с полуострова Индостан (город был центром морской торговли с Индией), лазурит – из Бадахшана, медь – с острова Дильмун (современный Бахрейн).

Царское кладбище с самого начала функционирования было местом погребения избранных. С. Поллок приводит доводы демографического характера: число погребенных слишком мало для населения Ура времени РД ША. При площади ок. 50 га в раннединастическом Уре одновременно должно было проживать минимум 5000 жителей, а вероятно, и больше. Считая поколение в 30 лет, за это время в городе должно было умереть минимум 15000 человек. С. Поллок

насчитывает всего 509 погребенных, которых можно отнести к этапу РД ША. Эта цифра складывается из 137 покойников в «частных могилах» плюс 372, захороненных в 16 царских гробницах. Даже если увеличить число умерших в 10 раз с учетом недатированных и невыявленных захоронений, полученная цифра – 5090 – будет намного ниже 15000, т. е. минимальной предполагаемой численности умерших (*Pollock*, 2007. P. 100).

Приведу также статистические исследования погребальных комплексов Р. Мак Адамса. Он выделил в Царском некрополе Ура 588 погребений «нецарского» характера и проанализировал состав их инвентаря. Значительный набор категорий был обнаружен в 20 погребениях (3%) (изделия из меди-бронзы, драгоценных металлов, камня: сосуды, украшения, оружие); 434 погребения (74%) содержали относительно многочисленный инвентарь – металлическое оружие, сосуды, зеркала, подставки и т. д. Золото найдено в 167 погребениях (28%), что составляет значительную долю от общего количества захоронений. Только восьмая часть погребений не содержала никаких металлических и каменных изделий. Таков был уровень благосостояния жителей крупного города в конце периода РД. В небольшом городе Убейде ситуация была иной. Здесь исследовано 94 погребения, и только в 18 (19%) найдены металлические изделия, при этом лишь в четырех – более одного предмета. Максимальное число металлических изделий в погребении – три. Вещи из драгоценных металлов найдены лишь в одном погребении (1%) (*Adams*, 1966. P. 99–101; 1969).

Описания богатств в царских погребениях Ура эпохи РД Ш широко известны, в том числе и по популярной литературе (*Вулли*, 1961). Поэтому представляется небезынтересным привести в качестве сравнения краткое описание захоронения эпохи 3-й династии Ура, наиболее выдающегося по богатству инвентаря. Это погребение PG 1422. Погребальная шахта в нем была обложена сырцовым кирпичом. В деревянном гробу находился скелет человека, положенного на правый бок с согнутыми ногами. Возле головы погребенного стояло несколько копий. На черепе было обнаружено шесть золотых лент и седьмая, которая держала прическу или парик. Украшения включали пару золотых серег, ожерелья из бусин, сделанных из сердолика, агата, яшмы, халцедона и золота. Серебряная булавка скрепляла одеяние на плече, на руках были золотые и серебряные браслеты. Там же была найдена печать из лазурита. У пояса находился медно-бронзовый кинжал с золотым навершием и серебряный топор.

Кроме глиняных сосудов, в могиле обнаружен медный поднос, на котором размещались медные сосуды, нож и наконечник стрелы (Moorey, 1984. P. 7–8. Fig. 2).

Половозрастные и социальные различия в инвентаре погребений фиксируются и в других могильниках Месопотамии. Так, погребения в некрополе А Киша (РД III) со скромным инвентарем принадлежали к одной социальной группе, внутри нее прослеживаются заметные различия в зависимости от пола и возраста. В синхронном некрополе У Киша обнаружены погребения с богатым инвентарем, принадлежавшие социальной верхушке (Forest, 1983. P. 130; Breniquet, 1984. P. 27).

Итак, в середине III тыс. до н. э. шумерская материальная культура уже чрезвычайно ярко отражает своеобразный «олигархический» уровень развития общества, в котором закладывается основа восточного деспотизма с его характерными чертами. Параллельно с ростом материального богатства происходит обожествление светского правителя, принимавшее вполне материальные и жестокие формы, включая человеческие жертвоприношения.

Попытаемся проследить контекст использования металлических сосудов. Социально значимым аспектом их функционирования является использование в общественных ритуалах: торжественных трапезах, погребальных церемониях, храмовых жертвоприношениях. Яркие свидетельства этого есть в изобразительных материалах Месопотамии – глиптике, рельефах, мозаике на Урском штандарте и др. (рис. 1.12; 1.13).

Исследование археологических комплексов Анатолии и Месопотамии, содержащих металлические сосуды, позволяет рассматривать эту выразительную категорию престижного инвентаря с позиций ее общественной значимости. Ключевым моментом для прояснения социальной роли металлических сосудов является их использование в общественных ритуалах: торжественных трапезах, погребальных церемониях, храмовых жертвоприношениях. Один из важных общественных аспектов применения металлической посуды – парадная трапеза. При обсуждении контекста и роли металлических сосудов следует подчеркнуть важность темы пиршества в культуре Месопотамии (Авилова, 2010б). Коллективными трапезами сопровождалось все значительные события. Показательно, что для обозначения народного собрания в письменности использовалось изображение сосуда (Дьяконов, 1959. С. 138).

Рис. 1.12. Изображения сосудов в памятниках искусства Месопотамии

1 – расписной сосуд из Хафадже, РД I–II; 2 – оттиск цилиндрической печати из р-на Диялы, Джемдет Наср; 3 – мозаичный «штандарт» из Царского некрополя Ура, РД III, деталь; 4 – рельеф из Хафадже, известняк, РД III; 5 – рельеф из Ура, перламутр, РД III; 6 – рельеф из Ура, известняк, РД III; 7, 10, 12 – оттиски цилиндрических печатей, некрополь Ура, РД III; 8 – рельеф из Гирсу (стела Ур-Нанше); 9 – оттиск цилиндрической печати из р-на Диялы, РД III; 11 – оттиск цилиндрической печати из Ашшура, аккадская эпоха

Рис. 1.13. Изображения сосудов на керамике и в пластике.

1 – Тель Арпачия, чаша из погребения G2, халафская эпоха; 2 – Тель Аграб, статуэтка из храма Шара, гипс, РД I (по: *Art of the first cities*, 2003); 3 – статуя правителя Лагаша Гудеа, 22 в. до н. э. (по: *Art of the first cities*, 2003); 4 – Гудеа перед Энки, цилиндрическая печать конца III тыс. до н. э. (по: *Black, Green*, 1992); 5 – Аладжахююк, гробница Н, бронза, РБВ III (по: *Yalçin, Yalçin*, 2013b); 6 – Эль Обейд, мозаичное панно из храма Нинхурсаг, РД III (по: *Art of the first cities*, 2003); 7 – Троя III–IV, лицевая урна (по: *Völling*, 2014)

Важно не только количество, материал и типы сосудов, но и их расположение в могиле. Часто погребенные в царских гробницах держали чашу в руке, поднятой перед грудью или ко рту. Так, у погребенного в могиле 755 (Мескаламдуг) золотая чаша находилась в руках (Woolley, 1934. P. 35–36. Fig. 35). Этот жест для участников пиршеств часто используется в произведениях изобразительного искусства. В некоторых гробницах присутствуют большие кувшины, а в гробнице Пуаби (№ 800) – золотые и серебряные трубочки для питья, такие, какими пользуются пирующие в сценах на печатях (рис. 1.12: 9, 10). Из Анатолии также археологически известна более поздняя бронзовая трубка с «фильтром» в виде нескольких рядов отверстий на одном конце; она найдена в Тарсе, в городских слоях начала II тыс. до н. э. в составе клада бронзовых орудий (Goldman, 1956. Vol. II. Fig. 433).

Нахождение сосудов в погребениях указывает на распространение обычая коллективных погребальных пиршеств, причем умерший, видимо, мыслился как участник трапезы, объединявшей мертвых и живых родичей. Эти идеи были распространены и в Месопотамии, и в бесписьменном обществе Анатолии III тыс. до н. э., о чем свидетельствуют находки из царских некрополей Аладжахююк и Хорозтепе с обширным набором престижных вещей, включавшим металлические сосуды, в том числе из драгоценных металлов (Yalçın, Yalçın, 2018).

С этим аспектом применения связано функциональное назначение сосудов. В целом формы анатолийских и месопотамских металлических сосудов, наличие стабильных наборов указывают, что они применялись при манипуляциях с жидкостями, причем не для их хранения, а в социальном контексте, включая смешивание, разливание, процеживание, питье. Это заключение можно сделать исходя из средних и малых размеров сосудов и их морфологии. В наборах погребального инвентаря присутствуют широкогорлые кратеры, «чайники», ложки, черпаки и ситечки для перемешивания и переливания из больших емкостей в небольшие кувшины и сосуды для питья (кубки и чаши различных форм). Широкое распространение в Балкано-Эгейском ареале сосудов для питья в форме «соусников» в Раннеэлладском II и Раннеминойском II периодах обсуждается также в статье К. И. Попа, в которой автор подчеркивает социальные функции сосудов как пиршественной посуды (Ропа, 2016).

Бронзовые глубокие миски, блюда, «сковороды», скорее всего, использовались для обжаривания и разогревания пищи и сервировки

парадной трапезы. Комплексы с металлическими сосудами позволяют реконструировать картину роскошного пира, устроенного для царственного покойника (*Cohen, 2005; Авилова, 2010б; 2020*).

В погребальных церемониях, связанных с царскими похоронами, участвовали лица высшего общественного слоя: сам умерший – центральный погребенный, и те, кто удостоился чести принимать участие в его последнем земном пиршестве или в пирах в загробном мире. Материалы царских гробниц Ура указывают на важность погребального пира, независимо от того, действительно ли сопровождающие лица в гробницах принимали участие в ритуальной трапезе перед смертью или же припасы предназначались для обитателей загробного мира или для путешествия туда (*Cohen, 2005*). Это следует из детальных совпадений многочисленных изображений празднеств и жертвоприношений в мире живых и материальных свидетельств из царских гробниц. Тема путешествия в подземный мир, загробной трапезы и приношения даров существам потустороннего мира отражена в шумерском тексте конца III тыс. до н. э. «Нисхождение Ур-Намму в подземный мир», посвященном смерти и посмертной судьбе первого царя 3-й династии Ура (*Kramer, 1967; Емельянов, 2003. С. 110–111*).

В. В. Емельянов пишет: «Текст о нисхождении Ур-Намму сохранился плохо, далеко не все его части поддаются однозначной интерпретации. После смерти царь прибывает в Подземный мир. Сперва он приносит дары и жертвы семи подземным божествам в их дворцах. Затем он одаряет жрецов и чиновников-писцов, от которых, по-видимому, будет зависеть его дальнейшая участь. Добираясь до центра Подземного мира, Ур-Намму встречается с Гильгамешем, который объясняет ему правила жизни в стране мертвых» (*Емельянов, 2003. С. 110–111, со ссылкой на: Flücker-Hawker, 1999*). В английском переводе текста «Нисхождение Ур-Намму» говорится, что царь подносит дары семи привратникам подземного царства. Появление Ур-Намму вызывает всеобщее волнение. Затем царь устраивает большой пир. Для него заколото много быков и овец, причем в тексте подчеркивается, что пища в подземном мире горькая, а вода соленая. Повествование ведется от лица царя: «Ур-Намму, совершенный пастух, знает обычаи подземного царства. Я поднес дары всем богам: Нергалу – булаву, большой лук и прекрасно сделанный кинжал; Гильгамешу, своему брату, царю подземного мира – копье, небесную булаву с головой льва и щит. Могучему воину Нингизиду – колесницу с блестящими золотом колесами. Всем богам

подземного мира я пожертвовал так много быков без порока, козлят без порока, откормленных овец, сколько мог» (отрывок приводится мной по английскому переводу текста о нисхождении Урнамму (*Kramer, 1967; I am Ur-Namma. URL: https://sumerianshakespeare.com/27601.html*) – Л. А.).

Археологические комплексы с повозками известны в Царском некрополе Ура (в гробнице Пуаби найдены сани), в некрополях Киша У и Суз. Эти находки документируют важную роль транспортных средств в погребальном ритуале (*Авилова, Гей, 2018*). Повозки могли использоваться в похоронной процессии для доставки грузов к месту погребения (*Anthony, 2010. P. 403*). Очевидно, что повозки, использовавшиеся для транспортировки умерших к месту захоронения, ассоциировались с путешествием в загробный мир. В клинописных шумерских текстах упоминаются повозки, обозначаемые термином *gišGIGIR*. В ряде случаев это колесницы культового назначения, принадлежащие божеству. В свете находок из Ура, Суз и Киша следует упомянуть, что в тексте «Нисхождение Урнамму» описывается прибытие царя в подземный мир на колеснице; тягловые животные (эквиды ANŠE) помещены вместе с царем в могилу. Царь приносит колесницу с упряжкой в жертву божеству (*Littauer, Crowel, 1979. P. 45*).

3.4. Сосуды в изобразительных материалах. Кратко рассмотрим место сосудов и некоторых других категорий погребального инвентаря в ритуале, сопоставив их с изобразительными материалами. Яркие свидетельства использования сосудов в социальной практике имеются в глиптике, рельефах, мозаике Месопотамии.

Контекст археологических находок демонстрирует их стабильную связь с определенными типами памятников, в большинстве – с элитарными погребениями (*Авилова, 2018б; 2020; 2023а*). В письменных источниках упоминается потребление пищи, напитков и возлияния в контексте похорон (*Wright, 1969. P. 83; Forest, 1983. P. 136*). Детальный анализ соответствующих текстов был проведен Э. Коэном. В них говорится о раздаче хлеба и пива плакальщикам и певцам на царских похоронах. Приношение еды и напитков умершим было важной обязанностью живых и одним из основных аспектов общения между мертвыми и живыми (*Cohen, 2005*).

Приношения, включавшие еду и питье, составляли центральную часть системы храмовой экономики, включая подношения от храмовой администрации и царской семьи храмам и поставки продуктов работниками храмовых хозяйств (*Авилова, 2012*). На печатях,

рельефах и инкрустированных композициях часто встречаются сцены пира. Эту тему отражают уже изображения на печатях начиная с эпохи Убейда, прежде всего – сцена на печати-штампе из слоя XIII Тепе Гавры, где два персонажа стоят по обе стороны огромного сосуда, в который помещены трубки для питья (рис. 4.1: 7). Уже сам размер сосуда подчеркивает его смысловую значимость в изображаемой сцене. Сосуд с опущенными в него питьевыми трубками позже становится идеограммой для обозначения пира, при этом сами участники действия могут отсутствовать. О значимости сюжета с сосудом, предназначенным для общинной трапезы, говорят его древние корни. Так, можно указать значительно более раннюю и при этом очень близкую композицию. Имеется в виду халафская расписная чаша из погребения черепов в Тель Арпачии (*Breniquet, 1992*). На ней среди многочисленных символически значимых изображений (см.: *Антонова, 1998а. С. 21–23*) присутствует сцена с гигантским широкогорлым сосудом в центре, по обе его стороны помещены две человеческие фигуры, наклонившиеся над сосудом (рис. 1.13: 1). По сравнению с ним фигурки выглядят миниатюрными. Можно понять изображение так, что косая линия, идущая от плеча левой фигуры к краю сосуда, передает опущенную в него питьевую трубку. В таком случае это практически полная аналогия сцене на печати из Тепе Гавры: огромный сосуд, вероятно, обозначает ситуацию коллективного пиршества с той разницей, что роспись на чаше из Арпачии на тысячу лет древнее.

Особенно многочисленными и детальными становятся сцены пиршества с многочисленными участниками в Раннединастический период. Это композиции, где люди в длинной одежде, часто изображенные попарно, показаны сидящими на табуретах; они держат в поднятых руках высокие конические кубки (рис. 1.12: 3, 7, 11, 12) или пьют из высоких кувшинов через трубочки (рис. 1.12: 9, 10) (*Amiet, 1980; Schmandt-Besserat, 2000*). Присутствуют прислужники, изображенные в короткой одежде, они подносят пирующим сосуды; часто присутствуют также музыканты (арфисты). Такая сцена представлена на Урском штандарте (РД ША) в «сценах мира» (рис. 1.12: 3). Данная композиция имеет ярко выраженный декларативный характер, подчеркивая высокий социальный статус пирующих. Композиции со сценами пира на печатях и рельефах также включают изображения музыкантов с лирами и арфами – инструментами, которые реально присутствуют в нескольких царских гробницах (рис. 1.12: 4, 12).

Существенно, что сам штандарт составляет часть инвентаря царского погребения PG 779, выполнен на высоком художественном уровне из ценных материалов (лазурит, перламутр) и несет выраженную символическую нагрузку. На двух его длинных сторонах находятся различные по содержанию и характеру композиции – на одной стороне динамичные «сцены войны», на другой – статичные «сцены мира». Сцена пира помещена в верхнем ряду «сцен мира». В «сценах войны» присутствуют боевые колесницы, возможно, что между теми и другими сценами существует смысловая взаимосвязь, и в таком случае можно полагать, что некоторые сцены пиршества представляли собой празднования победы. Интересно, что печати со сценами пиршества особенно распространены в Уре (*Amiet*, 1980. P. 123).

Сцены священной трапезы являются широко распространенным сюжетом месопотамской глиптики додинастического и раннединастического периодов (*Amiet*, 1961, № 1158–1164, 1179, 1180, 1183, 1184, 1186–1188).

Иконография пира имеет стандартизованный характер: главные участники изображаются в виде более крупных фигур, обычно сидящими в парадных одеяниях в виде длинной юбки с нашитыми на нее треугольными «флажками» (каунакес) (рис. 1.12: 3, 4). Г. Фрэнкфорт полагает, что именно такая одежда изображалась на печатях в виде косой штриховки (рис. 2.4: 1, 4), тогда как на крупных предметах – рельефах и скульптуре – одежда этого типа представлена детально (*Frankfort*, 1992. P. 12). Так, на рельефе из Гирсу (известен также как стела Ур-Нанше, ок. 2500 до н. э.) правитель Лагаша Ур-Нанше показан в такой одежде дважды (рис. 1.12: 8) – в верхнем регистре он изображен как строитель храма, несущий корзину кирпичей на голове, в нижнем – в сцене предстояния: правитель сидит на узорчатом троне с коническим кубком в руке, за его спиной прислужник держит высокогорлый сосуд с носиком. Таким образом, правитель оба раза представлен в символически значимых ситуациях, и в обоих случаях его роль обозначена с помощью сосуда.

Сцены пира также включают людей, несущих в руках животных, грузы и сосуды, видимо, с продуктами питания или напитками (рис. 1.12: 4; 3.1: 12). Все это, вероятно, следует считать подношениями для храма/припасами для пиршеств. По археологическим остаткам можно в какой-то мере реконструировать набор пищевых продуктов. Так, в Уре в сосудах из захоронений были найдены остатки пищи: определены зерна пшеницы, ячменя, гороха, а также нут,

яблоки, финики, хлеб, кости мелкого рогатого скота, коровы, возможно свиньи, птиц, рыб (*Ellison et al.*, 1978).

В могилах есть свидетельства возлияний жидкостей, что также хорошо известно по текстам и изображениям. Для этой цели могли использоваться металлические кувшины с высоким горлом (рис. 1.10: 13; 1.11: 8, 9; 1.12: 5, 6) и плоские открытые сосуды с носиками, названные Вулли «светильниками» (*Pollock*, 2007. P. 103) (рис. 1.11: 13). Нередко сосуды на изображениях божеств и царей фонтанируют (рис. 1.13: 3, 4), что можно связать с представлениями о важности ирригации как одной из важнейших функций древневосточных государств.

Тема страха перед голодом в земной и посмертной жизни постоянно присутствует в мифологических представлениях шумеров. Их обрядовые действия, запечатленные в глиптике и изображениях на культовых сосудах, направлены на обеспечение изобилия пищи – растений и животных, достаточного количества воды для питья и орошения.

Эти сюжеты осознавались также как отражение жизненно важной темы шумерской мифологии – соблюдения человеком обязанностей по отношению к богам, которые создали человека, чтобы он обеспечивал их пищей, одеждой и т. п. (*Крамер*, 1965. С. 132–136).

Центральное место пиршеств и подношений пищи и напитков в ритуальной жизни элиты раннединастической Месопотамии демонстрировало и закрепляло структуру правящих групп, а точное следование правилам торжественного застолья было частью этикета поведения. Демонстрация по ходу пира ценных металлических сосудов – символов престижа – имела целью укрепление власти и обоснование авторитета лидеров городских общин.

Сосуды широко использовались в различных ритуальных действиях, свидетельством чему служат изобразительные материалы. На позднеурукском рельефе из Киша представлена сцена посвящения, происходящая на фоне богато декорированного храмового здания, где один участник действия совершает над другим возлияние из сосуда (рис. 2.4: 3). Гипсовая статуэтка из храма Шара периода РД I в Телль Аграбе изображает обнаженного бородатого мужчину с большим сосудом на голове (рис. 1.13: 2); прическа в виде локонов и рельефный пояс связывают этот образ с иконографией «героя» в раннединастической глиптике, однако сосуд указывает на ситуацию приношения даров в храм. В раннединастическую эпоху храмы украшали монументальными статуями и панно из ценных материалов, о чем свидетельствует

уникальная коллекция находок (РД III) из Эль Обейда (Moorey, 1994). Здесь при раскопках храма покровительницы города богини Нинхурсаг найдены два мозаичных панно, некогда закрепленных на фасаде. Их деревянная основа имеет медную раму, прикрепленную медными гвоздями, наборный фон изготовлен из черного сланца, закрепленного на битуме, мозаичные фигуры – из известняка (Legrain, 1944a). Одно из них (длиной 70 см) представляет сцены из жизни храмового хозяйства: телят, выходящих из хлева, дойку коров и приготовление масла в большом остродонном сосуде (рис. 1.13: 6).

Один из важных и часто повторяющихся сюжетов изобразительного искусства Двуречья – процессия людей, движущаяся к постройке храмового типа, которая опознается по богатому декору в виде пилястр, декоративного фриза, пар рогов (рис. 2.4: 4, 6). Иногда участники процессии изображаются путешествующими в лодке (рис. 2.4: 5). Перед храмом находятся животные и сосуды (Amiet, 1961, № 620–632). Именно такая сцена представлена на известной каменной вазе из Урука, слой III (Amiet, 1961. P. 87–98). Это конический сосуд на поддоне, высотой 1,2 м. На вазе в трех регистрах помещены парные изображения растений у воды, пары животных и процессия обнаженных мужчин, несущих дары, – сосуды и корзины. В верхнем регистре перед храмовым сооружением, обозначенным так называемыми «столбами с лентами», стоит жрица, которая встречает лидера в длинной одежде (его изображение сохранилось частично) и сопровождающих его людей с дарами. Характерная одежда представителя элитарного слоя общества (царя-жреца) запечатлена также на печатях и других изделиях времени позднего Урука – Джемдет Насра. Обычно он одет в длинную юбку с широким, круглым в сечении поясом. Пояс мог иметь длинные концы, тогда они завязывались сзади в сценах, когда лидер изображался как главное действующее лицо в обряде. В верхнем регистре изображений на каменной вазе из Урука концы длинного пояса несет за лидером прислужник, одетый в короткую юбку (рис. 3.1: 12).

Интересно, что в сцене на вазе имеются изображения приношений, уже находящихся в храмовой сокровищнице. Это две статуи (мужская и женская), зооморфные сосуды и корзины. Все изображения парные, а два сосуда на поддонах идентичны по форме описываемой реальной вазе. Вся композиция изображает изобилие, расцвет производящих сил природы и подчеркивает роль лидера в сакральной сфере, в ритуальных действиях, направленных на достижение

этого состояния. Скорее всего, здесь представлена сцена священно-го брака царя-жреца с богиней (Антонова, 1998а. С. 146–147).

Среди анатолийских находок материалы по данной теме чрезвычайно ограничены. В царских могилах Аладжихююк середины III тыс. до н. э. найдено 6 металлических антропоморфных статуэток (5 женских и одна неопределенная). Бронзовая фигурка из гробницы Н представляет собой обнаженную женщину с сосудом в руках, по форме близким типично анатолийским кувшинам с округлым туловом и высоким горлом (рис. 1.13: 5) (Yalçin, Yalçin, 2013b. Fig. 3). Мотив приношения с использованием сосуда, точнее, двух сосудов, присутствует на лицевой урне из Трои III–IV (рис. 1.13: 7), которая представляет фигуру человека с широкой открытой чашей на голове (что живо напоминает статуэтку из храма Шара в Тель Аграбе), тогда как второй сосуд фигура держит в руках. Это широкогорлый открытый сосуд с двумя высокими ручками, типологически близкий себрияному канфару из троянского клада А (рис. 1.5: 1).

Заключение

Выше представлены результаты изучения металлической посуды из памятников бронзового века Анатолии и Месопотамии конца IV – III тыс. до н. э. Особое внимание обращено на археологический и культурный контекст находок, что позволяет проследить связь между производственной, идеологической и социальной сферами жизни древних обществ.

Редкость археологических находок из металла на поселениях, и сосудов том числе, обусловлена объективными причинами. Первая – обработка руды и производство металла локализовались чаще всего за пределами поселений, вблизи источников сырья и топлива. Вторая причина состоит в том, что металлические предметы высоко ценились, и срок их службы был дольше, чем, например, керамических сосудов. Следует учитывать и возможность переработки металлических изделий. То, что находят в процессе раскопок, – лишь малая часть репертуара реально существовавших металлических изделий. В основном ценные вещи депонировались в погребениях. В том случае, когда можно провести количественное и качественное сравнение набора металлических изделий, найденных на поселении и относящемся к нему могильнике, прослеживаются значительные различия в количестве, представительности и распределении артефактов.

Ценные предметы из металлов, в том числе драгоценных, находят в погребениях. Яркими примерами могут служить Демирчихююк-Сарикет (*Seeher, 2000*) и Караташ-Семайюк (*Mellink, 1965*) в Западной Анатолии.

Анализ комплексов, содержащих металлическую посуду, показывает, что такие сосуды являются надежным маркером для определения археологического комплекса как престижного. Наличие сосудов в погребениях указывает на наивысший социальный ранг их владельцев. Металлическая посуда входит в состав кладов наиболее ценных изделий.

Начало изготовления и использования сосудов в этом качестве фиксируется в Месопотамии и относится ко второй половине IV тыс. до н. э., эпохе Урука. Эти находки связаны с процессом формирования элитарных групп в догосударственных и раннегосударственных обществах.

Первые металлические сосуды Анатолии мы встречаем на востоке региона, находившегося под сильным воздействием урукской цивилизации. Именно на востоке на рубеже IV–III тыс. до н. э. располагался центр анатолийского металлопроизводства. В РБВ II основной очаг производства и использования сосудов перемещается на Запад, видимо, в связи с продвижением новых групп населения из Закавказья на Верхний Евфрат, с одной стороны, и активным процессом урбанизации западноанатолийского региона – с другой. Затем, во второй половине III тыс. до н. э. выделяются два центра находок металлической посуды – Центр и Северо-Запад, что связано с существованием в этих регионах сильных раннегосударственных образований с такими центрами, как Аладжахююк, Хорозтепе, Эскияпар и Троя II–III.

В середине III тыс. до н. э. количество находок металлических сосудов, в том числе изготовленных из драгоценных металлов, резко возрастает. Распространяется престижный набор инвентаря, включавший, наряду с металлической посудой, элитарные головные уборы (диадемы) и парадное оружие (*Klaunzer, 2013; Авилова, 2021; 2022*).

Демонстрация символов престижа визуализировала авторитет и укрепляла власть местных лидеров, и способствовала их участию в межрегиональных контактах. Рост торгово-обменных связей начинается с РБВ II, на что указывает распространение такой выразительной формы металлических (а также керамических) сосудов, как сирийские фляги (*Massa, Palmisano, 2018. P. 75. Fig. 8*). Сосуды

из могильников Сарикет и Кучукхююк морфологически родственны им. Подобный свинцовый сосудик найден в Тарсе (*Goldman*, 1956. Fig. 435: 11). В связи с этим напомним о «Большом караванном пути» (Great caravan route), связывавшем Сиро-Киликию с Северной Эгейдой через внутренние районы Западной Анатолии (*Efe*, 1987).

В эпоху расцвета, в РБВ III, сложилась общеанатолийская сеть торговых путей, соединявших Центр с Северо-Западом, западным побережьем и Эгейдой (*Şahoglu*, 2005. Fig. 1a), что нашло свое отражение в близком сходстве металлических изделий из Трои, Аладжи-хююк и Эскияпара. Развитая система обмена на далекие расстояния обеспечивала получение предметов роскоши и особо ценного сырья. В ней циркулировали в основном объекты, относящиеся к категории престижных и ценных предметов, заказчиком и потребителем которых была элита. Она же обладала возможностями для интенсификации производства, накопления излишков продукции для обмена, а также организации и обеспечения безопасности торговых путей.

Исследование количественно представительной коллекции месопотамской металлической посуды позволяет сделать ряд выводов. Главная особенность металлопроизводства Месопотамии – чрезвычайно высокий уровень развития, достигнутый при отсутствии собственной сырьевой базы за счет импорта металла. Решающую роль в развитии цивилизации Двуречья сыграло развитое производство пищевых продуктов, создававшее ресурсы для обмена на различное сырье, в том числе металлы.

Самыми ранними типами металлических сосудов в Двуречье являются конические миски, они входят в употребление в позднеурукское время (конец IV тыс. до н. э.). Наибольшее морфологическое разнообразие металлической посуды относится к середине – второй половине III тыс. до н. э. и связано с расцветом металлопроизводства в раннегосударственных образованиях эпохи РД III.

В III тыс. до н. э. резко возрастает производство металлических изделий и сосудов в частности, в том числе из драгоценных металлов. Это во многом обусловлено ростом потребности обществ государственного типа в обозначении наивысших социальных рангов (*Авилова*, 2020. С. 36). Анализ комплексов показывает, что металлическая посуда маркирует формирование элитарных групп в городских и раннегосударственных обществах Месопотамии.

Распространение металлических сосудов в элитарных комплексах отражает социальные процессы, связанные с феноменом

сложения цивилизации ближневосточного типа, и является одним из ее признаков. Неслучайно в позднепервобытных обществах Северного Причерноморья III тыс. до н. э. металлические сосуды неизвестны: сообщества северной половины Циркумпонтийской историко-культурной и производственной зоны не достигли стадии цивилизации. Изучение металлической посуды в археологическом и культурном контексте позволяет лучше понять динамику фундаментальных изменений, связанных с формированием и развитием сложных/иерархических сообществ в таких крупных историко-культурных регионах, связанных сходным направлением эволюции, как Двуречье и Анатолия, с точки зрения роли, которую играло металлопроизводство и его продукция в общественном развитии.

Глава 2

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Стремление обозначить высокое положение человека через особенности костюма, прежде всего головного убора как одной из наиболее важных его частей, отмечается с глубокой древности. Лица высокого социального статуса наделялись рядом внешних признаков, часто – в виде головных уборов. Так, в Палестине в погребениях протонеолитической натуфийской культуры (X–XII тыс. до н. э.) в ряде случаев зафиксированы остатки головных уборов в виде рядов бусин, изготовленных из средиземноморских раковин (погребение в аль-Вад на г. Кармел) (Roaf, 1990. Fig. P. 30).

Среди археологических материалов эпохи бронзы есть группы находок, отражающие одновременно уровень социально-экономического развития общества, его культурные связи и идеологию. По мере распространения металла его стали применять для изготовления головных уборов или их деталей. Попытаемся рассмотреть в этом аспекте находки металлических частей головных уборов из археологических комплексов Эпохи раннего металла (V – начало II тыс. до н. э.), их место в процессах социального и культурного развития и взаимодействия обществ Ближнего Востока и соседних регионов в позднем энеолите – раннем и начале среднего периодов бронзового века. В наши задачи входит предложить характеристику морфологических групп головных уборов, выявить хронологические изменения их форм и особенности распределения во времени. На основании этих данных наметим устойчивые традиции в их конструкции и символике и охарактеризуем социальную и идеологическую функцию головных уборов, распространенных на Ближнем Востоке и отчасти на соседних территориях в конце V – III тыс. до н. э.

1. Морфология находок. Детали металлических головных уборов можно подразделить на несколько морфологических групп.

Подробная классификация диадем была разработана З. Выгнаньской. В основе этой работы лежат материалы из ближневосточных комплексов эпохи бронзы. Ценной частью этого исследования является каталог памятников, содержащих металлические головные уборы (Wygnañska, 2014. Р. 122–137). Исследовательница считает, что наиболее многочисленную группу находок составляют диадемы из листового металла. Они могут иметь форму лент одинаковой ширины по всей длине (headbands) или включать металлические ленты в качестве элемента конструкции. К той же группе относятся налобные бляхи – пластины с широкой средней частью и узкими концами (frontlets). Что касается конструктивных особенностей, то мы предлагаем делить головные уборы на простые, состоящие из одного элемента (ленты), и сложные, в составе которых есть дополнительные детали (например, подвески). К особой группе относятся головные уборы, состоящие из рельефного валика или плетеного жгута вокруг головы.

2. Древнейшие находки металлических головных уборов зафиксированы в материалах энеолитической Балкано-Карпатской металлургической провинции (50–38 вв. до н. э., см.: *Черных и др.*, 2002). Они фигурируют в литературе как Т-образные диадемы. Все известные нам экземпляры изготовлены из золота. Они имеют форму более или менее широкой пластины с вертикальным выступом в центральной части (рис. 2.1: 1, 4). Несколько таких диадем найдено в некрополе Варны (середина V тыс. до н. э.) в богатых погребениях и кенотафах (*Русев и др.*, 2010. С. 157. Табл. 13. Рис. 13, 60, 116). Вместе с рядом других элементов блестящих культур балканского халколита Т-образные диадемы исчезают из культурного пространства после разрушения Балкано-Карпатской металлургической провинции (*Тодорова*, 1986; *Черных и др.*, 2002). В эпоху ранней бронзы Т-образные диадемы неизвестны. Таким образом, в Балканском регионе этот тип головного убора представляет собой изолированный во времени яркий феномен.

Параллели балканским золотым диадемам существуют на восточном фланге пояса энеолитических культур Северного Причерноморья. В 2000 г. Краснодарской археологической экспедицией Кубанского госуниверситета была исследована группа из трех курганов на окраине станицы Северская (Северский район, Краснодарский край)¹. Погребение № 14 было основным в кургане № 1. Костяк

¹ Благодарю А. А. Клещенко, указавшего мне этот комплекс.

Рис. 2.1. Ранние диадемы

1 – Варна, Т-образная диадема из кенотафа (погр. 2), золото (по: Hansen, 2020); 2 – Тепе Гавра, реконструкция погребальной камеры (по: Stork, 2013); 3 – Тепе Гавра, розетки и диадема из погребений, золото (по: Breton, 2011); 4 – Варна, погр. 36 (по: Русев и др., 2010); 5 – Коруджутепе, погр. № 5, 4 и 3 (по: Korucutepe, 1978); 6 – Царская гробница из Арслантепе VIB (по: Palumbi, 2007); 7 – Царская гробница из Арслантепе VIB, диадема, медно-серебряный сплав (по: Palumbi, 2007); 8 – Квацхелеби, погр. 2 (по: Кушнарева, Чубинишвили, 1970); 9 – Демирчиюк-Сарикет, диадемы (по: Seeher, 2000); 10 – Кучукююк, диадемы (по: Gürkan, Seeher, 1991)

находился в положении скорченно на спине головой на юг, ноги распались ромбом. На дне могилы прослежены пятна охры. На черепе погребенного обнаружены остатки диадемы из крупных медно-бронзовых бусин (анализ не проводился из-за плохой сохранности металла). Под ними шла полоса тлена коричневого цвета шириной 8 см, видимо от венчика или головного убора, вдоль нее располагались бусы, которые были нанизаны на кожаный шнурок (его остатки сохранились внутри бусин). Низка бус шла от одного виска до другого (рис. 2.6: 1), на затылочных костях бусы отсутствовали, прослежена лишь полоса коричневого тлена. Бусины изготовлены из продольно согнутых пластинок со скругленными концами. Концы пластинок заходят один на другой (рис. 2.6: 2). Число бусин – от 34 до 38, точное число установить не удалось из-за плохой сохранности (Лунёв, 2000; 2001. С. 3–5. Рис. 3: 1). Автор раскопок первоначально отнес погребение к ямной культуре, но принимая во внимание его стратиграфическое положение, обряд, отсутствие другого инвентаря (кроме диадемы, в могиле найден кремневый отщеп), можно отнести комплекс к постоянно пополняющемуся списку подкурганых погребений степного энеолита.

В поисках истоков распространения металлических диадем и деталей головных уборов обратимся к материалам Ближнего Востока и Кавказа. На Ближнем Востоке головные уборы с металлическими деталями появляются в начале IV тыс. до н. э. К наиболее ранним находкам относится серия драгоценных деталей головных уборов из Северной Месопотамии. Они обнаружены в небольшом поселении Тепе Гавра в предгорной зоне на севере Ирака (Speiser, 1935; Tobler, 1950). Слои с XIA/В по VIII (4100–3700 до н. э.) содержат материалы северо-месопотамского позднего халколита (Ch 1–3), что соответствует раннему и среднему Уруку в Южной Месопотамии (3900–3600 до н. э. (Porada et al., 1992. Vol. II. P. 96. Fig. 3; Rothman, 2002. P. 56; 2004). Слои VII–IV относятся к Раннединастическому периоду (далее – РД).

В слоях Гавры эпохи Убейда металл появляется начиная со слоя XVII. Это медные изделия: два шила, широкое тесло с прямоугольной пяткой, из украшений – маленькое литое колечко (Tobler, 1950. P. 213. Pl. XCVIII: 5, 6).

В слоях XIA/В–VIII на территории поселения функционировал позднехалколитический некрополь (Tobler, 1950). Богатство некоторых захоронений чрезвычайно велико – в захоронении может нахо-

дятся до нескольких тысяч каменных бусин из различных минералов, украшения из золота и электра, каменные сосуды, костяные гребни и булавки с навершиями (Forest, 1983. P. 72; Brereton, 2011). Есть бусы дисковидные, трапециевидные, цилиндрические, до 99 экземпляров в одном захоронении. Металлические изделия представлены в основном украшениями. Их морфология разнообразна. Известны спиралевидные ленты и накладки в форме розеток из золотой фольги, иногда со вставками из лазурита, гравировкой и отверстиями для крепления к головному убору. Достаточно разнообразны подвески: изображающие насекомых, в форме копытца, кольцевидная, шпательобразные, дисковидные медальоны без орнамента, накладки-лунницы с отверстиями для крепления, нашивные выпуклые бляшки (Tobler, 1950. Pl. LVIB; LVIII; CIV: 20; CV: 29, 31; CVI: 46; CVII: 47, 48, 53–57). Многие вещи изготовлены из тонкой фольги, в ряде случаев наложенной на основу из битума (эта техника позже получает широкое распространение в Южной Месопотамии, в частности в Царском некрополе Ура). Золото распространено широко – в нашей БД по Гавре учтено 262 золотых изделия.

Выдающиеся по богатству погребения выделяются также типом погребальных сооружений. Чаще всего они помещены в камерах из сырца с перекрытиями из камня или дерева (рис. 2.1: 2). Погребения с золотыми деталями головных уборов появляются начиная со слоя XI/ХА, чаще встречаются в слое X и доживают до слоя VIII.

В ряде случаев части головных уборов были найдены *in situ* на черепках погребенных, например, широкая диадема на черепе младенца из погребения на участке 47 (рис. 2.1: 3). В погребениях 46, 110, 114, 142 на черепках находились золотые розетки, что свидетельствует о том, что они были частью головных уборов.

Приведу краткие сведения о выдающихся по набору инвентаря погребениях, в которых присутствуют металлические детали головных уборов, опираясь на систематизированные М. Ротманом данные раскопок Э. Спейзера и А. Тоблера (Rothman, 2002. P. 278–281).

Погребение 31, слой VIII/IX – взрослый. Найдена розетка из золотой фольги с дополнительными лентами. На лицевой части черепа фрагменты золотой фольги – видимо, остатки какого-то украшения.

Погребение 46, слой VIII/IX – молодой индивидуум в камере с каменным перекрытием. Золотая розетка и фрагменты фольги на черепе.

Погребение 47, слой VIII/IX – младенец в камере с каменным перекрытием, устроенной под полом храмового сооружения. На черепе сохранилась *in situ* золотая диадема. 15 золотых бусин.

Погребение 109, слой X – взрослый в камере с перекрытием из дерева. Четыре розетки плюс одна розетка с лентами, а также другие украшения и бусы – золотые, из электра, бирюзы, лазурита, сердолика.

Погребение 110, слой X – молодой индивидуум в камере с каменным перекрытием. Пять золотых розеток плюс одна розетка с лентами найдены на черепе. Две мраморные булавы, 18 золотых бусин, два каменных сосуда, костяной гребень.

Погребение 114, слой X – взрослый в камере с каменным перекрытием. На черепе – золотая розетка с лазуритовой вставкой. Плюс навершие в виде головки волка из электра и множество бус (399 из бирюзы, 282 из лазурита, 62 золотых), печать-штамп из лазурита, две каменные булавы.

Погребение 124, слой X – нарушенное камерное, с каменным перекрытием и обкладкой стен и пола камнем. Золотая розетка с длинными лентами.

Погребение 142, слой XI/XA – ребенок или молодой индивидуум. Золотая розетка на черепе.

Погребение 181, слой XI/XA – ребенок. Золотая розетка на виске, золотое дисковидное тисненное украшение, золотые и каменные бусы, каменное тесло.

Недавние исследования в Верхней Месопотамии существенно изменили наши представления о формировании сложных общественных структур в начале IV тыс. до н. э. Появляется все больше свидетельств урбанизации и сложных форм социальной организации, предшествовавших урукской экспансии. В свете новых данных современные исследователи позднехалколитических погребальных комплексов считают появление богатых захоронений маркером формирования элиты и развитых моделей передачи ценностей (по наследству, в результате торговли, дарообмена и пр.). Эти интерпретации важны для понимания картины социального развития в конце V – начале IV тыс. до н. э. Богатые погребения детей и младенцев известны начиная с первых слоев позднего халколита (XIA/V и XI/XA), причем они не являются развитием традиции выдающихся захоронений взрослых, т.к. последние преобладают в более поздних слоях (в слое X – см.: *Peasnell*, 2002. P. 218–232). Приведен-

ные выше данные свидетельствуют, что в начале позднего халколита парадоксальным образом признаками наиболее высокого ранга отмечены захоронения детей. Однако данные некрополя Гавры вряд ли могут прямо отражать картину социального строя общины, т. к. подавляющее большинство погребений принадлежат младенцам и детям; видимо, некрополь, где хоронили взрослых, располагался вне поселения, как полагает автор раскопок (*Tobler, 1950. P. 121*). Возможно, что в раннем появлении богатых и социально выделенных детских захоронений следует видеть продолжение традиции интрамуральных детских погребений, характерных для ранних погребальных практик V тыс. до н. э. (*Brereton, 2011. P. 340–341*).

Необходимо подчеркнуть, что в Гавре обнаружены следы обмена на далекие расстояния. Это многочисленные находки лазурита, месторождения которого находились в Бадахшане. На пути распространения лазурита известно несколько поселений, в частности Тепе Сиалк, Тепе Гиан, Тепе Гиссар (*Herrmann, 1968*). Впервые этот ценный минерал появляется в Гавре в позднеубейдском слое XIII. Именно благодаря торговле лазуритом небольшое поселение достигло расцвета, о чем говорит разнообразный и ценный инвентарь захоронений, сложность архитектуры, а также многочисленные печати и их оттиски в периоды позднего Убейда и раннего Урука. Печати-штампы были знаками собственности, и именно в слое XIII их находки особенно многочисленны. Печати в основном изготовлены из привозных материалов, которые поступали с востока, – из стеатита, серпентина, гематита, сердолика, лазурита (*Tobler, 1950. P. 176*). Источники лазурита располагались в Бадахшане и Северо-Восточном Афганистане, а сердолика – на территории Индии (*Оппенгейм, 1970. С. 3–4*). Видимо, во многом с развитием обмена следует связывать быстрое распространение убейдской материальной культуры на обширной территории – от Северной Месопотамии (Убейд III, вторая половина V тыс. до н. э.) и несколько позже (около рубежа V и IV тыс. до н. э.) до Сирии, Палестины и юга Средней Азии (*Hole, Flannery, 1968. P. 189*).

Материалы Тепе Гавры не являются изолированным феноменом. Они находят отчетливые соответствия в Восточной Анатолии. Здесь, на поселении Коруджутепе в период финального энеолита (фаза B, 3500–3000 до н. э. в некалиброванных датах) на заброшенном северо-западном участке сельского поселения находилось небольшое кладбище.

В слое XXXVII открыты два погребения (№ 4 и 5), устроенных в смежных прямоугольных камерах из сырца и перекрытых деревом (Korucutep: Final Report..., 1978. P. 380. Fig. 3) (рис. 2.1: 5). Один скелет был определен как мужской, он лежал скорченно на правом боку, при нем найдена булава из гематита, черенковый медно-бронзовый кинжал находился возле рук погребенного. На запястье был широкий пластинчатый серебряный браслет со спиралевидными завершениями на концах, пояс расшит известняковыми бусинами. Второй погребенный находился также скорченно на правом боку, на запястье был символ власти – серебряная печать в виде массивного конуса, закрепленного вершиной на узком браслете. На печати изображено рогатое животное (козел) (Van Loon, 1973. P. 399–400. Pl. 4; 5; Korucutep: Final Report..., 1978. P. 9–11). В погребении найден сероглиняный круглодонный сосуд и керамическая подставка с кремевым ангобом. Аналогии керамике имеются в Тепе Гавре IX–XI (Algaze, 1986. P. 126).

В слое XXXIX обнаружено захоронение № 3. В погребении молодой женщины, помещенной скорченно на левом боку, найден богатый инвентарь, в том числе остатки сложного головного убора в виде серебряной диадемы-ленты с сужающимися концами, украшенной красными и белыми бусинами, видимо нашитыми в древности на ткань. Вокруг головы находились серебряные колечки, вероятно детали головного убора. На шее была плоская гривна в форме лунницы, у правой руки – наборный браслет из серебряных пластин. В области таза найдена серебряная посоховидная булавка с прикрепленной к ней проволокой красной бусиной. Одежда и пояс погребенной были украшены множеством мелких известняковых бусин (Van Loon, 1973. P. 360–361. Pl. 5).

Инвентарь могил Коруджутепе (печать-штамп из парного погребения, серебряная диадема из женского погребения) и золотые детали головных уборов из Тепе Гавры близки по времени и относятся к наиболее ранним находкам этого типа на Ближнем Востоке. Оружие в виде каменных булав отмечено и в Коруджу, и в ранних могилах Гавры, но с IX слоя булавы исчезают (Stork, 2013. P. 226). В наборе инвентаря погребений того и другого памятника наблюдаются и различия: в Коруджу найден черенковый медно-бронзовый кинжал, тогда как в Гавре металл представлен только украшениями и деталями костюма, металлическое оружие полностью отсутствует.

Погребальный обряд Коруджу сильно напоминает погребения в слоях XIII–IX Тепе Гавры. Конструкция сырцовых камер в Кору-

джу имеет сходство с гробницами из сырцового кирпича, обнаруженными в Гавре: так, 34 из 78 захоронений Гавры IX–VIII представляют собой сырцовые камеры с перекрытиями из дерева, камня или сырцовых блоков (*Rothman, 2002; Peasnall, 2002*). В слоях Гавры с ХIА/В до IX–VIII известно также восемь погребений в каменных ящиках, шесть из них датируются 3800–3500 до н. э. (*Peasnall, 2002*). Соответствия в архитектуре погребальных сооружений и инвентаре двух памятников дают основания полагать, что в начале IV тыс. до н. э. население Верхнего Евфрата контактировало с Верхней Месопотамией (*Stork, 2013. P. 96–98*).

Интересно, что автор раскопок Тепе Гавры Дж. Тоблер считал исследованные им погребения нетипичными для памятника (*Tobler, 1950. P. 66*) и ставил их особенности в связь со следующими наблюдениями: в период слоя ХIА поселение было обнесено оборонительной стеной, а в следующем слое Х констатирован резкий упадок городской жизни. Возможно, что эти явления, как и погребения из Коруджутепе, свидетельствуют о проникновении пришлого населения. Отмечается, что позже, в РВВ II, в Коруджутепе (фазы Е и F) представлена характерная закавказская чернолощенная керамика и подковообразные очажные подставки.

Достаточно сложные погребальные конструкции Коруджу, богатый и символически значимый инвентарь трех описанных гробниц указывают, что в составе общины имелась элитарная группа. Что касается культурной принадлежности комплексов, то несколько слоев пожара, предшествовавших сооружению погребений, позволяют предполагать, что они принадлежат подвижному пришлому населению, хорошо знакомому с металлом (*Yakar, 2011b. P. 302*). Таким образом, Коруджутепе в течение достаточно длительного времени был включен в систему связей Северной Месопотамии с Восточной Анатolieй и Закавказьем.

На Северном Кавказе, в Большом Майкопском кургане (вторая четверть – середина IV тыс. до н. э.) открыто высокоранговое погребение с богатейшим инвентарем, включая бронзовое оружие, золотые украшения, металлическую посуду, бусы из полудрагоценных камней. Под черепом погребенного в центральной камере находились две золотые ленты, на концах они имели по два отверстия для крепления. Вдоль лент также шли мелкие отверстия. В захоронении найдено 10 золотых розеток в виде пятилепесткового цветка. Следует отметить, что в момент находки они не были прикреплены

к лентам (Мунчаев, 1975. С. 213; Корневский, 2017. С. 114. Рис. 107: 1–3). Б. В. Фармаковский идентифицировал ленты как диадемы. Он полагал, что продольно расположенные на лентах мелкие отверстия предназначались для крепления розеток (Фармаковский, 1914. С. 52). Розетки схожи с украшениями головных уборов из могильника Тепе Гавры, хотя в отличие от многолепестковых розеток Гавры майкопские экземпляры пятилепестковые, их лепестки широкие, закругленные (рис. 3.2: 1, 2). Параллелизм между майкопскими и северомесопотамскими древностями подкрепляется и другими находками: керамикой урукского облика, металлическими изделиями, в том числе украшениями, статуэтками животных и др. (Корневский, 2004).

Находки золотых лент известны еще в одном высокоранговом погребении майкопского времени – Нальчикской гробнице (Чеченов, 1973). Большой курган на окраине г. Нальчик (насыпь не менее 100 м в диаметре) располагался на поселении майкопской культуры. Мону-ментальная гробница была сооружена из вертикально установленных каменных плит и перекрыта такими же плитами. Многие плиты представляли собой антропоморфные стелы, на некоторых нанесены гравировки. В парном погребении, несмотря на то, что оно было ограблено в древности, обнаружен богатый инвентарь, включавший обширный набор бронзовых изделий: два проушных топора (один с золотыми обкладками рукояти), бронзовый кинжал, серебряный нож-кинжал с золотым наконечником ножен; долото, тесло, большой котел с яйцевидным туловом высотой 57 см (рис. 1.1: 10) и фрагменты второго сосуда (миски?) (Чеченов, 1973. С. 20–21. Рис. 14, 31). Сохранились золотые височные подвески, бусы, пластинки из фольги, украшавшие навес или костюм, и три спирально свернутые ленты из тончайшей золотой фольги. Одна имела в длину более полуметра, вторая – почти вдвое больше. Одна лента находилась в стороне от черепа погребенного, вторая – в углу камеры. Скорее всего, они служили обкладками деревянных стержней диаметром 2–2,5 см (Чеченов, 1973. С. 18–19. Рис. 29). Весь инвентарь сопровождал одного погребенного, при втором ничего не найдено, а особенности положения костяка позволяют предполагать насильственную смерть (Чеченов, 1973. С. 61), т. е. центрального погребенного сопровождал индивидуум подчиненного положения. Таким образом, нальчикские золотые ленты служили не диадемами, а обкладками. Тем не менее факт использования лент в элитарном захоронении раннебронзового времени заслуживает внимания.

Концом IV тыс. до н. э. датируются находки из Леванта, где в могильнике Библа найдено несколько богатых погребений взрослых и детей с узкими серебряными диадемами с отверстиями на концах. На некоторых экземплярах нанесен точечный пунсонный орнамент. Находки свидетельствуют, что в городе существовала группа населения с высоким наследственным статусом, включавшая как взрослых, так и детей (*Chéhab*, 1950. P. 76–77). По-видимому, ускоренное социальное развитие Библа и формирование местной элиты в конце IV тыс. до н. э. было связано с процветанием города как узлового пункта в сети средиземноморской торговли.

3. Диадемы III тыс. до н. э. В начале III тыс. до н. э. известен ряд памятников с находками диадем. Наиболее яркий – Царская гробница рубежа IV–III тыс. до н. э. на поселении Арслантепе в Восточной Анатолии, слой VIB (*Frangipane et al.*, 2001). Центральное погребение в камере из каменных плит (рис. 2.1: 6) принадлежало взрослому мужчине. Сверху на плитах перекрытия находились останки четырех сопровождающих погребенных, лежавших в неестественных позах. В комплексе найдены три диадемы-ленты: в центральном погребении и на головах двух из четырех сопровождающих жертв.

Все диадемы изготовлены из редкого медно-серебряного сплава и украшены пунсонным орнаментом в виде линий и зигзагов (рис. 2.1: 7). На диадеме из центрального захоронения на пересечении линий изображена небольшая окружность. Изнутри на лентах сохранились следы ткани; вероятно, диадемы составляли часть парадной одежды, включавшей нечто вроде покрывала. При центральном погребенном был набор оружия и серебряных украшений, всего 75 предметов (*Hauptmann, Palmieri*, 2000), а также два бронзовых сосуда конической формы (*Frangipane et al.*, 2001. Fig. 21: 10, 11; *Di Nocera*, 2010. Fig. XIII.4: 11; XIII.6: 4).

Контекст захоронения и обряд уникальны. Гробница принадлежала лицу высокого социального ранга, на что указывает богатство и символическая значимость инвентаря и сложность конструкции погребального сооружения. Следует подчеркнуть и присутствие сопровождающих погребенных. Диадемы являются одним из наиболее выразительных маркеров высокого статуса (*Frangipane et al.*, 2001. P. 111). Комплекс в целом свидетельствует о социальных сдвигах, последовавших за позднеурукским периодом: погребение было совершено после прекращения действия урукского храмово-административного комплекса конца IV тыс. до н. э. на городском поселении

в слое VIA. Погребальный обряд в целом и диадемы в частности демонстрируют связь с политическими, культурными и социальными трансформациями, вызванными продвижением на Верхний Евфрат населения из Закавказья, о чем говорят слои пожара, изменение планировки и архитектуры поселения, появление чернолощенной керамики куро-аракского облика (*Palumbi, 2007. Fig. 7*).

В связи с этим следует привести закавказскую параллель диадемам из Арслантепе. Это находка из парного погребения № 2 в Квацхелеби, где также была обнаружена диадема-лента с пунсонным орнаментом (*Кушнарева, Чубинишвили, 1970. Рис. 43: 31*); кроме того – браслет и ожерелье с медными бусинами, четыре серебряные спирали. На эту аналогию указывает М. Франжипане с соавторами, считая находки из Арслантепе VIВ и Квацхелеби близкими по времени (*Frangipane et al., 2001*). Орнамент на диадеме из Квацхелеби, кроме геометрических элементов, – линий и зигзагов – включает схематизированные изображения рогатых животных и птиц (рис. 2.1: 8). Сходство диадем отмечено и Г. Палумби. Близость двух комплексов подкрепляется также тем, что погребение в Квацхелеби помещено в каменном ящике. Ряд авторов видят в этом свидетельство масштабного закавказского влияния на население Арслантепе в РБВ I (*Frangipane et al., 2001; Palumbi, 2007*). Новая элита Арслантепе VIВ уже не была связана с месопотамскими культурными традициями слоя VIA (*Frangipane, 2017. P. 194–195*).

В начале III тыс. до н. э. погребальные сооружения в виде сырцовых камер и каменных ящиков распространены на памятниках Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии. По мнению Г. Палумби, могилы с каменной облицовкой были частью «закавказского культурного пакета», принесенного подвижными группами. В него входили чернолощенная керамика, жилища из плетня с обмазанными глиной стенами, декоративные мотивы на сосудах и металлических булавах в виде одиночных или парных спиралей. Распространение традиции, происходящей из отдаленных регионов Закавказья и совершенно другой культурной среды (куро-аракс), указывает на глубокие социальные и культурные изменения, происходившие в сиро-анатолийских общинах (*Palumbi, 2007. P. 141*).

В Западной Анатолии находки металлических головных уборов датируются первой половиной III тыс. до н. э. (РБВ II). Они представлены материалами из могильника Демирчихююк-Сарикет и Кучукхююк на северо-западе региона. Здесь фиксируется значительное число

диадем: из ок. 600 исследованных погребений РБВ II в Сарикет диадемы найдены в 47 (Seeher, 2000. P. 61–62). Морфологически это не длинные ленты, а укороченные подпрямоугольные или овальные пластины ок. 12–15 см длиной с отверстиями для крепления на концах. На некоторых экземплярах по краям имеется простой точечный пунсонный орнамент (рис. 2.1: 9). Материал пластин – золото, медный сплав, иногда серебро и свинец. Более половины находок обнаружены *in situ* на черепах погребенных, это говорит о том, что они крепились к головному убору. Диадемы есть как в богатых, так и в рядовых погребениях мужчин, женщин и детей. Интересно, что все пластины низкого качества – тонкие, с рваными краями, выполнены небрежно, вероятно, они предназначались не для прижизненной демонстрации высокого статуса носителей, а изготавливались специально для погребального ритуала (Seeher, 2000. P. 62). На это указывает и достаточно высокий процент комплексов с налобными пластинами: их слишком много, чтобы считать погребения с бляхами захоронениями социальной верхушки, а сами диадемы-бляхи – маркерами элитарного статуса. Скорее всего, это массовая продукция ритуального назначения. В расположенном поблизости синхронном могильнике Кучукхююк тоже найдены диадемы и налобные бляхи из золота и медного сплава (Gürkan, Seeher, 1991. P. 90. Abb. 22: 6–12). Для них также характерно низкое качество изготовления (рис. 2.1: 10).

В Месопотамии к первой половине III тыс. до н. э. относятся два погребения с диадемами. Захоронение в Абу Салабих в Южной Месопотамии связано с храмовым комплексом периода РД II (2800–2600 до н. э.). Здесь была захоронена женщина, при ней найдена серебряная диадема (Martin *et al.*, 1985. P. 12. Fig. 9b: 30, 31). Одновременное погребение (№ 300) найдено в Мари на Среднем Евфрате при храме Иштар. Здесь найдена короткая золотая диадема-лента с изображением розеток (Jean-Mari, 1999. Pl. 45).

Эпоха середины – второй половины III тыс. до н. э. – РД IIIA (2600–2450), РД IIIB (2450–2350), Аккада (2350–2150), 3-й династии Ура (2112–2004 до н. э.) в Месопотамии и РБВ III в Анатолии (Porada *et al.*, 1992) отмечена расцветом городов и государственных образований. В это время резко возрастает дифференциация и богатство общества, четко прослеживаются социальные контрасты. Укрепленные города – центры сосредоточения власти и богатства – дворцовые постройки, захоронения социальной верхушки, социально-имущественное расслоение, постоянное хорошо вооруженное войско,

свидетельства существования общественного слоя, сосредоточившего в своих руках административные функции и перераспределение общественного богатства – все это говорит о присутствии в городах-государствах Шумера элиты с наследственно закрепленным статусом (*Bertemes*, 2016). Закономерно, что именно в это время происходит всплеск применения драгоценных металлов и массовое распространение украшений и предметов с выраженной символической функцией (*Авилова*, 2008. С. 85–86). Для Месопотамии наиболее выразительны материалы из Царского некрополя в Уре, для Анатолии – царских могильников Аладжахюк и Хорозтепе, кладов Трои II–III (*Авилова*, 2022).

В некрополе Ура среди 2000 погребений, относящихся к периодам РД ША и В, Аккада и 3-й династии Ура, зафиксировано 60 находок диадем различных форм (*Woolley*, 1934). В середине – второй половине III тыс. до н. э. встречаются как простые диадемы-ленты, так и сложные конструкции, имеющие в основе ленту. Наиболее сложные головные уборы относятся к РД ША, позже такие сложные композиции не употреблялись (*Woolley*, 1934. Р. 241–246, Pl. 128, 135, 144). Чаще встречаются гладкие длинные золотые и серебряные ленты, а также налобные бляхи (*frontlets*). Последние Л. Вулли разделил на 5 типов (рис. 2.2: 1, 2) (*Woolley*, 1934. Pl. 219). На концах некоторых блях сохранилась золотая проволока для крепления к головному убору, продетая в отверстия. Отмечены отпечатки ткани на внутренней стороне блях (*Woolley*, 1934. Р. 246). Бляхи в основном не орнаментированы, но среди них есть и экземпляры с гравированными изображениями (рис. 2.2: 1, 5). Отметим, что использование диадем и налобных блях не связано с полом погребенных: они встречаются как в мужских, так и в женских могилах.

Налобные бляхи и короткие ленты во второй половине III тыс. до н. э. известны из многих памятников, включая Ниппур, Киш, Урук, Сузы (*Wygnañska*, 2014. Р. 101–103) (рис. 2.2: 9, 11, 12). Судя по материалам из Ура, в конце III – начале II тыс. до н. э. (время 3-й династии Ура и Исин-Ларсы) практика применения диадем и налобных блях в погребальном обряде значительно сокращается (*Woolley, Mallowan*, 1976. Р. 204, 206, 211).

В Анатолии в РБВ III наиболее представительны материалы из царского некрополя Аладжахюк (*Koşay*, 1951) и кладов Трои II–III (Сокровища..., 1996). В 14 гробницах Аладжи найдено пять диадем. В отличие от ранних простых экземпляров из Коруджутепе и Арс-

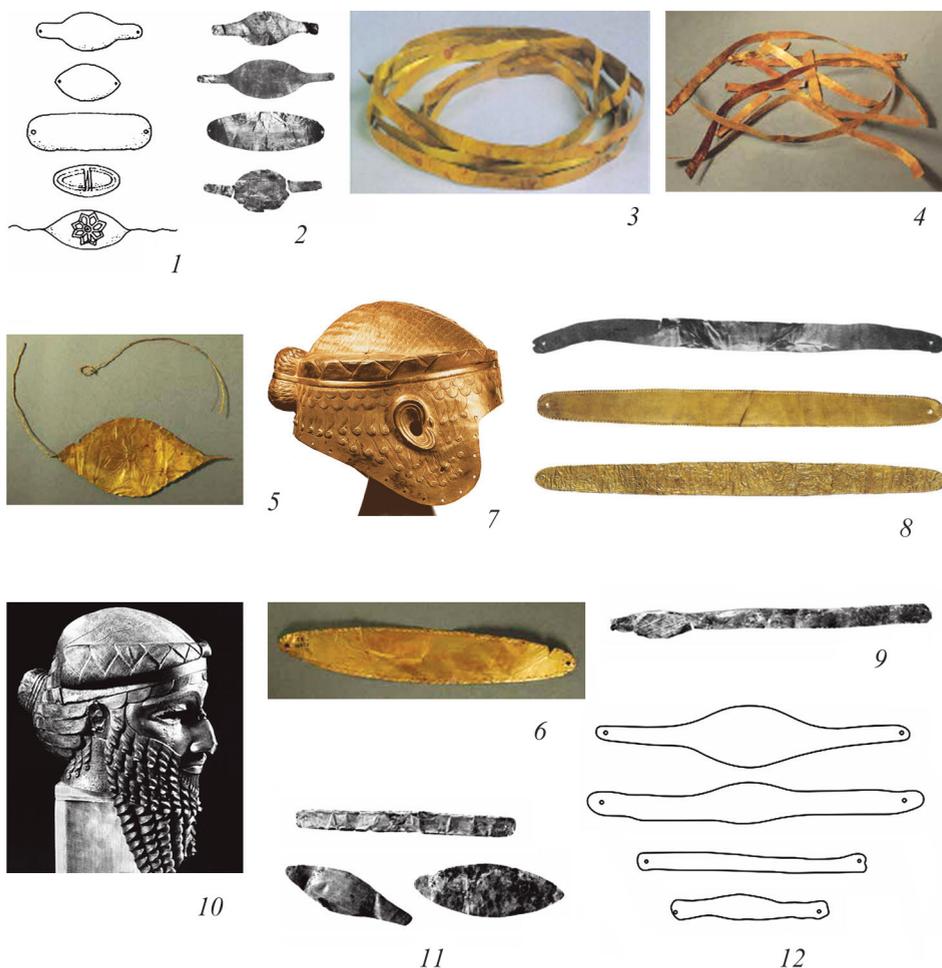

Рис. 2.2. Месопотамия, материалы середины III тыс. до н. э.

1, 2 – Царский некрополь Ура, типы налобных блях РД III – 3-й династии Ура (по: Woolley, 1934); 3, 4 – Царский некрополь Ура, ленты из погребений РД III и 3-й династии Ура, золото (по: Armbruster, 2016); 5, 6 – Царский некрополь Ура, налобные бляхи из погребений РД III, золото (по: Armbruster, 2016); 7 – Царский некрополь Ура, шлем царя Мескаламдуга, золото (по: Roaf, 1990); 8 – Царский некрополь Ура, диадемы РД III, золото (по: Wygnańska, 2014); 9 – Ниппур, диадема из погребения (по: Wygnańska, 2014); 10 – «голова Саргона Аккадского», бронза (по: Roaf, 1990); 11 – Сузы (по: Wygnańska, 2014); 12 – Киш, диадемы из погребений (по: Wygnańska, 2014)

лантепе морфологически они разнообразны: сплошные и ажурные ленты, ленты с дополнительным пучком висящих лент из гробниц К, Н, L (рис. 2.3: 1, 2, 10), широкая ажурная диадема из гробницы А (рис. 2.3: 7), которую Х.З. Кошай назвал короной (*Koşay*, 1951. Pl. 129), конструкция из лент из гробницы Т (рис. 2.3: 3).

В разрушенном царском некрополе Хорозтепе была найдена золотая диадема-лента с пунсонным орнаментом (*Özgülç, Akok*, 1958. Pl. 14, 3; *Özgülç*, 1964. P. 25).

Среди сокровищ из кладов Трои II–III также присутствуют золотые диадемы, причем различные по конструкции. Клад А включает три диадемы, относящиеся к трем разным типам. Две имеют сложную конструкцию. Несущим элементом большой диадемы является цепочка, которой крепятся подвески (Сокровища..., 1996. № 10), в основе малой диадемы – лента длиной 53,6 см. По ее нижнему краю пробит ряд отверстий для крепления цепочек с подвесками (Сокровища..., 1996. № 11) (рис. 2.3: 5). Третья диадема из клада А (рис. 2.3: 4) выглядит как простая узкая лента длиной 46,2 см с отверстиями на концах и точечным пунсонным орнаментом (Сокровища..., 1996. № 12). Близкая по форме диадема-лента с геометрической пунсонной орнаментацией (рис. 2.3: 6) входит в состав комплекса ювелирных изделий, приобретенного музеем университета Пенсильвании в 1966 г. По информации продавца, клад был найден в Троаде. Автор публикации комплекса Ф. Басс считает, что изделия стилистически тесно связаны с Троей II, Полиохни и другими центрами Восточного Средиземноморья середины III тыс. до н. э. (*Bass*, 1970. P. 34. Pl. 86. Fig. 7).

Традиция использования диадем в погребальном обряде продолжается и во II тыс. до н. э. Среди анатолийских материалов этого времени следует упомянуть диадемы-ленты и бляхи-накладки начала II тыс. до н. э. из Кюльтепе (рис. 2.3: 8, 9, 11). Золотые и серебряные диадемы и налобные бляхи здесь немногочисленны, просты по форме и встречаются в погребениях рядовых горожан (*Özgülç*, 1986. P. 24. Fig. 23, 25).

4. Головные уборы в месопотамских изобразительных материалах. Месопотамские изобразительные материалы, и прежде всего глиптика, дают возможность достаточно полно реконструировать внешний облик и социальную роль владельцев диадем.

Начиная с конца IV тыс. до н. э. среди изображений на месопотамских цилиндрических печатях, сосудах и рельефах встречается

Рис. 2.3. Анатолия, материалы середины III – начала II тыс. до н. э.

1, 2 – Аладжахююк, диадемы из гробниц К и Н, золото (по: *Yalçın, Yalçın, 2018*); 3 – Аладжахююк, головной убор из гробницы Т, золото (по: *Yalçın, Yalçın 2018*); 4 – Троя II, диадема из клада А, золото (по: *Сокровища..., 1996*); 5 – Троя II, малая диадема из клада А, золото (по: *Сокровища..., 1996*); 6 – клад из Троады, диадема, электр (по: *Bass, 1970*); 7 – Аладжахююк, диадема из гробницы А, золото (по: *Yalçın, Yalçın, 2018*); 8, 9 – некрополь Кюльтепе, диадема и бляха, золото (по: *Özgüç, 1986*); 10 – Аладжахююк, диадема из гробницы L, золото (по: *Koşay, 1951*); 11 – некрополь Кюльтепе, диадема и накладки, золото (по: *Kulakoğlu, Kangal, 2010*)

антропоморфный персонаж – общественный лидер, получивший в литературе наименование «царь-жрец» (king-priest). Эти лица высокого социального ранга наделены рядом отличительных внешних признаков, среди которых – головной убор с широким околышем (*Schmandt-Besserat*, 1993. P. 201, 211). Высокий статус персонажа отмечается и характерной прической/париком с рельефным валиком вокруг головы и пучком волос на затылке. Она постоянно изображается в глиптике додинастического времени (*Антонова*, 1991a; 1998б; *Braun-Holzinger*, 2007; 2013) (рис. 2.4: 1, 3, 5, 7–9). Такую прическу носили и мужчины, и женщины, как видно из изображения на позднеурукской печати-штампе (рис. 2.4: 2). Весьма вероятно, что объемный валик является развитой формой диадемы-ленты и, несомненно, выполняет ту же функцию.

Тенденции, развивавшиеся в эпоху Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.), продолжают существовать и получают свое завершение в РД III.

Наследие Урука прослеживается в формах головных уборов: сохраняется мужской головной убор/парик с рельефным валиком и пучком волос на затылке. Хорошо известен золотой шлем Мескаламдуга из Царского некрополя Ура (PG 789), который детально изображает такую прическу (рис. 2.2: 7). Сходство этого шлема с представленным на цилиндрических печатях головным убором лидеров, живших на много столетий раньше, в период позднего Урука, подтверждает, что данный знак высокого достоинства появился еще в додинастическое время. Та же прическа/парик бытует и позже, в конце III – начале II тыс. до н. э.: аналогичную форму имеет головной убор бронзовой головы из Ниневии, известной как «голова Саргона Аккадского» (рис. 2.2: 10). Такая же прическа изображена на голове статуи царя Ламги-Мари из музея Алеппо (*Parrot*, 1970. Pl. 4, 5).

Существенно, что сохраняется не только формальное сходство, но и символическая функция этих элементов. Они по-прежнему маркируют элитарный статус, пусть уже не урукского вождя-жреца, а царя. В городах-государствах Шумера царь исполнял и жреческие функции, был участником религиозных обрядов (рис. 2.4: 1, 4, 6). Не только обладание престижными, символически значимыми вещами, но и весь внешний вид, костюм и головной убор должны были демонстрировать и закреплять высокое общественное положение и духовное лидерство представителей шумерской элиты.

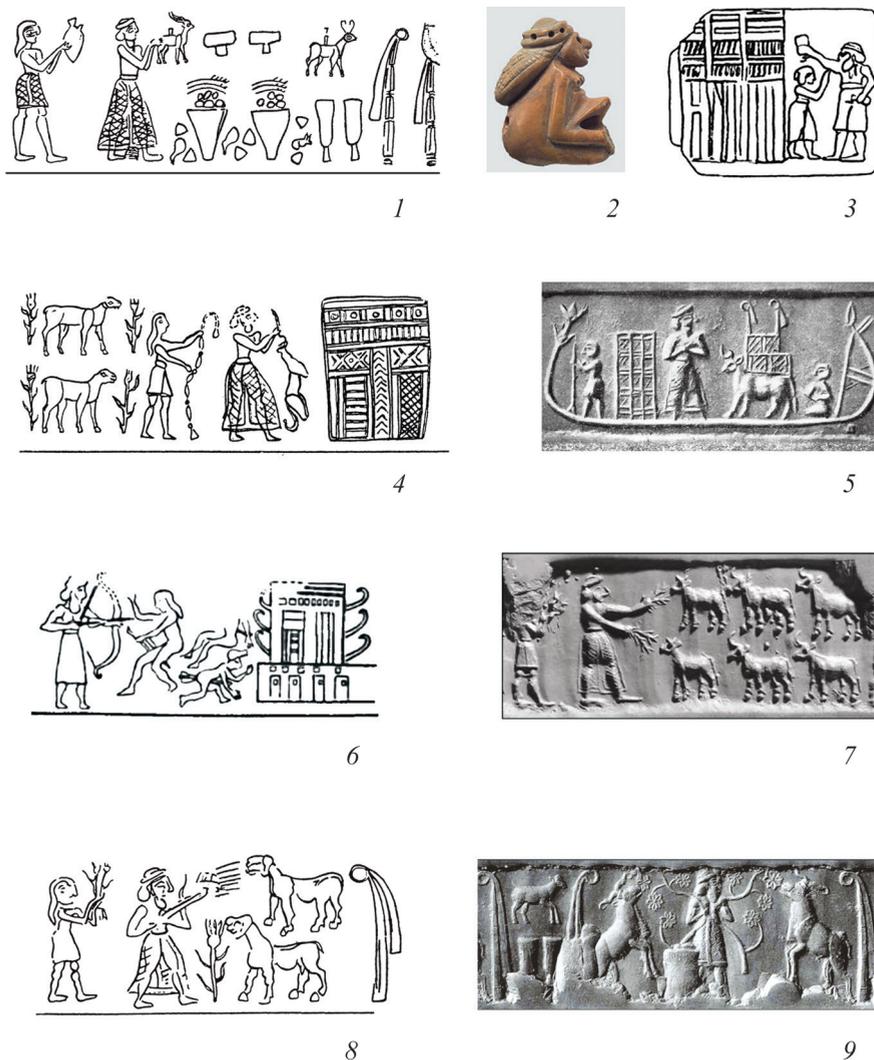

Рис. 2.4. Изображения персонажей в головных уборах в виде рельефного валика на позднеурукских печатях

1, 4 – царь-жрец в сценах жертвоприношения у храма на позднеурукской цилиндрической печати (по: *Amiet*, 1961); 2 – фигурка женщины в головном уборе в виде двойного рельефного валика, печать-штамп позднеурукского времени, камень (сайт музея Метрополитен <https://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/1988.380.1>, дата обращения 24.12.2024); 3, 6 – ритуальные сцены у храма (по: *Amiet*, 1961); 5 – царь-жрец с дарами в ладье; 7–9 – царь-жрец – «кормилец стад» (по: *Amiet*, 1961)

5. Головные уборы в курганных культурах Северного Причерноморья и Предкавказья. Далеко на севере, в степных регионах Причерноморья и Предкавказья в энеолите, а затем на раннем и среднем этапах бронзового века (середина V – третья четверть III тыс. до н. э.) шли процессы сложения и развития свиты специфических скотоводческих культур. Здесь также зафиксированы находки головных уборов и следов их использования. Они имеют значительно более скромный вид, чем в памятниках Ближнего Востока, а для их изготовления служили не столько металлы, сколько органические и минеральные материалы, а также красители.

В целом ряде грунтовых могильников нескольких археологических культур, входивших в мариупольскую общность (V – начало IV тыс. до н. э., что соответствует датировке упоминавшегося Варненского некрополя), известны шапочки или налобные ленты, украшенные низкими каменных бус, горизонтальными рядами подвесок из зубов оленя, пластинами, вырезанными из клыков кабана или расколотыми вдоль клыками этого животного. Встречены они как во взрослых, так и в детских захоронениях. В Мариупольском могильнике из 11 погребений с головными украшениями пять были детскими. В семи случаях, где голову погребенных венчали ряды пластинок из клыков или пары расколотых клыков кабана, направленных заостренным концом либо ко лбу, либо к затылку, можно предполагать именно наголовную ленту (*Котова, Тубольцев, 1999. С. 32–33; Kotova, 2010. P. 170, 171, 173. Fig. 5, 6, 9*).

В культурах финала раннего и всего среднего периодов бронзового века (3000–2300 до н. э.) головные украшения или особые приемы оформления зоны черепа погребенных встречаются регулярно, хотя в большинстве случаев трудно определить, имеем ли мы дело с украшениями головы (например, височными подвесками, крепившимися к прическе) или деталями головных уборов, лент, венчиков. На существование последних указывает ряд находок необычных вариантов окраски черепов в подкурганных захоронениях.

Многочисленные случаи следов красной охры на черепах погребенных имеются в материалах усатовской культуры раннебронзового века (*Popovici, 2023*). В могильниках Усатова и Маяки зафиксированы полосы и пятна охры разной формы и размера, размещенные на различных частях черепа. В некоторых случаях полосы напоминают следы шапочки (рис. 2.5: 1). Наиболее сложная композиция (рис. 2.5: 5) включает, кроме горизонтальной полоски на лбу, некое

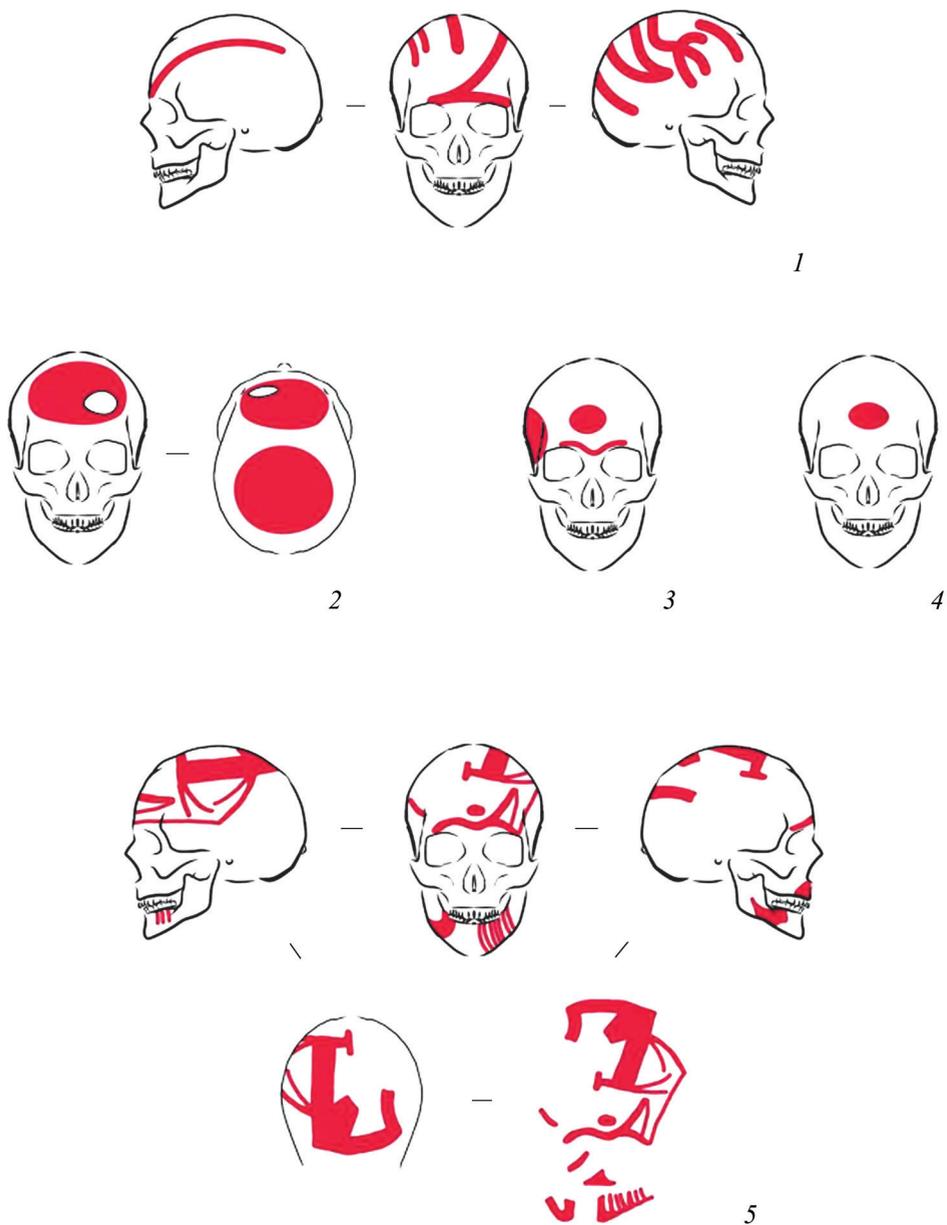

Рис. 2.5. Черепа со следами краски
из погребений усатовской культуры (по: *Rorović, 2023*)
1-4 – Усатово; 5 – Маяки

изображение, наделенное зооморфными чертами. Показательна концентрация погребений с использованием краски на черепаха в двух близко расположенных однокультурных могильниках.

В Восточном Приазовье и бассейне средней и нижней Кубани в памятниках новотиторовской культуры ранней – начала средней бронзы (первая четверть III тыс. до н. э.) также известны находки черепов со следами краски.

Заслуживает внимания серия из Пластуновского I могильника. В погребении 6 кургана 2 (предположительно, женщины 45–55 лет), сопровождавшемся остатками повозки, поперек черепа проходила яркая полоса красной краски, заканчивавшаяся у затылка двумя свисающими лентами (рис. 2.6: 3). В погребении 11 кургана 1 (женщина с ребенком 2–3 лет) полоса краски от шапочки или венчика, в пределах которой различимы продольные двойные полосы как бы от ниток, окрашенных яркой малиновой краской (киноварь?), отмечена на черепе ребенка. Похожая полоса, нанесенная охрой, была на черепе ребенка 1,5–2,5 лет в погребении 14 того же кургана. Первое из этих захоронений (2/6) по обряду относится к типично новотиторовским I-го этапа культуры, а оба погребения из кургана 1 принадлежат к синкретической новотиторовско-северокавказской группе развитого или позднего этапов (Гей, 1990. С. 54, 62, 147). К этому же времени следует отнести новотиторовское погребение 12 в кургане 3 могильника Хутор Кубань (мужчина 45–55 лет). Здесь тонкая четкая полоса красной краски проходила через всю лобную кость (Авилова и др., 2022. Рис. 4: 2).

В кургане 9 могильника Малаи I четкие полосы красной краски на лобных и височных костях зафиксированы в погребении 15 (женщина 16–20 лет) (рис. 2.6: 4) и погребении 21 (женщина 25–35 лет), входивших в состав кольцевого кладбища (Гей, 2000. С. 53–56). В погребении 100 кургана 2 могильника Лебеди I (мужчина 30–35 лет), сопровождавшемся повозкой, скелет был полностью окрашен охрой, но особенно четкая и яркая полоса (киновари?) проходила по черепу от виска до виска через лобную кость (Гей, 2000. С. 33).

Простой венчик из тонкого шнура или толстой нити, окрашенной яркой малиновой краской, находился и в погребении 157 (ребенок 2–3 лет), входившем в состав «тройки» детских могил, впущенных в курган несколько позднее (Гей, 2000. С. 74–76).

Аналогичные находки известны и в памятниках других синхронных новотиторовской или приходящих ей на смену культурных групп

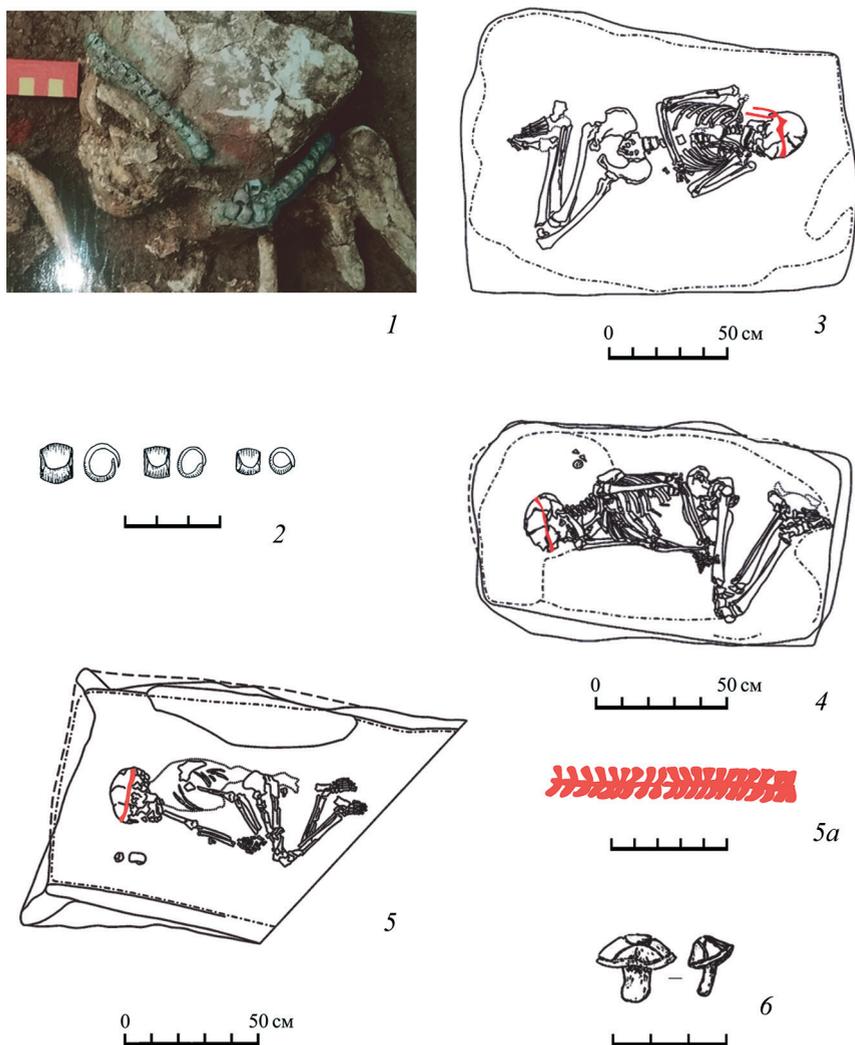

Рис. 2.6. Курганные погребения

Северного Причерноморья энеолита – средней бронзы

1 – станица Северская, кург. 1, погр. 14 (энеолит) (по: Лунёв, 2000); 2 – бусины из головного убора, кург. 1, погр. 14, ст. Северская (по: Лунёв, 2000); 3–5 – погребения с необычной окраской черепов (новотиторовская культура, Прикубанье) (по: Авилова и др., 2022): 3 – могильник Пластуновский I, кург. 2, погр. 6; 4 – могильник Малаи I, кург. 9, погр. 15; 5, 5a – могильник Останний, кург. 1, погр. 140; 6 – застёжки в форме розетки, могильник Ериковский I, погр. 4 кург. 4 (катакомбная культура, Нижний Дон)

в Прикубанье. Это, в частности, северокавказское погребение 2 кургана 2 могильника Кавказский II, предположительно определенное как захоронение взрослого мужчины (*Козюменко и др.*, 2001. Рис. 209).

Надо полагать, что обычай использования окрашенных шапочек, венчиков, наголовных лент или ремешков имел большее распространение. По самым приблизительным подсчетам, проведенным на основании электронной базы данных «Дон», из 1250 погребений ранней и средней бронзы в Предкавказье и на Дону с окрашенными костяками в 200 (или примерно в 16%) случаях отмечена окраска именно черепа (только черепа или акцентированная в случае окрашивания и других костей) (*Авилова и др.*, 2022). Можно предположить, что расплывчатость сведений о характере применения красителей в этих случаях связана не только с нестойкостью самих красок, но и с недостаточным вниманием исследователей к данному признаку, схематической его фиксации.

Прикубанье или западные районы Предкавказья – не единственная территория с подобными находками. Аналогичные случаи известны и севернее, в катакомбных комплексах Нижнего Дона и Подонцовья. Можно назвать парное погребение 1А в кургане 1 Краснореченского I могильника, где на черепе ребенка в возрасте около 2 лет отмечены следы венчика из трех параллельных линий краски (*Красильников*, 2007). Особый интерес для данной темы представляют находки другого вида. В катакомбном погребении 7 кургана 3 могильника Мокрый Волчик I голову ребенка 3–4 лет опоясывал ремешок, к которому у висков крепились шнуры с нанизанными на них бронзовыми бусами и подвесками (*Прокофьев*, 2002. С. 120–122).

Как видим, элитарный характер степных погребений выражен далеко не так ярко, как в культурах Анатолии, Месопотамии и Северного Кавказа. Вместе с тем в нео-энеолитической серии степные погребения с головными и налобными украшениями выделяются из общей массы богатством всего погребального костюма и присутствием символически значимых категорий инвентаря: так, детское погребение VIII Мариупольского могильника сопровождалось таким неординарным предметом, как навершие булавы. Среди новотиторовских комплексов представлены преимущественно либо неординарные захоронения с повозками, либо захоронения (женские и детские в том числе) в тех же курганах или могильниках, которые могут рассматриваться как сопровождающие при погребениях с повозками. В катакомбных материалах такая приуроченность выражена слабее,

но, по крайней мере, часть погребенных с головными уборами выделяется из общей массы разнообразием (богатством?) оформления костюма в целом, обилием прочего инвентаря.

И парадные головные уборы ближневосточных лидеров, и следы ярко окрашенных венчиков и лент в степных подкурганских захоронениях отражают сходные процессы, происходившие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития, – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала явление имитации ценных роскошных предметов (металлических диадем) в доступном материале (кость, краска).

Глава 3

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ЗОНЫ

В ходе работы с материалами по морфологии и хронологической эволюции головных уборов, распространенных в Эпоху раннего металла на Ближнем Востоке (Авилова, 2021; 2022; Авилова и др., 2022), наше внимание привлекли предметы, выполненные в форме растения/цветка/розетки или украшенные подобными мотивами. Обратимся к распространению и символике таких артефактов. Эта тема присутствует в работах некоторых зарубежных исследователей. Так, обзору растительных мотивов и их символике посвящена монография Х. Дж. Кантор (Kantor, 1999). Ее книга представляет собой издание диссертации на степень доктора философии, защищенной в 1945 г. в университете Чикаго. В ее основе – обширная подборка материалов о растениях Древнего Египта и их изображениях, тогда как материалы Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья представлены ограниченно и относятся ко II тыс. до н. э. К сожалению, за время, прошедшее с написания работы до ее издания, она неизбежно устарела.

1. Древнейшие изображения растительных мотивов на Ближнем Востоке встречаются на расписных высококачественных сосудах неолитической халафской культуры VI тыс. до н. э., распространенной на территории Юго-восточной Турции, Северной Сирии и Северного Ирака. Наиболее представительны с этой точки зрения керамические коллекции Телль Арпачии и Тепе Гавры в Северном Ираке, Телль Брака в Северной Сирии. Сложные центрические композиции в виде многолепестковой розетки или звезды часто изображаются на сосудах из халафских слоев Арпачии (Mallowan, Rose, 1935. Pl. XIII, XV, XVII) (рис. 3.1: 2, 3), несколько реже – в слоях убейдского

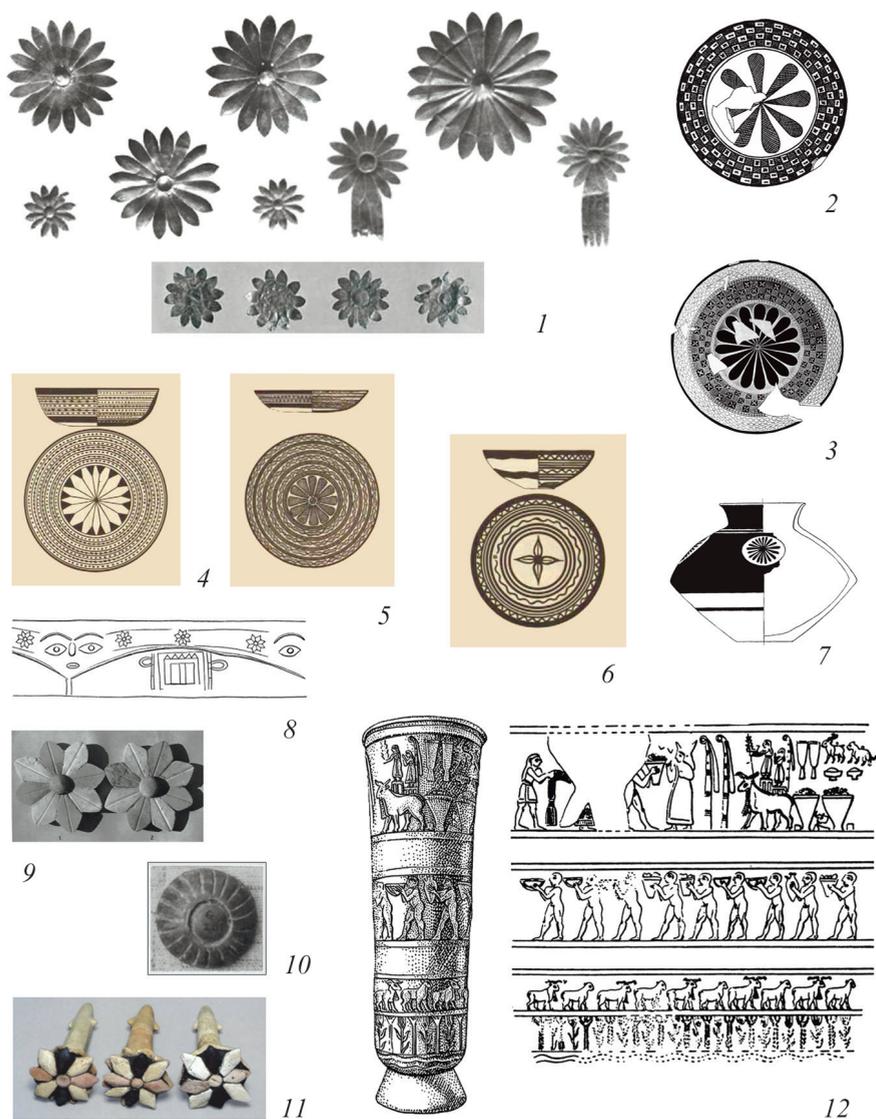

Рис. 3.1. Месопотамия. Растительные мотивы эпохи Халафа-Урука

1 – Тепе Гавра, розетки из некрополя, золото (по: *Tobler*, 1950); 2, 3, 7 – сосуды из Тель Арпачии (по: *Mallowan, Rose*, 1935); 4–6 – сосуды из Тепе Гавры (по: *Tobler*, 1950); 8 – Тель Аграб, оттиск цилиндрической печати; 9 – Тель Брак, каменные конусы из Храма глаза (по: *Mallowan*, 1947); 10 – Тель Брак, пастовый амулет (по: *Mallowan*, 1947); 11 – Эль Обейд, декоративные конусы из храма Нинхурсаг, РД III (по: *Roaf*, 1990); 12 – Урук, каменная ваза (по: *Roaf*, 1990)

времени (*Mallowan, Rose, 1935. Fig. 37: 5*) (рис. 3.1: 7). Роспись в виде многолепестковых розеток распространена и в халафских слоях Тепе Гавры (*Tobler, 1950. P. 127–128. Pl. CXI: 14–16*) (рис. 3.1: 4–6).

Последний памятник особенно важен, т.к. из него происходят древнейшие на Ближнем Востоке находки металлических деталей головных уборов – серия золотых украшений, выполненных в форме розетки. На территории поселения Тепе Гавра в слоях с ХІА/В по VIII (4100–3700 до н. э.) существовал могильник (*Tobler, 1950*) эпохи позднего Убейда и частично синхронный раннему Уруку Южной Месопотамии (см.: *Porada et al., 1992/I. P. 92–96; 1992/II. P. 96. Fig. 3; Rothman, 2002. P. 56; 2004*). Некоторые захоронения отличаются богатством и социальной значимостью инвентаря, включая тысячи каменных бусин, золотые украшения, каменные сосуды и др. (*Forest, 1983; Brereton, 2011*). Эти могилы выделяются и типом погребальных сооружений в виде сырцовых камер с каменными и деревянными перекрытиями.

Среди инвентаря выдающихся захоронений имеются изделия из золотой фольги в форме цветов – многолепестковых розеток (погр. 31, 46, 109, 110, 114, 124, 142, 181) (*Rothman, 2002. P. 278–281*), которые являлись деталями головных уборов (в ряде случаев они находились *in situ* на черепах погребенных). На розетках имеются отверстия для крепления к основе головного убора. Форма розеток достаточно устойчива, среди них есть более и менее крупные экземпляры (до 8,4 см в диаметре), с большим и меньшим числом лепестков (от 12 до 20), с длинными и укороченными лепестками, с лазуритовыми вставками в центре, а также с дополнительными деталями в виде узких лент. Последние, вероятно, изображают листья, тем более, что на некоторых нанесена гравировка, обозначающая прожилки (*Tobler, 1950. P. 90. Pl. XXVII, LVIII, CLXXV: 74, 76, CVII: 53–57, CVIII: 58*) (рис. 3.1: 1).

Выше было отмечено, что розетки присутствуют в захоронениях детей (погр. 47, 142, 181) и молодых людей (погр. 46, 110). Можно полагать, что серия богатых погребений детей и молодых индивидумов с престижным инвентарем документирует явление передачи ценных и символически значимых вещей по наследству внутри неких выдающихся семей и указывает на процесс формирования элиты.

Представляется, что золотые розетки из Тепе Гавры восходят к широко распространенному в эпоху Халафа мотиву многолепесткового цветка в росписи на керамике. Затем, в позднеубейдское время

этот популярный и символически значимый мотив начинают воспроизводить в другом материале – драгоценном металле. Золотые розетки помещаются на таком символически важном предмете, как головной убор.

Изображения цветка/розетки/звезды встречаются не только на ювелирных украшениях позднеубейдской эпохи. Они помещались на каменных печатях-штампах, которые являлись атрибутами властных полномочий (*Amiet*, 1961. P. 16. Fig. 25, 32, 40). Так, на печати из XIII слоя Тепе Гавры изображены антропоморфный персонаж в позе танца и две четырехлепестковые розетки (звезды?) (рис. 4.1: 2). Две розетки/звезды сопровождают и зооантропоморфного персонажа со змеей (*Авилова*, 2023б) на печати из Тепе Гияна, причем одна розетка шестилучевая, вторая – семилучевая (рис. 4.1: 11), заостренной формой лучей-лепестков они скорее напоминают звезды. Звезда – месопотамский клинописный знак, пиктограмма божества.

Растительные мотивы используются и в последующую урукскую эпоху. Золотые розетки известны на Северном Кавказе: в Большом Майкопском кургане (вторая четверть – середина IV тыс. до н. э.) при центральном погребенном найдены две золотые ленты/диадемы и отдельно от них – 10 золотых розеток (рис. 3.2: 1, 2). В отличие от многолепестковых розеток Тепе Гавры майкопские экземпляры – пятилепестковые, двойные (изображают махровый цветок), их лепестки широкие, закругленные на концах (*Мунчаев*, 1975. С. 213; *Корневский*, 2017. С. 114. Рис. 107: 1–3). Детальное описание майкопских розеток приводится в статье Ю.Ю. Пиотровского, в которой автор также сравнивает их с розетками из Тепе Гавры (*Пиотровский*, 2020. С. 136). Подчеркну, что розетки обоих памятников близки не только по форме, но и функционально: те и другие представляют собой символически значимые украшения, изготовленные из драгоценного металла и помещенные в погребальный контекст в составе инвентаря элитарного захоронения.

Отмечу также, что желобчатый орнамент в виде розеток нанесен на крупной сферической золотой бусине из центрального погребения Майкопского кургана, причем центр розетки совпадает с входным отверстием канала, а ее «лепестки» имеют округлую форму, такую же, как у розеток из золотой фольги (рис. 3.2: 5). Похожий, но несколько упрощенный орнамент нанесен на крупных бусинах ожерелья (рис. 3.2: 6). Композиция в виде многолепестковой розетки помещена на дне серебряного сосуда с изображением

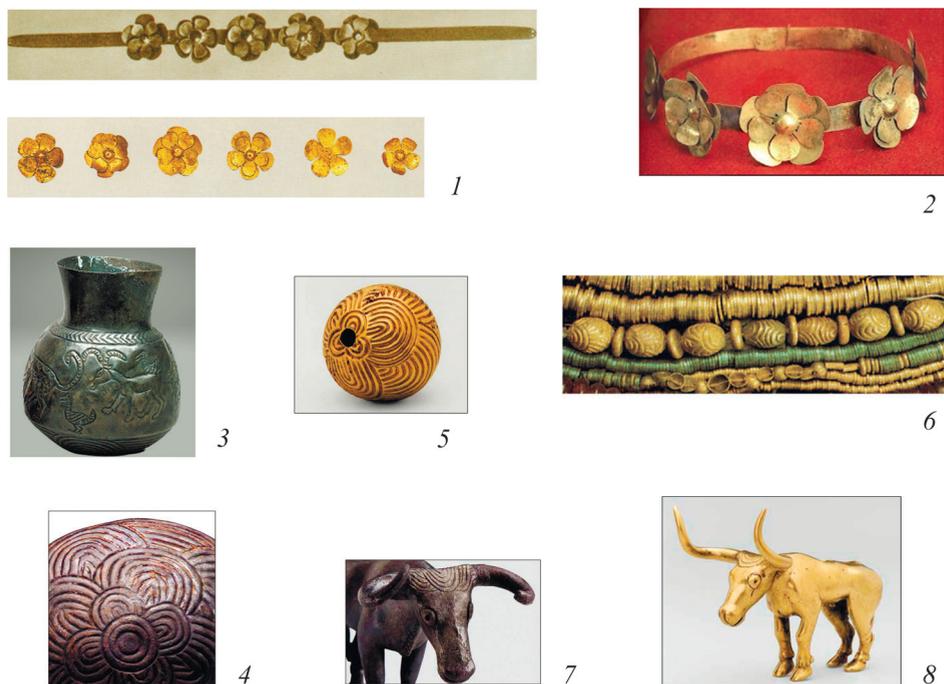

Рис. 3.2. Майкопский курган. Мотив розетки

1, 2 – золотые розетки и реконструкция диадемы (по: *Кореневский*, 2004); 3, 4 – серебряный кубок (по: *Hansen*, 2014); 5 – золотая бусина (по: *Hansen*, 2014); 6 – золотые бусы (по: *Кореневский*, 2004); 7, 8 – статуэтки быков с изображениями розеток на лбу, серебро; золото (по: *Бронзовый век...*, 2013)

процессии животных (рис. 3.2: 3, 4). На лбу двух серебряных и двух золотых статуэток быков из того же погребения имеются изображения в виде округлых фестонов, одиночного или нескольких сомкнутых (рис. 3.2: 7, 8) (*Бронзовый век...*, 2013. Ил. 3; 4). Повторяемость мотива розетки на драгоценных вещах из центрального захоронения элитарного кургана свидетельствует, что он был особо значимым в системе верований майкопских племен IV тыс. до н. э.

Растительные мотивы в виде цветов и листьев изображаются на разных категориях артефактов позднеурукской эпохи. Это фриз из цветущих растений на берегу реки в нижнем регистре каменной вазы из Урука, на которой изображена сцена у храма и ритуальные процессии людей и животных (рис. 3.1: 12). Композиция имеет ярко

выраженный религиозный характер. Интересно, что сочетание композиционных элементов на серебряных кубках из Майкопского кургана – на одном процессия животных и растительный мотив (розетка), на другом процессия животных, идущих вокруг водоема, – аналогично сценам, изображенным на каменной вазе из Урука.

В позднеурукской храмовой архитектуре применялись декоративные элементы – конусы из глины и камня, верхняя часть которых имела форму восьмилепестковой розетки (Храм глаза в Телль Браке – *Mallowan*, 1947. Pl. V: 1–3) (рис. 3.1: 9). Такие же конусы использовались и позднее, в Раннединастическом периоде, например, каменные инкрустированные экземпляры из храма Нинхурсаг в Эль Обейде (рис. 3.1: 11). В Телль Браке в период позднего Урука – Джемдет Насра встречаются также пастовые розетки-амулеты (*Mallowan*, 1947. Pl. XVII: 27) (рис. 3.1: 10).

Для того чтобы приблизиться к пониманию этого символически значимого и долго живущего мотива искусства Двуречья, важны материалы глиптики. На цилиндрических печатях позднеурукского времени встречается персонаж, известный в литературе как «царь-жрец». Наиболее содержательны композиции, где он протягивает животным растения, выступая в роли «кормильца стад» (*Amiet*, 1961. № 636–640, 643–651; *Антонова*, 1991а). По мнению Е. В. Антоновой, в этих сценах центральный персонаж показан в роли древнего мифологического героя – «хозяина животных», охранителя стад; которые он унаследовал от охотничьего божества – покровителя диких зверей (*Антонова*, 1983), поскольку он обеспечивает плодородие и процветание своей общины. Этот персонаж часто изображается рогаатым в окружении животных; он постоянно присутствует на ранних печатях-штампах из убейдских слоев Тепе Гавры, где участвует также в сценах священного брака (см. ниже).

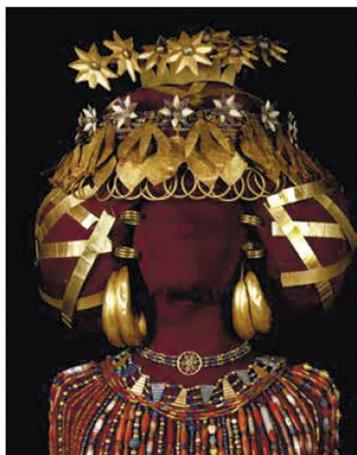
В ряде случаев в руках центрального персонажа изображено цветущее растение, причем цветы имеют форму розеток (рис. 2.4: 9). В городах-государствах Шумера царь исполнял не только властные, но и жреческие функции, участвовал в религиозных обрядах. Е. В. Антонова подчеркивает, что правитель урукского города-государства был не столько военным вождем, сколько организатором производства сельскохозяйственных продуктов, контролировал накопление ресурсов для обмена, обеспечивая, таким образом, существование и процветание общины (*Дьяконов*, 1990. С. 164; *Антонова*, 1998а. С. 142 сл.). Изображения персонажа с колосом или цветущим

растением в руках отражают характер общественной жизни шумерского города (рис. 2.4: 7–9). Они подчеркивают идею значимости элиты и ее ритуальной деятельности для стабильности и благополучия городской общины (Антонова, 1998б; Antonova, 1992; Авилова, 2022).

2. Растительные мотивы на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э.

В первой половине III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке распространяются престижные металлические головные уборы с изображениями розеток/цветов. В погребении женщины в храмовом комплексе Абу Салабих периода РД II (2800–2600 до н. э.) на лицевой части черепа находилась серебряная диадема, а по обеим сторонам от нее – две серебряные розетки (Martin et al., 1985. P. 12. Fig. 9b: 30, 31). В одновременном погребении во дворе храма Инанны/Иштар в Мари также найдена диадема в форме золотой ленты. На ней изображены розетки в форме звезды, в захоронении имеется также несколько округлых бляшек с изображением многолепестковых розеток (Jean-Mari, 1999. Pl. 45) (рис. 3.3: 3). Контекст погребений в Абу Салабих и Мари наводит на мысль, что они принадлежали служительницам культа женского божества Инанны/Иштар, чьим атрибутом служил восьмилепестковый цветок-розетка, часто имевший форму звезды (Star of Ishtar – см.: Black, Green, 1992. P. 156–157, 170). Изображения звезды (обычно восьмилучевой) часто использовались в искусстве Двуречья – на печатях и рельефах – в качестве символа и детерминатива божества. Связь мотивов звезды/розетки с изображением храма и всевидящего ока божества чрезвычайно ярко отражена в композиции на цилиндрической печати эпохи позднего Урука – Джемдет Насра из Тель Аграба (рис. 3.1: 8). В конце III тыс. до н. э. распространены символические изображения божеств в виде звезды/розетки. Так, на стеле Нарамсина (23 в. до н. э.) боги – покровители царя Шамаш и Инанна/Иштар – представлены в виде двух восьмилучевых звезд (Benzel et al., 2010. P. 36. Fig. 17) (рис. 4.3: 3). На одновременном рельефе царя лулубеев Анубанини (рис. 4.3: 4) изображена богиня Инанна в рогатой короне, а наверху ее символ – четырехлепестковая звезда/розетка, вписанная в круг (Postgate, Roaf, 1997. Fig. 7).

Известно аккадское слово *ajaru* – розетка. Оно применяется при описании золотых украшений на статуях божества; упоминаются золотые розетки для ношения на лбу, головном уборе, розетки-нашивки на одеянии статуй божеств. Термин используется и при описании каменных деталей зданий. Он может означать цветок расте-

1

2

3

4

5

6

7

8

10

11

ния, а также название второго месяца года, когда отмечался один из сезонных праздников (*The Assyrian Dictionary...*, 1964. P. 229–230). Приведенные сведения хорошо согласуются с описанным выше археологическим контекстом розеток из женских погребений в Абу Салабих и Мари, а также нахождением золотых розеток в захоронениях детей и молодых индивидуумов в некрополе Тепе Гавры.

Изображения розеток помещались и на предметах с иным смысловым содержанием. В Уре в богатейшем царском погребении 789 была обнаружена крупная бронзовая пластина (31×45 см), которая, по мнению Л. Вулли, представляла собой оковку щита, тогда как Д. Хансен считает ее оковкой колесницы (*Hansen*, 1998. P. 67). Предмет состоит из центральной круглой бляхи с рельефным изображением десятилепестковой розетки, ее венчает прямоугольная пластина, на которой представлены два льва, идущие в противоположные стороны и попирающие фигуры поверженных обнаженных врагов (рис. 3.4: 1). Предмет находился на полу погребальной камеры, в группе с четырьмя наконечниками копий. Центральное захоронение содержало костяки 63 сопровождающих погребенных. Композиция триумфального характера и контекст ее нахождения подчеркивает воинский характер комплекса, отражая представления о царе как победоносном воине. Изображения фараона в виде льва, попирающего трупы врагов, известны в египетском искусстве. В данном случае мы видим, что в круг этих героических идей каким-то образом вписывается мотив многолепестковой розетки.

В середине – второй половине III тыс. до н. э. (РД III, 2600–2350 до н. э.) в Месопотамии существуют ранние государства с многочисленными городскими центрами, храмами, расцветает ремес-

Рис. 3.3. Месопотамия. Растительные мотивы, III тыс. до н. э

1 – головной убор царицы Пуаби, реконструкция, Царский некрополь Ура (по: *Benzel*, 2016); 2 – статуэтка «козел в зарослях», Царский некрополь Ура, погр. 1237 (по: *Roaf*, 1990); 3 – Мари, диадема и бляхи из погребения (по: *Jean-Marie*, 1999); 4 – Царский некрополь Ура, инкрустированная доска для игры (по: *Treasures...*, 1998); 5, 6, 8 – Царский некрополь Ура, детали головного убора царицы Пуаби (по: *Benzel*, 2016); 7 – Царский некрополь Ура, головной убор дамы из погр. 1237; 9 – Царский некрополь Ура, ожерелье из погр. 1237 (по: *Pittman*, 1998); 10 – Царский некрополь Ура, детали диадемы царицы Пуаби, реконструкция (по: *Treasures...*, 1998); 11 – Царский некрополь Ура, диадема из погр. 153, золото (по: *Pittman*, 1998)

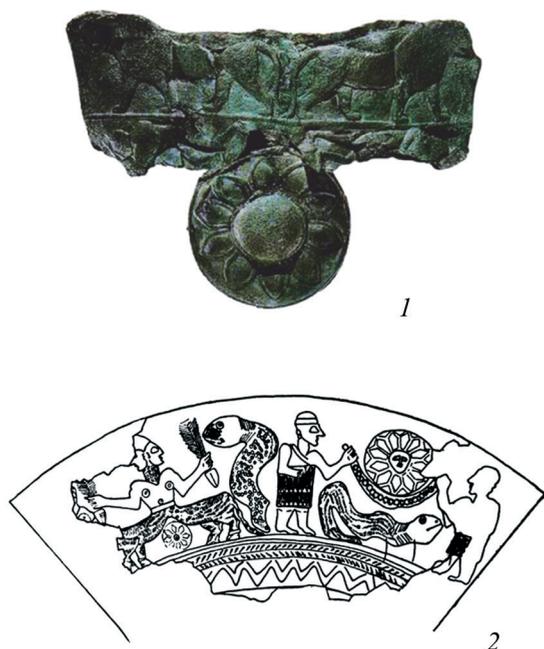

Рис. 3.4. Изображения розеток

1 – бронзовая пластина из погр. 789 Царского некрополя Ура (по: *Hansen*, 1998); 2 – мифологическая сцена на серебряном кубке из Айн Самия, погр. 204а (по: *Yeivin*, 1971)

ленное производство, культура и торговля. Функционируют городские некрополи с выдающимися по богатству и сложности обряда погребениями. Сформировался слой администрации, управлявшей распределением общественного богатства, – т.е. элиты с наследственно закрепленным статусом (*Bertemes*, 2016).

Богатый набор изображений в виде цветов и листьев представлен на головных уборах из Царского некрополя Ура времени РД III. Здесь найдено 60 диадем разных форм, как простых лент, так и сложных конструкций (*Woolley*, 1934. P. 241–246. Pl. 128, 135, 144), часто встречаются золотые и серебряные налобные бляхи (*Woolley*, 1934. Pl. 219). На некоторых из них нанесены гравированные изображения восьмилепестковой розетки/звезды, в частности на бляхах из могил PG 777 и PG 1054 (*Wygnañska*, 2014. P. 107. Fig. 10) (рис. 2.2: 1, 5).

Наиболее выразительный материал по данной теме происходит из хорошо сохранившейся гробницы царицы-жрицы Пуаби

(PG 800) (*Pittman*, 1998. P. 88 ff.). На ее головном уборе на основе из золотых лент закреплено несколько ярусов кольцевидных подвесок, а также подвесок в форме листьев ивы и тополя (рис. 3.3: 1, 5, 6, 9), т. е. деревьев, которые росли в Южной Месопотамии (*Tengberg et al.*, 2008; *Wygnańska*, 2014. P. 110). Над ними помещен веночек из восьмилепестковых золотых цветов-розеток, инкрустированных лазуритом и перламутром, и сердоликовых бусин, подвешенных напоподобие плодов. Венчает эту сложнейшую композицию заколка с широким щитком и семью восьмилепестковыми розетками (рис. 3.3: 8). Головные уборы такого же типа, хотя и несколько более скромные, с тремя цветами на центральной заколке были обнаружены и на костях сопровождающих царицу «дам» в других погребениях, например в царском захоронении PG 1237. Последний изготовлен из серебра (рис. 3.3: 7).

Тема изобилия и плодородия является ведущей в иконографии деталей церемониального костюма. В погребении Пуаби был найден интереснейший комплект таких вещей. В него входило более 1000 мелких лазуритовых бусин и набор золотых подвесок в виде фигурок быков, оленей, овец и антилоп, между ними были размещены золотые растения с плодами из сердолика и золота. Все изображенные животные – стадные травоядные и показаны парами, что подразумевает их плодовитость. Парными являются и подвески, выполненные в форме растений, – гранаты, яблоки, финики, пшеничные колосья (*Pittman*, 1998. P. 92–94; *Tengberg et al.*, 2008) (рис. 3.3: 10). Изображения растений с плодами-бусинами из сердолика точно соответствуют отрывку из Эпоса о Гильгамеше, когда в поисках бессмертия герой попадает в мифическую страну и видит чудесную рощу. «Поспешил он, рощу из камней увидев: / Сердолик плоды приносит, / Гроздьями увешан, на вид приятен / Лазурит растет листвою – / Плодоносит тоже, на вид забавен» (Эпос..., 2006. Табл. IX. V, 47–51).

Описанный набор украшений из гробницы Пуаби структурно очень близок развернутой гравированной композиции на золотой диадеме-ленте из могилы PG 153 (рис. 3.3: 11). На ней представлены ритуальные сцены с участием людей и животных (быков, баранов, козлов, антилоп). Животные движутся двумя процессиями в противоположные стороны по направлению к крупным восьмилепестковым звездообразным розеткам, помещенным на концах ленты, некоторые из них щиплют побеги растений (*Woolley*, 1934. P. 299; *Hansen*, 1998. P. 65–66. Fig. 11). Особенно показательно соединение в одном

образе черт животного и растения: так, рога оленя (в центре композиции) представляют собой ветви с листьями. Диадема выделяется мастерством исполнения, она высоко ценилась и ремонтировалась в древности.

Сочетание образов животного и цветущего растения находим и в знаменитой статуэтке козла, щиплющего побеги куста, из погребения PG 1237 (рис. 3.3: 2). Козел изображен реалистично, тогда как куст, на котором помещены листья и крупные золотые розетки, невозможно отождествить с реальным растением; его роль чисто символическая. Тем большего внимания заслуживает трактовка этой скульптуры Г. Фрэнкфортом, который пишет, что сочетание травоядного животного и растения является распространенным символом божеств плодородия (*Frankfort, 1996. P. 63*). К подобному заключению приходит и Д. Хансен, указывая, что козел изображен в позе копуляции (*Hansen, 1998. P. 62*).

Из царских захоронений Ура происходит также серия сосудов из драгоценных металлов. У некоторых из них на донцах помещен гравированный орнамент в виде восьмилепесткового цветка-розетки (*Авилова, 2023а*) (рис. 1.11: 3–5). Тот же мотив украшает доски для настольной игры, обнаруженные в пяти погребениях Царского некрополя. Розетки на них выполнены в технике инкрустации лазуритом и перламутром (рис. 3.3: 4).

Традиция изображения цветов живет и позже, она широко распространена в ювелирном искусстве Средиземноморья, о чем свидетельствуют находки ожерелий в виде золотых розеток и лилий из микенских царских гробниц второй половины II тыс. до н. э. (см.: *Gold necklaces...* <https://ancientrome.ru/art/artworken/img.htm?id=6194> Дата обращения 4.12.2024).

Приведенные данные наглядно иллюстрируют существование детально разработанного культа плодородия, в котором значительную роль играли образы цветения и плодоношения, и отражают традиционный наряд его высокопоставленных служителей, как женских, так и мужских представителей шумерской элиты. Как видно из контекста находок, тема обновления жизни природы, изобилия плодов, растений и размножения животных была тесно связана с погребальным обрядом, практиковавшимся в отношении элитарных групп общества, верованиями в посмертное существование погребенных в подземном мире (*Авилова, 2022. С. 292–293; 2023а. С. 36–41*). Использование золота как не тускнеющего, не подверженного

коррозии металла наиболее полно соответствует задаче изготовления изделий, выражающих идеи возрождения жизни.

Высокая символическая значимость описанных находок из Урского некрополя несомненна. Важно, что изображения растений, в особенности цветов и плодов, являются частью ритуального женского убора. О древнем, восходящем к неолиту, символическом уподоблении/отождествлении женщины, почвы и растения писал М. Элиаде, подчеркивая связь идеи рождения, смерти и возрождения (*Элиаде*, 2012. С. 69). Смысл описанных выше предметов элитарной культуры и изображений на них был вполне ясен тем, кто видел их функционирующими в живом культурном и ритуальном контексте, пользовался ими и создавал их: эти люди были носителями недоступного нам цельного, образного мифопоэтического мировосприятия. Первобытное мышление строится не на логике, а на сопричастности: «Мифологическое мышление оперирует, как правило, конкретным и персональным, оперирует внешними вторичными и чувственными качествами предметов; объекты сближаются... по смежности в пространстве и во времени. То, что в научном анализе выступает как сходство, в мифологическом объяснении выглядит как тождество» (*Токарев, Мелетинский*, 1980. С. 13).

В середине – второй половине III тыс. до н. э. растительные мотивы в искусстве Двуречья встречаются значительно чаще, чем в предшествующую эпоху позднего Урука, их формы становятся более стандартизованными (восьмилепестковая розетка/звезда), они помещаются на различных категориях изделий, при этом все вещи с изображением розетки относятся к престижным, социально значимым. Рост числа находок указывает на более широкое использование и доступность драгоценных металлов. Ряд древних традиций эпохи позднего Урука продолжает жить в социальном контексте погребальных церемоний, реконструируемых на основе материалов царских захоронений в Уре эпохи РД III (*Baadsgaard, Zettler*, 2014). Сложность погребального одеяния и украшений, служивших знаками принадлежности погребенного к царской семье, богатство инвентаря гробниц, наличие сопровождающей свиты и служителей также было частью демонстрации высокого положения погребенных, их принадлежности к правящей элите.

О популярности и значимости мотива розетки свидетельствует его широкое географическое распространение. В качестве примера можно указать композицию на серебряном кубке из погребения 204а

могильника Айн-Самия в Иудее. Комплекс датируется началом среднебронзового века. Коническая форма сосуда находит параллели в месопотамских материалах, так же как представленные на нем антропоморфные и зооморфные персонажи, а также фантастическое существо вроде кентавра с двумя звериными телами, двумя человеческими лицами и одним человеческим торсом (*Yeivin, 1971*). Важное место в этой мифологической композиции занимает изображение двенадцатилепестковой розетки с человеческой личиной в центре (рис. 3.4: 2). Поразительный факт: при несомненном значительном воздействии месопотамской культуры на анатолийский регион, что выражается в сходстве ряда категорий материальной культуры и явлений в их общественном развитии, мы не находим в Анатолии следов развитого культа растений, по крайней мере, изображений такого рода нет среди богатейшего инвентаря царских некрополей и кладов III тыс. до н. э. Приходится предположить, что особое почитание растений характерно для речных цивилизаций Двуречья и Египта и не получило широкого развития среди населения анатолийских плато.

3. Растительные мотивы в степных культурах Северного Причерноморья. Использование растительных мотивов в декоре символически значимых предметов не ограничено территорией Ближнего Востока. Они изредка встречаются в материалах степных курганных культур Причерноморья и Предкавказья раннего и среднего периодов бронзового века. Головные уборы и украшения степных скотоводов были значительно более скромными, изготавливались в основном из органических и минеральных материалов, в том числе красителей, о чем свидетельствуют необычные варианты окраски черепов в подкурганных захоронениях (*Авилова и др., 2022*).

В Восточном Приазовье и бассейне средней и нижней Кубани в памятниках новотиторовской культуры ранней – начала средней бронзы известны находки черепов со следами краски. Так, в погребении 140 кургана 1 могильника Останний в сопровождающем основном захоронении погребении ребенка 5–6 лет вокруг черепа была зафиксирована полоса яркой охры шириной 12–13 мм в виде стебля с отходящими от него часто расположенными округлыми листьями (рис. 2.6: 5, 5a).

Подобный головной убор находился в могильнике Ериковский I на Нижнем Дону (погребение 4 кургана 4, относится к катакомбной культуре). В богатом захоронении у висков молодого

человека (18–20 лет, пол не определен) найдены две миниатюрные деревянные пуговицы-застежки грибовидной формы, обтянутые серебряной фольгой. Тисненный орнамент на шляпке изображает четырехлепестковую розетку с колечком в центре (рис. 2.6: б). Авторы публикации комплекса упоминают несколько похожих находок из раннекатакомбных захоронений Предкавказья и Подонья, в частности в кургане 4, погребении 3 могильника Красная Заря обнаружена серебряная фольга, в древности покрывавшая подобные предметы. На выпуклой поверхности двух фольговых «блях» был нанесен тисненный орнамент в форме квадратной розетки с колечком в центре (*Ильюков, Яценко, 2013. С. 257*).

Конечно, элитарный характер степных погребений эпохи бронзы выражен далеко не так ярко, как в культурах Месопотамии и Северного Кавказа. Но какая-то часть погребенных выделяется не только разнообразием инвентаря, богатым набором украшений костюма, но и головными уборами с растительными мотивами. Их число невелико, тем не менее они указывают на знакомство степного населения с символическим значением растений, видимо, отчасти близким тому, которое было распространено на Ближнем Востоке.

Следует указать, что существуют и другие археологические материалы, документирующие активные отношения племен Северного Причерноморья с Передней Азией. Связи степей Восточной Европы с Древним Востоком подтверждаются свидетельствами использования ближневосточных и даже более отдаленных египетских весовых систем на территориях, не входивших в зону прямого воздействия ближневосточных и средиземноморских цивилизаций. Это находки из курганных погребений культур III тыс. до н. э. – новотиторовской и ингульской катакомбной – негативы на литейных формах и модели для отливки гирек из погребений литейщиков в Малой Терновке на р. Молочной в Приазовье (*Кубышев, Черняков, 1985*), в Калиновском могильнике в Поволжье (*Шилов, 1966*), в могильнике Лебеди I в Прикубанье, которые указывают на использование мастерами-литейщиками Северного Причерноморья ближневосточных весовых систем. При сравнении гирек с весовыми характеристиками слитков и заготовок ювелирных изделий из комплексов Анатолии было установлено, что большинство анатолийских слитков/заготовок соответствует весовым стандартам Сиро-Месопотамии III–II тыс. до н. э. (*Авилова, Гей, 2016*). Этот факт доказывает, что системы обмена, основанные на использовании металла как эквивалента ценности,

являются признаком ранних цивилизаций ближневосточного типа. Таким образом, отношения между специализированными группами населения, вовлеченными в производство и обмен металлом, служили каналом проникновения элементов ближневосточной цивилизации (в частности весовых стандартов) к пастушеским племенам отдаленной периферии.

Многочисленные находки фаянсовых бусин ближневосточного происхождения в катакомбных погребениях свидетельствуют об их широком распространении в археологических памятниках Кавказа и всей степной зоны Восточной Европы в эпоху средней бронзы (*Кубышев, Черняков, 1985. С. 51. Рис. 9*). Распространялись не только сами предметы, но и сложные технологии металлообработки (*Рындина, Конькова, 1982; см. главу 5*), т. е. речь идет не только об импорте тех или иных вещей, но и о более глубоком взаимодействии на уровне заимствования знаний и технологий.

Заключение

Подведем краткий итог проведенному исследованию этой группы материала. В обширном регионе от Ближнего Востока и Северного Кавказа до степной полосы Северного Причерноморья на археологических материалах конца V – III тыс. до н. э. прослеживаются процессы, связанные с формированием элиты. Их материальными признаками служат ценные и символически значимые предметы, а также определенные изобразительные мотивы.

Категории вещей, которые служили для обозначения высокого общественного статуса их владельцев, указывают, что развитие общества позднего энеолита – бронзового века шло в направлении усложнения, когда половозрастная структура общества уступала место иерархической, о чем свидетельствуют находки ценных изделий, украшенных растительными мотивами, как во взрослых, так и в детских захоронениях.

Растительные мотивы на налобных повязках в погребениях степных курганных культур, несмотря на пока небольшое число зафиксированных случаев, представляют очевидную параллель парадным металлическим головным уборам более развитых обществ Переднего Востока. Внешний вид, костюм, головной убор лидеров должны были демонстрировать и закреплять в сознании общества IV–III тыс. до н. э. высокое положение тех, кто по своему статусу имел право

и возможность ими пользоваться. Престижные вещи и устойчивые мотивы их декора отражают общие черты идеологии и сходные социальные процессы, происходившие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития, – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала такое явление, как подражания и имитации драгоценных предметов в доступных материалах.

Глава 4

ЗООАНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ЭНЕОЛИТЕ – БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Тема символически значимых головных уборов включает специфический аспект, связанный с группой изобразительных материалов с территории Большой Месопотамии, относящихся к эпохе раннего металла. На них помещены фигуры существ смешанной природы, во внешности которых соединяются анатомические признаки животных и людей. Задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться выяснить, какие мифологические представления населения Ближнего Востока и какая историческая реальность и социальный контекст за ними скрывается. Исследование трактовки образа человека и других существ в искусстве позволяет реконструировать и приблизиться к пониманию идеологических установок, действовавших в человеческих коллективах ранних эпох. Для периода доистории и древней истории особую важность имеют произведения изобразительного искусства, поскольку в них отражены архетипические образы и идеи, которые были основой духовной жизни людей отдаленного прошлого.

Изучение сюжетных изображений повторяющихся персонажей выявляет сквозные идеи, уходящие корнями в раннюю первобытность, когда человек еще только начинал осмысливать себя как особое существо, наделенное духовным началом и отделенное от мира животных. Почему те или иные образы становились в различные эпохи ведущими, а другие оказывались за рамками репертуара или вытеснялись на его периферию? Как трансформировался облик и содержание древних образов? Каков социальный контекст этих трансформаций? Обратившись к произведениям глиптики и пластики Ближнего Востока, можно попытаться восстановить картину развития идеологических представлений людей в эпоху энеоли-

та – бронзового века. Археологические находки дают возможность сопоставить набор и характер образов и сюжетов, сравнить их с данными ранних письменных источников.

На изобразительных памятниках Месопотамии и Ирана эпохи энеолита и бронзового века (конец V – III тыс. до н. э.) встречаются фигуры существ двойной природы – с чертами человека и животных. Они представляют собой источник для изучения древних верований (мифологических представлений, отраженных в обрядах). Задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться выяснить, какая историческая реальность и социальный контекст за ними скрываются.

Искусство глиптики достигло в Двуречье высочайшего развития, многие печати – высокохудожественные произведения. Был выработан целый ряд иконографических, художественных и идеологических канонов их оформления. Печати и их оттиски являются важнейшим источником для реконструкции религиозных и мифологических представлений, социальной структуры месопотамского общества. Эти миниатюрные произведения искусства привлекали внимание многих исследователей (*Frankfort*, 1955; *Amiet*, 1961; 1972; 1980; *Caldwell*, 1976; *Aruz*, 1992; *Афанасьева*, 1979; *Антонова*, 1983; 1991б).

1. Материалы. В данном разделе исследуются изображения персонажей смешанной природы – с телом человека и головой/рогами животного. Выразительные ранние находки такого рода происходят из небольшого поселения Тепе Гавра (*Tobler*, 1950). Изображения существ смешанной природы встречаются на печатях-штампах эпохи позднего Убейда – начала Урука (слои XIII–XI, конец V – начало IV тыс. до н. э.), начиная со слоя X их количество заметно снижается (*Tobler*, 1950. P. 175). В целом печати из слоев XIII–XI принадлежат к единой изобразительной традиции (*Aruz*, 1992. P. 16).

Материалы Тепе Гавры наиболее информативны, поскольку они количественно представительны и имеют хронологическую привязку к определенным слоям памятника. На ряде печатей помещены сцены с участием как антропоморфных персонажей, так и существ смешанной природы, в том числе с рогами животного (рис. 4.1: 1–3, 5). Интересующие нас персонажи изображены поодиночке и группами, в различных символически значимых ситуациях. Одиночный персонаж может представлять собой существо с головой или рогами козла в позе бега или танца и в сопровождении козлов. Что касается рогатых антропоморфных образов, следует указать, что самое раннее изображение такого персонажа имеется

Рис. 4.1. Изображения на печатях-штампах из Северной Месопотамии и Западного Ирана (по: *Tobler*, 1950; *Amiet*, 1980)

1–7, 9, 10 – Тепе Гавра, слои XIII–XI; 8, 13 – Тель Асмар; 11, 12 – Тепе Гиян; 14–16 – Сузы II

на находке из того же северомесопотамского региона – чаше из погребения черепов в Телль Арпачии, датированного ранним или средним Халафом. Среди многочисленных сцен росписи на чаше – две человеческие фигурки, склоненные над огромным сосудом, причем у левой имеются небольшие рожки (рис. 1.13: 1), о чем пишет К. Бренике (*Breniquet*, 1992).

На печатях Гавры представлены также антропоиды без выраженных зооморфных признаков. Три такие фигуры держатся за руки, видимо, в хороводном танце (рис. 4.1: 9). Выразителен персонаж в коленипреклоненной позе в сопровождении змей (рис. 4.1: 4), а также изображения двух людей, стоящих по обе стороны огромного сосуда с опущенными в него трубками для питья (*Tobler*, 1950. Pl. CLXII, CLXIII, CLXIV, CLXV) (рис. 4.1: 7). В слое раннеурукского времени антропоморфные существа являются участниками различных обрядовых действий (совокупления, жертвоприношения). Отмечу, что и в позднеубейдских, и в последующих урукских слоях Тепе Гавры преобладают изображения травоядных, хищников и геометрические фигуры.

Печати с изображениями персонажей смешанной природы бытовали также в Западном Иране в позднеубейдских слоях поселений Сузианы, в Сузах (*Amiet*, 1972; 1980) и Луристане (*Contenau, Ghirshman*, 1935). Необходимо привести хронологические параллели между Юго-Западным Ираном и месопотамской хронологической колонкой. Сузы I (Сузы А) синхронны позднему Убейду Тепе Гавры (слои XIII–XI); Сузы II соотносятся с периодом Урука, Сузы III – с периодами Джемдет Наср и РД I и II; Сузы IV синхронны РД III и Аккаду, Сузы V – концу аккадского периода и времени 3-й династии Ура (*Porada et al.*, 1992).

Печати-штампы позднего энеолита, не имеющие четкой стратиграфической привязки, известны и на центральном плато Ирана – в Тепе Гияне. На них представлены персонажи во взаимодействии с животными, схожие со сценами на печатях из Тепе Гавры: здесь изображены существа двойной природы в композициях с козлами, змеями, в сцене копуляции и т. д. (*Contenau, Ghirshman*, 1935. Pl. 35: 5; 38: 24). К сожалению, большинство печатей из Гияна происходят из грабительских раскопок, а в случае находок из исследований Контено указывается только глубина от поверхности памятника (*Caldwell*, 1976. P. 233).

На печатях из Гияна изображается одиночная фигура, которой приданы черты животного, чаще всего это головной убор с рогами

горного козла. Иногда она представлена в сопровождении змей (*Amiet*, 1980. № 149–151). Характерная стилистическая особенность изображений – черты стилизации, сближающие изобразительные мотивы с геометрическим орнаментом: туловище зооантропоморфных фигур состоит из двух соединенных вершинами треугольников (рис. 4.1: 11, 12).

Близость сюжетов и композиций печатей из Гавры и Гияна логично объяснять, во-первых, сходством ландшафтных характеристик памятников: оба они находятся в предгорной зоне. Кроме того, в позднем Убейде и раннем Уруке между этими поселениями существовали тесные связи, поскольку они были важными пунктами в системе обмена лазуритом и обсидианом (*Herrmann*, 1968; *Caldwell*, 1976. P. 238–240). Об оживленном обмене свидетельствуют и находки привозных материалов в слоях XIII–XI Гавры, в частности медные и золотые изделия (*Tobler*, 1950. P. 192, 193, 211; *Rothman*, 2002. P. 81). Ключевую роль Гияна в обмене на дальние расстояния определяло его положение, позволявшее контролировать доставку лазурита из Бадахшана не только в Северную Месопотамию, но и в Сузы, и города Южной Месопотамии (*Caldwell*, 1976. P. 234). В период Джемдет Наср контроль над торговыми путями перешел от Верхней Месопотамии к Сузам и городским центрам Юга Месопотамии (*Majidzadeh*, 1982). О роли Юго-Западного Ирана как моста между аллювиальной долиной Месопотамии и горными районами Ирана пишет Г. Райт (*Wright*, 2013. P. 51). Все это дает основания рассматривать материалы из этих двух регионов в едином ключе – с точки зрения процесса сложения раннегосударственных образований на широкой территории и связанных с этим идеологических принципов обоснования неравенства и власти (*Hole*, 1983).

В Сузах I обнаружены многочисленные печати-штампы и их отпечатки (*Amiet*, 1972; *Hole*, 2010), всего насчитывается около 260 экз. (*Matthews, Nashli*, 2022. P. 153). Ко времени финального Убейда и раннего Урука (Сузы I и II, 3500–3300 до н. э.) относятся печати с изображениями персонажа с головой (или в маске) козла с длинными рогами и узкой длинной бородой, представленного, в отличие от Гавры, в одежде – колоколовидной узорчатой юбке (рис. 4.1: 14, 16). В синхронном некрополе Суз I находок печатей нет.

Сузы были важнейшим административным и религиозным центром, расположенным на границе Нижней Месопотамии и предгорий Загроса, что определяло синкретический характер культуры

города, сосуществование равнинных и горных элементов. Монумен- тальная ступенчатая платформа из сырца (*haute terrasse*) площадью 5,5 га возвышалась на 20 м над долиной. Предполагается, что на ней мог находиться храм (*Hole*, 1983. Р. 315). Поблизости был распо- ложен одновременный некрополь, где в ряде погребений обнаружен богатый инвентарь (*Mecquenem*, 1943). Строительство столь мону- ментального сооружения, несомненно, требовало организованного труда многочисленных работников и централизованного руковод- ства со стороны властных структур. Интересная деталь: фасады плат- формы в верхней части были декорированы глиняными моделями козлиных рогов (*Canal*, 1978). Мотив горного козла с огромными ро- гами популярен и в росписи на керамике из Суз I и Тепе Гиссара IC (3500–3000 до н. э.).

2. Символика персонажей двойной природы. Как видим, на печатях и их оттисках представлены сцены сложных и многозначных культовых действий. В них участвуют антропоморфные существа вы- сокого статуса, в ряде случаев их можно рассматривать как изобра- жения божеств или жрецов в обрядовой одежде. Костюм включает головной убор в виде головы дикого козла с массивными рогами или хищной птицы с загнутым клювом (*Hole*, 2010. Р. 237).

Зооантропоморфный персонаж известен в литературе как «хо- зяин животных». На его тесную связь с миром животных указывают как черты внешнего облика (рога, чаще всего козлиные), так и сосед- ство с животными, причем его поза и место в композиции отражают отношения власти и покровительства. П. Амье считал, что этот пер- сонаж является древнейшим среди мифологических фигур восточ- ного репертуара, предшественником героев и антропоморфных бо- жеств на раннединастических и аккадских цилиндрических печатях (*Amiet*, 1966. Р. 32, 49).

Изображения пар животных и людей, танцующего персонажа в окружении животных на печатях Гавры, Гияна и Суз передают си- туацию обрядового действия. Нередко зооантропоморфные существа на печатях из Гияна и Суз держат в руках змей, иногда – кошачьих хищников (львов?) (рис. 4.1: 8, 12–14, 16). Это свидетельствует, что изображенные существа наделялись превосходящими человеческие возможности способностями и властью над опасными животными, вне зависимости от того, чем эта власть определялась, – сверхчело- веческой природой персонажа, его особыми (например, шамански- ми) качествами или божественным происхождением в сочетании

с высоким социальным статусом. Неслучайно ряд исследователей считают фигуры с подчеркнуто удлинённой головой на печатях Гавры изображением человека в маске, исполнителя шаманских обрядов (Rothman, 2009). Такая трактовка предлагается и в отношении изображений на печатях из Суз I (Matthews, Nashli, 2022. P. 164). К персонажам печатей Гавры, Гияна, Суз I, Тель Асмара Ф. Хоул применяется термин *namani* (шаман). Он пишет, что изображения антропоморфов в специфических позах – свидетельство того, что это существа, наделённые способностью общения со сверхприродными силами, что проявляется в их власти над змеями и другими животными, отсюда и название «хозяин животных» (Hole, 2010. P. 234, 236–237). Отмечается, что в композициях с козами животные изображаются парно, что подчеркивает связь сюжетов с обрядами, направленными на размножение скота (Антонова, 1991б).

Оттиски несут информацию не только о религиозных верованиях и обрядах, но и о системе хранения продуктов и административном управлении этой системой. Отпечатки на реверсах глиняных булл указывают, что ими опечатывали горловины сосудов, корзины и др. контейнеры, предварительно закрытые тканью, и деревянные колышки дверных запоров (Aruz, 1992; Laurito, Lemorini, 2008). Мы не можем определить, какие именно продукты запечатывали глиняными буллами в Сузах I, но аналогии, относящиеся к IV и III тыс. до н. э., например из Арслантепе (Frangipane, 2016; 2019), позволяют предполагать, что это была сельскохозяйственная продукция и, возможно, особо ценные товары или сырьё.

В развитых городских обществах позднего Урука печати были знаком контроля над содержимым помещений, сосудов, сохранностью дверных запоров и т. д. Это маркировало ряд взаимосвязанных изменений в хозяйстве и общественной жизни: прогресс в разделении труда, формирование специализированного ремесла, интенсификацию обмена, а также оформление в обществе администрации – группы лиц, основным занятием которой стало управление жизнью общины. Статус таких лиц был высок и требовал визуального обозначения, в частности на символах власти, каковыми служили печати.

Начиная с конца IV тыс. до н. э. в Нижней Месопотамии среди изображений на цилиндрических печатях и рельефах встречается чисто антропоморфный персонаж – общественный лидер, названный П. Амье в соответствии со сферой его деятельности «царем-

жрецом» (*Amiet*, 1972. Р. 34–38). Он постоянно фигурирует в глиптике додинастического времени (Урука – Джемдет Насра) (*Антонова*, 1991а; 1998б; *Авилова*, 2023б; *Braun-Holzinger*, 2007; 2013) и четко идентифицируется по характерным деталям прически, головного убора и костюма (прическа/парик с рельефным валиком вокруг головы и узлом волос на затылке, длинная узорчатая юбка) (*Schmandt-Besserat*, 1993. Р. 201, 211; *Авилова*, 2022. С. 287). Ряд изобразительных памятников свидетельствует о его основных общественных функциях. Так, лидер представлял общину перед лицом божества, действуя в качестве рачительного хозяина, строителя храмов, мужественного воина. Е. В. Антонова подчеркивает, что правитель месопотамского города-государства эпохи позднего Урука был обязан контролировать сбор сельскохозяйственных продуктов для поддержания культа богов и строительства храмов, нес ответственность за функционирование ирригационных систем, изобилие сельскохозяйственной продукции и накопление ресурсов для обмена, обеспечивая, таким образом, существование и процветание общины (*Антонова*, 1998а. С. 142 сл.). Изображения персонажа с колосом или цветущими ветвями в руках, «кормильца стад» божества (рис. 2.4: 7–9), отправителя обряда «священного брака» со жрицей, исполнявшей роль богини – покровительницы города (рис. 3.1: 12), передают характер общественных религиозных церемоний. В них прокламировалась идея значимости элиты и ее ритуальной деятельности, направленной на сохранение стабильности всего мироздания, благополучия общины и стимулирование производства (*Antonova*, 1992; *Авилова*, 2023а).

Подчеркну, что «царь-жрец» додинастической эпохи не имеет зооморфных черт, которыми был наделен его предшественник, – прежде всего рогов. При этом его отношения с миром животных остаются весьма тесными. На печатях он изображен протягивающим травоядным животным колосья или цветущие растения, совершает жертвоприношения у храма (в частности, подносит сосуд, выполненный в виде козла, приносит убитого кошачьего хищника) (рис. 2.4: 1, 4). Такие изображения П. Амье рассматривал как свидетельства развития религии и культа, в котором правитель унаследовал черты архаического гения, «хозяина животных». В древности он был охотничьим божеством, защитником диких зверей, а в условиях городской цивилизации стал покровителем стад домашнего скота. П. Амье пишет, что под влиянием изображений реального правителя формировался антропоморфный образ месопотамских божеств.

1

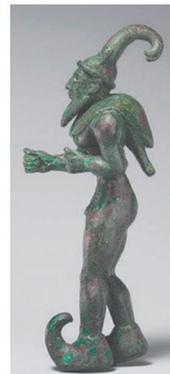
2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

Их предшественником был присутствующий на печатях зооантропоморфный демон, *genius loci*, покровитель животных. В III тыс. до н. э. месопотамские божества изображались антропоморфными, а черты животных были принадлежностью второстепенных мифологических и демонических существ (Porada, 1965. P. 33).

В раннединастическую эпоху (3000–2350 до н. э.) в обширном репертуаре образов искусства Большой Месопотамии происходят значительные изменения. Прежде всего это возвращение персонажей смешанной природы. Зооантропоморфные изображения часто встречаются на цилиндрических печатях и других изобразительных материалах на протяжении всего III тыс. до н. э. (т. е. эпох РД и Аккада, 3-й династии Ура) и позже, во II тыс. до н. э., в Касситском и Древневавилонском периодах (Frankfort, 1955; Braun-Holzinger, 2013).

3. Репертуар зооантропоморфных существ. Изображения существ двойной природы можно разделить на группы в зависимости от наличия, способа и степени выраженности зооморфных элементов.

Человеко-бык. Его образ чрезвычайно популярен в месопотамской глиптике. Он представляет собой существо с человеческой головой и торсом, бычьими рогами, задними ногами и хвостом. У него может быть голова и ноги быка, но при этом человеческие руки. Такие зооантропоморфные существа изображались поодиночке и парами, часто они показаны как участники сцен борьбы с животными, стоящими на задних ногах. На печатях эпохи РД человеко-бык чаще всего представлен в сценах борьбы со львами и быками (рис. 4.2: 2, 3, 6).

Рис. 4.2. Изображения существ смешанной природы на цилиндрических печатях и в произведениях пластики III тыс. до н. э. (по: Amiet, 1961; Postgate, 1994; Art of the first cities, 2003; Benzel et al., 2010)

1 – сцена жертвоприношения у храма на печати РД III; 2, 3, 6 – сцены борьбы с участием существ смешанной природы и антропоморфного героя на печатях РД; 4 – Ур, мозаика на резонаторе Большой лиры из погр. 789 Царского некрополя, РД ША, перламутр; 5 – Элам (?), бронзовая статуэтка нач. III тыс. до н. э.; 7 – человеко-бык, бронзовая голова из некрополя Ура; 8 – Шамаш во вратах восточных гор, цилиндрическая печать аккадского времени; 9 – битва божеств, цилиндрическая печать аккадского времени; 10 – Шамаш и божество-лодка, цилиндрическая печать аккадского времени, Телль Асмар; 11 – Эбла, статуэтка из дворца G, вторая половина III тыс. до н. э., золото, хлорит; 12 – человеко-бык, статуэтка кон. III тыс. до н. э., камень, инкрустация перламутром; 13 – печать аккадского времени с изображениями антропоморфных героев

Данный персонаж часто изображался и в пластике (рис. 4.2: 11, 12). Выразительна случайная находка раннединастического времени (РД III?) из Царского некрополя Ура (рис. 4.2: 7): бронзовая голова имеет, несомненно, человеческую форму, при этом увенчана большими бычьими рогами, как бы вырастающими из черепа, головной убор отсутствует (Woolley, 1934. Pl. 121a–b; Braun-Holzinger, 1984. S. 32, № 89). Укажу также на две парные бронзовые статуэтки начала III тыс. до н. э. с территории Элама, изображающие человекоподобное существо в головном уборе с огромными рогами горного козла и накидкой на плечах в виде хищной птицы (Benzel et al., 2010. P. 55) (рис. 4.2: 5).

В композициях на печатях с человеко-быком часто соседствует чисто антропоморфный «герой». Он участвует в схватке с животными, но может также играть роль их защитника. Характерные черты его внешности – широкий пояс и прическа в виде локонов (рис. 4.2: 2, 3, 6, 13). Сюжеты с участием человеко-быка и антропоморфного «героя» появляются в РД и широко распространяются в глиптике аккадского периода (2350–2100 до н. э.). Два героя представлены на печати аккадского времени. Они держат фонтанирующие высокогорлые сосуды, из которых пьют буйволы, а вода изливается в текущую между горами реку (рис. 4.2: 13). Вся сцена изображает изобилие, подателями которого являются мифологические существа. В середине симметричной композиции – рамка с надписью, в которой названо имя царя Шалкаришарри и его писца по имени Ибнишаррум, которому принадлежала печать, – настоящий шедевр искусства глиптики. Один из ранних (РД IIIA) примеров изображения «героя» – сцена на резонаторе так называемой Большой лиры из царского погребения 789 в некрополе Ура (Art of the first cities, 2003. № 58). На мозаичном перламутровом панно обнаженный герой представлен в геральдической композиции между двумя человеко-быками, стоящими на задних ногах. Герой имеет человеческую внешность: у него борода в четыре пряди, прическа из трех пар симметрично расположенных локонов, широкий пояс означает, что он носит одежду. Быкам же приданы некоторые человеческие черты. Крайне интересно, что у героя и у быков подчеркнута схожие человеческие лица, бороды и близко поставленные широко раскрытые глаза (рис. 4.2: 4). Это внешнее сходство отражает тесную взаимосвязь образов, причем герой доминирует над могучими животными. Учитывая контекст находки, можно полагать, что композиция подчеркивает сверхприрод-

ную силу и высокий статус погребенного, представленного в виде «героя».

Чтобы отчасти приблизиться к пониманию сущности этих персонажей, вспомним героя Энкиду. О значимости его образа свидетельствует то, что именно с повествования о его разрыве с миром животных и явлении в мире людей начинается Эпос о Гильгамеше. Энкиду как покровитель диких животных находится в тесном взаимодействии с ними. В его облике присутствуют внешние черты животных (его тело покрыто шерстью, он питается травой), но рога не упоминаются. При этом Энкиду носит одежду (напомню о широком поясе – принадлежности «героя», изображаемого на печатях и панно) (рис. 4.2: 2–4).

Аруру...
Слепила Энкиду, создала героя.
Порожденье полуночи, воин Нинурты,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос, как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Со скотом водой веселит свое сердце.
(Эпос... 2006. Табл. I, II, 34–41).

Далее следует описание Энкиду охотником, который рисует не внешний облик героя, а характеризует его как покровителя и защитника диких животных:

Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы – он их засыплет,
Я поставлю ловушки – он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, –
Он мне не дает в степи трудиться!
(Эпос... 2006. Табл. I, III, 8–12).

Характерна третья большая группа образов. У них отсутствует реалистический признак принадлежности к миру животных – рога, вместо них представлена так называемая «рогатая корона» – специфический головной убор в виде конической тиары с симметрично

расположенными друг над другом парами рогов, от одной до пяти пар. Такая корона стала главным отличительным признаком персонажей сверхъестественной/божественной природы. Изображения богов в рогатом головном уборе появляются на печатях относительно поздно, систематически – в РД III, но в основном уже в аккадское время. Рогатая корона присутствует на изображениях как главных богов шумерского пантеона, так и сопутствующих им божеств более низкого ранга. Таков сюжет с Шамашем, прокладывающим себе путь через горы в сопровождении служебных персонажей, где в рогатых коронах изображено и главное божество, и сопровождающие персонажи (рис. 4.2: 8). В сцене путешествия Шамаша в божественной ладье рогатой короной наделен и Шамаш, и антропид, который представляет собой нос лодки (так наз. бог-лодка) (рис. 4.2: 10). Характерен сюжет аккадского времени – массовая битва богов, каждый из которых имеет рогатую корону (рис. 4.2: 9). Рогатый головной убор обозначал не ранг божества, а указывал на его сверхъестественную природу (*Braun-Holzinger*, 2013. S. 147; *Ornan*, 2014. P. 570). Рогатая корона или пара рогов становятся главным признаком божеств или «героев» раннединастического и аккадского времени. Ее можно трактовать как пример возрождения древней (позднеубейдской) культурной традиции изображения мифологизированного персонажа с зооморфными чертами и ее адаптации к социальному контексту раннегосударственной эпохи (РД III, Аккада и 3-й династии Ура), требовавшему изображения общественного лидера. Так тенденции, развивавшиеся в эпоху Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.), получают свое завершение во второй половине III тыс. до н. э.

Эволюцию канонов изображения божества/правителя с чертами рогатого животного можно проследить на рельефах. Один из самых ранних – палетка Нармера из Египетского музея в Каире (ок. 3200–3000 до н. э.) – посвящен победе Верхнего Египта над Нижним. Она увенчана изображениями двух стилизованных человеческих лиц с коровьими ушами и рогами (считается, что они изображают двух богинь – Хатхор и Бат). Отмечу, что сама палетка общими чертами напоминает голову коровы. Фараон представлен на ней четырежды (!) в разном облике: на реверсе – крупно в антропоморфном виде с булавой в руке и в виде сокола; на аверсе – в верхнем регистре в небольшом масштабе и внизу, где он изображен метафорически, – в виде быка, который разрушает рогами стену вражеско-

го города (рис. 4.3: 2) (*Orthmann, 1975*). Таким образом, на каждой стороне палетки фараон представлен как в антропоморфном, так и в зооморфном облике.

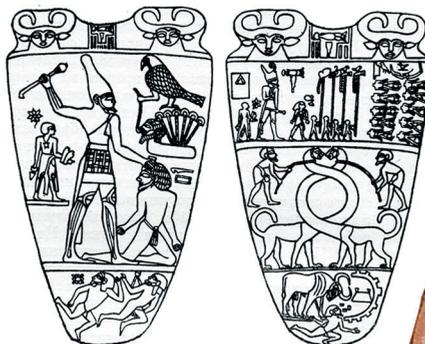
Существенно, что на египетской палетке антропоморфные и зооморфные черты правителя не совмещены в одном персонаже смешанной природы, как на печатях Гавры и Гияна; антропоморфные и зооморфные изображения дублируют одно другое на одном идеологически значимом предмете, предназначенном для мифологического обоснования власти фараона над Верхним и Нижним Египтом. Неслучайно на одной стороне он изображен в короне Верхнего Египта, а на другой – Нижнего.

Иначе трактована военная победа аккадского войска над лулубеями на стеле Нарамсина (23 в. до н. э.), найденной в Сузах (хранится в Лувре) (рис. 4.3: 3). Правитель изображен в сцене триумфа. Он имеет антропоморфный облик, а его головной убор представляет собой коническую тиару с парой отходящих в стороны изогнутых бычьих рогов (*Orthmann, 1975. Abb. 104*). На стеле присутствуют божеества – небесные покровители царя, помещенные вверху в виде двух звездообразных символов (*Ornan, 2014. P. 573*). И. М. Дьяконов пишет: «Искусство второй половины III тыс. до н. э. (Аккадской империи) более всего характеризуется центральной идеей обожествляемого царя» (*История Древнего мира, 1989*).

Чрезвычайно близкую композицию находим на рельефе Анубанини (Иран, провинция Керманшах), одновременном стеле Нарамсина. Царь лулубеев изображен попирающим пленника. Его приветствует богиня Инанна, представленная в рогатой короне, тогда как головной убор царя – полусферическая шапка с широким околышем (так наз. пастушья шапка) (рис. 4.3: 4), без зооморфных деталей. На диоритовой голове правителя Лагаша Гудеа (22 в. до н. э.) тоже имеется такая шапка, ее околыш детально проработан, изображены спиралевидные завитки меха (рис. 4.3: 6). Точно так же распределены головные уборы персонажей на стеле Ур-Намму (22–21 вв. до н. э., Университетский музей Пенсильвании), где этот царь 3-й династии Ура изображен в сцене инвеституры: он предстоит богу Нанне, который вручает ему царские регалии (*Legrain, 1944b*) (рис. 4.3: 5); и на стеле Хаммурапи (18 в. до н. э., Лувр), где древневавилонский царь-законодатель получает регалии от бога солнца и справедливости Шамаша. На всех перечисленных памятниках конца III – начала II тыс. до н. э. божеества изображены в рогатых коронах, которые

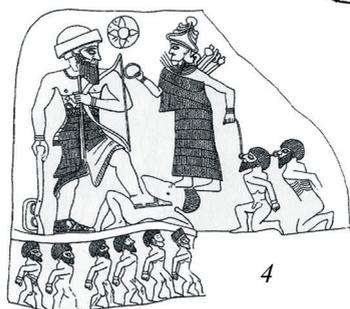
1

2

3

4

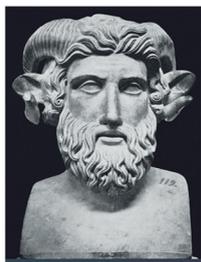
5

6

7

8

9

10

маркируют их божественную природу, а реальные цари Анубанини, Ур-Намму, Гудеа, Хаммурапи – в полусферических пастушьих шапках с широким меховым околышем.

Таким образом, в конце III тыс. до н. э. имеется целый ряд рельефов, где реальный царь трактован как обожествленный персонаж, чья власть санкционирована богом-покровителем. При этом идея обожествления правителя может выражаться по-разному: либо через зооморфные детали его головного убора (Нарамсин), либо композиционно – в сценах инвеституры/предстояния божеству. В последнем случае царь имеет чисто антропоморфный облик, а обоснованием божественного происхождения его власти и царского достоинства является факт покровительства божества, в чьем облике подчеркнута зооморфная символика (рогатая корона), тогда как головной убор правителя (Анубанини, Ур-Намму, Хаммурапи) таких символов не несет.

4. Взаимоотношения человека с миром животных. На изобразительных материалах можно также проследить изменение модели взаимоотношения человека с миром животных. Наиболее ранние образы на печатях Тепе Гавры, Суз и Гияна рисуют картину единства, когда человек органично включен в жизнь животного мира, прежде всего как исполнитель обрядовых действий, что характерно для мировоззрения шаманистов. Сцены на наиболее ранних печатях как бы воскрешают представления древнего целостного общества, подобного обществу доисторических охотников. Следует отметить особенность глиптики Ирана и Двуречья конца IV – начала III тыс. до н. э. – отсутствие изображений богов и фантастических существ. В ранней первобытности практически неизвестны изображения персонажей, которые можно было бы назвать

Рис. 4.3. Длительная традиция изображения существ смешанной природы

1 – «колдун» из пещеры Трех братьев, верхний палеолит; 2 – палетка Нармера, конец IV тыс. до н. э.; 3 – стела Нарамсина, 23 в. до н. э.; 4 – рельеф Анубанини, 23 в. до н. э.; 5 – стела Ур-Намму, 22–21 вв. до н. э.; 6 – голова правителя Лагаша Гудеа, 22 в. до н. э.; 7 – шеду из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине, кон. 8 в. до н. э.; 8 – Зевс-Амон, Неаполь, Национальный археологический музей; 9 – Моисей, скульптура Микеланджело, нач. 16 в., Ватикан; 10 – шлем Скандербера, конец 16 в. (по: https://dzen.ru/a/ZOW9YK9yTwkCiIT_?ysclid=m7ypulrdgfb11450331, дата обращения 24.12.2024)

фантастическими (т. е. такими, в которых совмещаются части тел разных животных). Даже «колдун» из верхнепалеолитической пещеры Трех братьев не является фантастическим существом, поскольку он имеет явные признаки человека, облаченного в обрядовый костюм (рис. 4.3: 1). Нельзя забывать, что для представителей традиционного общества человек в ритуальном костюме (одной из деталей которого была маска/рога козла – рис. 4.1: 14–16) переставал быть человеком, он становился существом иной природы – духом, демоном; люди высокого общественного статуса надевались особыми свойствами (в средневековой Франции король мог возложением рук исцелять от золотухи).

В другой модели статус человека и животного принципиально различен: человек главенствует, является хозяином стада домашних животных, их кормильцем, тогда как животные выступают как объект хозяйственной деятельности и обрядов жертвоприношения, исполняемых царем-жрецом (рис. 2.4: 1, 4, 7–9). Эти черты соответствуют уровню развития экономики городских общин позднего Урука – Джемдет Насра и системе взглядов додинастического времени.

Наконец, третья модель взаимоотношений зоантропоморфов и чисто антропоморфных героев с животными – борьба, агрессия, рукопашная схватка, в том числе с применением оружия. Божества разных рангов четко отделены от мира людей характерным признаком своей божественной сущности – «рогатой короной».

Таким образом, «рогатая корона» или пара рогов стали главным отличительным признаком божеств, обожествленных правителей и мифологических «героев» РД III и Аккада, тогда как головной убор царей периода 3-й династии Ура (пастушья шапка) зооморфных элементов не имеет. Это пример возрождения позднеубейдской традиции изображения значимого мифологического персонажа и ее адаптации к социальному и культурному контексту иных эпох. Мы сталкиваемся и с гораздо более поздними, широко распространенными на Ближнем Востоке статуями крылатых человеко-быков и человеко-львов в рогатых тиарах – шеду, которые были духами-охранителями дверей во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине (8 в. до н. э. – рис. 4.3: 7). Рога сохраняются в синкретическом образе эллинистического Зевса-Амона (рис. 4.3: 8) и мифологизированной фигуре Александра Македонского – Искандера Зулькарнайна восточных легенд. Шлем Скандербега (Искандер-бея) – героя албанского народа, борца против турецкого ига – увенчан рогатой головой

горного козла, выполненной из золота (рис. 4.3: 10). Характерно, что по окружности шлем украшен рельефными шестилепестковыми розетками: и здесь, как в глубокой древности, на одном значимом изделе соединяются зооморфные и растительные мотивы.

В Ветхом Завете рога почти всегда являются положительным символом. И поскольку этот символ использует Сам Бог, лишь наиболее высокие личности удостоиваются этого символа. Образ библейского пророка Моисея, наделенного зримым символом духовного лидерства в виде рогов, встречается в искусстве Средневековья, особенно ярко он воплощен в скульптуре Микеланджело начала XVI в. (рис. 4.3: 9). Рогам Бог наделяет праотца Иосифа: «Благословение Явившегося в терновом кусте да приидет на главу Иосифа и на темя наилучшего из братьев своих; крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими изободет он народы все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Манассиины» (Втор. 33, 16,17).

Итак, в развитии темы символики изображений существ смешанной природы прослеживается определенная динамика. Среди наиболее ранних зооантропоморфов – персонажи с телом человека и головой/рогами козла, представленные в окружении животных в ситуациях обрядового действия на печатях-штампах эпохи позднего Убейда из Тепе Гавры, Тепе Гияна и Суз I. Позже в урукской глиптике роль покровителя животных играет чисто антропоморфный персонаж («царь-жрец»), определяемый по характерным деталям прически и костюма, при этом признаки принадлежности к миру животных – рога – у него отсутствуют. Затем в III тыс. до н. э. происходит возрождение древней культурной традиции использования зооморфных деталей: появляется «рогатая корона»/рога, которые стали главным отличительным признаком божеств раннединастического и аккадского времени.

Так, будучи однажды выработана в глубокой древности, традиция присваивать носителям духовной власти зооморфные элементы внешности получает чрезвычайно долгую жизнь и наполняется в разные исторические эпохи новыми оттенками смыслов.

Заключение

Печати и другие изобразительные памятники позволяют судить о характере общественного и культурного развития в Иране и Месопотамии на протяжении длительного времени.

Археологические материалы демонстрируют устойчивую связь культовых комплексов с административной системой хранения и распределения общественного продукта (сбор приношений для божества, которому был посвящен храм, и десятины для содержания жрецов). Ф. Хоул предложил в связи с этим термин «институционализация религии», точно отражающий содержание данного процесса (Hole, 1983. P. 315).

Было ли общество Гавры и Суз эгалитарным, или им руководили могущественные лидеры? Очевидно, что такие лидеры могли консолидировать значительные группы работников для масштабных общественных работ, о чем свидетельствует строительство погребального комплекса и верхней террасы Суз I, храмового комплекса в Гавре XIII. Для сооружения каждого требовались тысячи человеко-часов труда, что подразумевает наличие единоличного лидера-организатора (Matthews, Nashli, 2022. P. 153). В позднем энеолите Ирана развитие происходит динамично: если площадь поселения Суз I ок. 5 га, то Суз II – 25 га, на Акрополе возводятся монументальные здания, в административной системе применяются печати, глиняные буллы, числовые записи, что характеризует общество раннегосударственного уровня, находящееся на пороге использования письменности. Иконография изображений отражает высокий статус мужских персонажей (божеств) – участников военных действий и строительной деятельности. Эти явления указывают на формирование централизованной власти, осуществляемой элитой. Ее стремление контролировать доступ к ресурсам ускорило развитие сложных общественных структур в Иране. Подобные явления имели место и в Южной Месопотамии в период Урука (Matthews, Nashli, 2022. P. 157–158).

Приведенные выше изобразительные материалы позднеубейдского времени свидетельствуют, что организующую роль в обществе играли культ и религия. Ф. Хоул пишет об обществах, состоявших из неких «полуавтономных модулей», которые могли объединяться в определенные моменты в общих интересах, а в другое время действовать самостоятельно и ситуативно (Hole, 1983. P. 325). Он полагает, что общество Суз I (а также Гавры XIII–XII – Л. А.), вероятно, возглавлялось родоплеменными лидерами линиджей или кланов, которые, наряду с организацией хозяйственной деятельности, могли также руководить культовыми действиями при совершении определенных общественно значимых обрядов.

Потребность в изображении общественного лидера в виде существа смешанной природы возникла в связи с выделением в раннегосударственном обществе носителей функции управления, наделенных также сакральными функциями. Появление таких образов на знаках контроля, каковыми были печати, обусловлено формированием института царской власти.

Глава 5

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПОКРЫТИЯ НА БРОНЗОВЫХ АРТЕФАКТАХ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ

В археологическом материале фиксируется специфическая черта древнего металлопроизводства – применение на бронзовых изделиях покрытий из других металлов. В данном разделе внимание автора сосредоточено на использовании поверхностных покрытий из различных металлов, в том числе драгоценных, на бронзовых изделиях. Представлен обзор таких находок с территории Юга Европейской России и Ближнего Востока, относящихся к бронзовому веку (IV–III тыс. до н. э.). Их общая черта – покрытия, выполненные из серебра, золота, мышьяка и олова. Попытаемся проследить динамику распространения покрытий разных типов, обнаруженных на находках из Циркумпонтийской историко-культурной зоны. Рассматриваемые изделия с документированными покрытиями происходят с территории Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Анатолии. С целью анализа и выявления специфики материала находки сгруппированы по типам покрытий (технологии их нанесения) и функциональным категориям находок с учетом их территориально-хронологической принадлежности.

При описании технических приемов создания покрытий используются термины, применяемые в материаловедении (*Лахтин, Леонтьева*, 1990). Ниже приводятся некоторые термины и поясняется их содержание.

Покрытие – создание на объекте поверхностного слоя из другого материала. Целью нанесения покрытия является улучшение поверхностных свойств основного материала, таких как внешний вид, стойкость к коррозии. Покрытия могут наноситься в жидкой, газообразной или твердой фазах, но в результате они составляют одно целое

с основным материалом. Покрытие обычно наносится на рабочую часть изделия, реже – на всю поверхность. Покрытия могут быть листовыми, создаваемыми из тонких пластин металла (фольги) (плакирование, plating), или выполняться в ходе термически регулируемых процессов, в частности ликвации, лужения (coating).

Инкрустация. Термин включает ряд техник, используемых в скульптуре и декоративно-прикладном искусстве, применяемых для вставки фрагментов из контрастных, обычно отличающихся по цвету от фона, материалов в углубления основного объекта для создания орнамента или рисунка. Поверхность инкрустации, как правило, находится на одном уровне с матрицей.

Ликвация – процесс разделения веществ в растворе или расплаве в химии, геохимии и металлургии. В металлургии также – сегрегация (inverse segregation), неоднородность химического состава, возникающая при кристаллизации металла.

Лужение – нанесение тонкого слоя расплавленного оловянного припоя на поверхность металлических изделий, в результате поверхность приобретает характерный серебристый цвет.

В ряде публикаций по историко-металлургической тематике можно встретить обзоры музейных экспонатов разного времени, в которых характеризуются основные методы, использовавшиеся в древности для золочения или серебрения изделий из других, менее ценных металлов. Так, А. Одди указывает на ранние случаи применения золотой фольги для покрытия декоративных гвоздей из храма в Тель Бракке (начало III тыс. до н. э.) и на бляхе из Ура (середина III тыс. до н. э.). В обоих случаях фольгу прикрепляли к основе из другого металла механическим способом. Во II тыс. до н. э. были изобретены методы рафинирования золота, что позволяло делать тонкую золотую фольгу, превращая ее в сусальное золото, которое фиксировали на металлической основе с помощью клея или путем нагрева (Oddy, 1993).

Высокое мастерство древних ювелиров позднеурукского времени (рубеж IV и III тыс. до н. э.) в использовании листового металла демонстрирует фигурка козла из Урука, изготовленная в характерной для Шумера технологии применения основы из битума, на которую крепились накладки из листового золота (Moorey, 1994. P. 222).

В развернутой статье А. Джиумлиа-Маир представлен обзор методов, применявшихся в древности и в более поздние эпохи в разных

регионах и в разное время для декорирования металлов путем нанесения покрытий или обработки поверхности. Автор отмечает, что часто цель древнего мастера заключалась в изменении внешнего вида металлов и сплавов, с тем чтобы создать впечатление, что предмет изготовлен из материалов более высокого качества и более ценных, чем в действительности. В ряде случаев такая обработка давала возможность получить особые декоративные эффекты и необычные цвета. В ее статье рассматриваются манипуляции с золотом и серебром, различные методы создания покрытий, инструментарий, проблема истощения запасов золота и серебра, а также виды искусственного патинирования различных сплавов на основе меди, при этом привлекаются данные древних текстов (*Giumlia-Mair*, 2020).

1. Материалы. Обратимся к конкретным материалам эпохи бронзы. Производство металла в IV – начале III тыс. до н. э. характеризуется доминированием мышьяковой бронзы: именно она была основным искусственным сплавом на обширной территории Евразии, прежде всего в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) эпохи ранней – средней бронзы. Концентрация мышьяка в сплаве определяет цвет бронз (от красного до золотистого и серебристо-серого). На ряде изделий, отлитых из бронзы с содержанием мышьяка 4–6%, могут наблюдаться серебристые покрытия, полученные с помощью определенных технологических приемов (*Рындина*, 2002). Впервые на серебристые покрытия на бронзовых статуэтках быков из царского некрополя конца III тыс. до н. э. Хорозтепе (Центральная Анатолия) обратил внимание С. Смит (*Smith*, 1973. Р. 96. Fig. 1). В литературе высказывались различные взгляды по поводу происхождения серебристого слоя на поверхности древних бронз (см.: *Northover*, 1998. Р. 115). Ряд исследователей в 1970-е гг. полагали, что в Анатолии изделия с имитацией серебряной поверхности, скорее всего, получали методом обратной ликвации (*Eaton, McKerrel*, 1976. Р. 175–177). О мышьяковых покрытиях на изделиях из могильника Аладжахююк писал П. де Джисус, как о целенаправленной имитации серебра (*Jesus de*, 1980. Р. 184).

Для понимания процесса получения специфических серебристых покрытий решающую роль играют результаты аналитических исследований. В ряде отечественных публикаций, основанных на применении современной аналитической методики и моделировании древних производственных процессов, была представлена конкретная детальная информация о способах и процессах получе-

ния таких покрытий на бронзовых кинжалах из майкопских памятников Северного Кавказа (IV тыс. до н. э.) и усатовских курганов Северного Причерноморья (конец IV – начало III тыс. до н. э.) (*Рындина, Конькова, 1982; Рындина, 2002; Равич, Рындина, 2015*).

Проведенные отечественными специалистами историко-металлургические исследования позволили выявить механизмы образования серебристого слоя на поверхности бронзовых изделий. Наиболее важно то, что удалось разграничить естественные и искусственные серебристые покрытия, причем было выделено три их разновидности, различающиеся по происхождению. Первая разновидность – это покрытия, возникающие в процессе литья в результате обратной ликвации мышьяка по ходу расслаивания компонентов сплава. Вторая разновидность покрытий – диффузионная, когда происходит восстановление мышьяка на поверхности изделия в результате нагрева. Третья разновидность может возникнуть естественным путем за счет коррозии металла. На изделиях майкопской и усатовской культур раннебронзового века были зафиксированы все три разновидности покрытий (*Рындина, 2002*).

2. Изделия с покрытиями с территории Северного Причерноморья и Предкавказья. Было предпринято металлографическое исследование 15 кинжалов майкопской культуры с мышьяковым покрытием на поверхности (рис. 5.1: 4–13). Все они относились к позднему (новосвободненскому) этапу культуры, причем 9 кинжалов связаны непосредственно с курганами станицы Новосвободной (урочище Клады). Все кинжалы были изготовлены из медно-мышьякового сплава. Установлено, что кинжалы с серебристым покрытием происходят из высокоранговых погребальных комплексов: из 15 «серебряных» кинжалов 12 найдены в элитарных комплексах с престижным инвентарем (*Корневский, 2011. С. 97–99*). Еще ранее В. М. Массон писал, что представителями элиты в майкопском обществе IV тыс. до н. э. являлись военные вожди или лидеры племенной группы (*Массон, 1973. С. 103–107*).

О назначении так называемых «больших усатовских кинжалов» с серебристым покрытием высказывались аналогичные предположения. Н. В. Рындина и Л. В. Конькова зафиксировали на кинжалах из Усатовских курганов (рис. 5.1: 1–3) микроструктуры второго типа (*Рындина, Конькова, 1982. С. 34, 35*). Поскольку серебристый поверхностный слой был тонким и недолговечным, он стирался при повторной заточке лезвий. Это дало авторам исследования основания

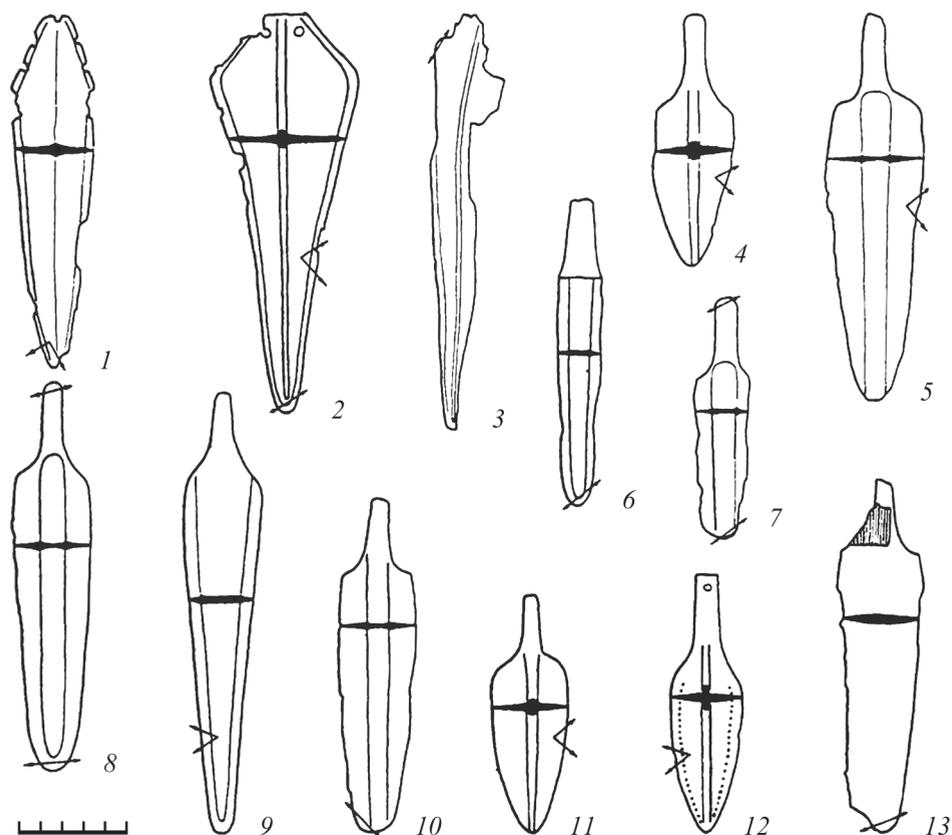

Рис. 5.1. Бронзовые кинжалы усатовской и майкопской культур со следами серебристых покрытий (по: Рындина, 2002). Места взятия металлографических шлифов показаны секущей

1 – Утконосовка, кург. 5; 2, 3 – Усатово, 1-й курганный могильник, кург. 3 и кург. 1; 4, 9, 11, 12 – урочище Клады, кург. 31, погр. 5; 5 – станица Тимашевская, случайная находка; 6 – Чегем II, кург. 55, погр. 1; 7 – Чегем II, кург. 21, погр. 5; 8 – Чегем II, случайная находка; 10 – Чегем II, кург. 36, погр. 1; 13 – станица Новосвободная

предположить, что данные кинжалы использовались не в качестве боевого оружия, а как изделия символического назначения, и, возможно, были специально изготовлены для погребения. Это мнение подкрепляется происхождением таких кинжалов из больших курганов 1-го Усатовского могильника с центральными погребениями элитарного характера. Подобно майкопским, усатовские кинжалы имитировали

серебряные изделия и являлись маркерами высокого социального статуса погребенных (Рындина, Конькова, 1982; Равич, Рындина, 2015).

3. Изделия с покрытиями с территории Ближнего Востока.

Обратимся к синхронным материалам Ближнего Востока. Среди древнейших находок, на которых установлено применение декоративных покрытий, – клад оружия из дворцово-культового комплекса в слое VIA поселения Арслантепе в Восточной Анатолии, построенного по канонам урукской архитектуры (Palmieri, 1973. P. 315–325; Frangipane, 1997a). По радиоуглероду он датируется 3300–3000 до н. э. (Alessio et al., 1983. P. 57).

Поселение представляло собой центр развитого металлопроизводства, его следы в виде шлаков, многочисленных литейных форм и готовых изделий обнаружены в слоях Арслантепе VII и VI. В период VIA производство концентрировалось на территории дворцового комплекса и было весьма развитым морфологически и технологически (Di Nocera, 2010. Fig. XIII.1). Аналитические исследования руды и металлических находок указывают, что местные металлурги работали на руде из разных источников (Palmieri et al., 1993).

Клад был найден в помещении A113 (так наз. «Зал оружия») дворцового здания III и состоял из 12 черенковых листовидных копий (длиной 42–53,7 см), 9 мечей (длиной 46–62 см) с цельнолитой рукоятью и плоской четырехспиральной бляхой (Palmieri, 1981. P. 104, 109. Fig. 3: 1–4; Di Nocera, 2010. Fig. XIII.3: 1–5, 9; XIII.6: 1) (рис. 5.2: 1–3, 5–10). Аналитические исследования показали, что все предметы изготовлены из мышьяковой бронзы с концентрацией As от 2,09% до 6,54% (Caneva et al., 1985. P. 119). Рукояти трех мечей украшены инкрустированными композициями в виде треугольников и зигзагов, выполненными из серебряной фольги (рис. 5.2: 8, 10, 11).

Это древнейшие мечи и копья на Ближнем Востоке. Копья не имеют существенных морфологических особенностей, тогда как мечи весьма своеобразны: они практически непригодны для использования в качестве боевого оружия. Их лезвия заточены, но рукоять у них плоская и по толщине равна толщине клинка, что делает их неудобными в бою, тогда как внешние характеристики вполне соответствуют церемониальному назначению. Мечи и копья первоначально висели в виде связки на стене зала (или стояли на полу у стены), что указывает на их целенаправленную демонстрацию в качестве предметов ритуального/символического назначения. Можно полагать, что к этому набору парадного оружия имели доступ представители местной элиты.

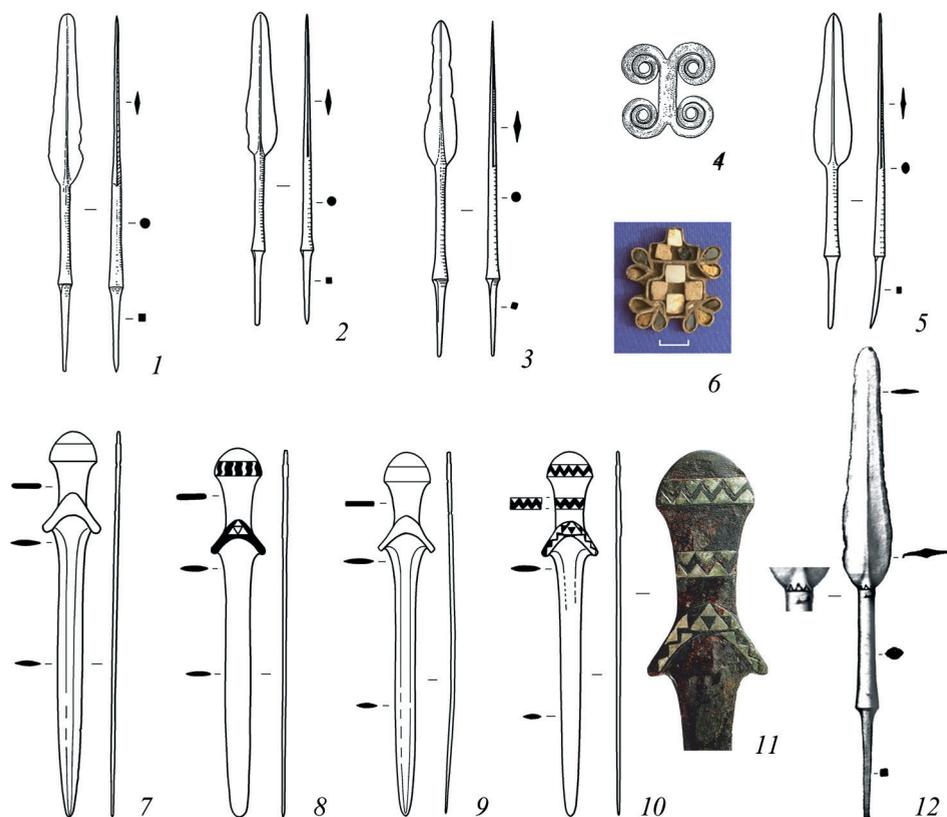

Рис. 5.2. Металлические изделия IV тыс. до н. э.

1–3, 5, 7–10 – копья и мечи из клада в Арслантепе VIA (по: *Palmieri*, 1981); 8, 10 – мечи с инкрустацией серебром; 11 – деталь: рукоять инкрустированного меча); 4 – четырехспиральная бляха из клада в Арслантепе VIA; 6 – серебряная подвеска из поселения Арисман (по: *Hansen, Helwing*, 2016); 12 – копье из Царской гробницы в Арслантепе VIB с серебряной инкрустацией (по: *Di Nocera*, 2010)

К этому же времени относится ряд произведений профессиональных резчиков и ювелиров. Высокий профессиональный уровень мастерства ремесленников указывает на то, что определенный общественный слой обеспечивал заказ и потребление высокохудожественной ремесленной продукции, в значительной части предназначенной для храмового хозяйства.

Следующий период – Арслантепе VIB – также дает важную информацию о развитии металлопроизводства на поселении. Она свя-

зана с уникальным комплексом Царской гробницы. Стратиграфически гробница позже дворцового здания и была сооружена вскоре после его разрушения: она датируется 3085 и 2900 Cal BC (*Frangipane et al.*, 2001. P. 135). В камере центрального погребения захоронен мужчина высокого социального ранга, как явствует из богатства и специфики инвентаря, сложности погребальной конструкции и присутствия сопровождающих погребенных.

Находки из гробницы свидетельствуют о высокой ценности и разнообразии способов применения серебра. В могиле находился богатый набор оружия и украшений, насчитывающий 75 металлических предметов (*Hauptmann, Palmieri*, 2000), в частности два меча, два кинжала и 9 наконечников черенковых листовидных копий длиной до 60 см. Морфологически они идентичны копьям из клада в слое VIA. Был проведен химический анализ металла 59 находок из гробницы, который выявил три группы сплавов: мышьяковую бронзу (от 2% As и выше), сплав медь-мышьяк-никель и чрезвычайно редкий сплав меди с серебром с содержанием Ag от 23% до 65% (!). Количественно преобладают предметы из серебра и редкого сплава серебра с медью. На их долю приходится более 30 находок, среди которых кинжал с блестящим серебристым покрытием (*Palmieri et al.*, 1998). Медно-серебряный сплав указывает на связь металла из гробницы с некоторыми находками из предшествующего дворцового комплекса VIA. Для нашей темы наиболее существенно то, что на одном копье из гробницы была обнаружена точно такая же инкрустация серебряной фольгой в виде треугольников (рис. 5.2: 12), как и на рукоятях мечей из Зала оружия в слое VIA. Орнаментация, выполненная путем инкрустации небольшими серебряными пластинами на заранее подготовленный предмет из бронзы для получения полихромного эффекта, несомненно, была сделана мастером-профессионалом. Кузнец должен был обладать высокой квалификацией и хорошими знаниями в области торевтики. По мнению Дж. Ди Ночера, наконечники копий и мечи, найденные во дворце и в Царской гробнице, могли быть изготовлены в одном металлургическом центре и даже, возможно, в одной мастерской (*Di Nocera*, 2010. P. 266).

Что касается медно-серебряного сплава, необходимо отметить, что он был известен и раньше. Это находка наконечника дротика с профилированным насадом и коротким двухлопастным пером из здания в Уруке, известного как *Riemchengebaude*. Предмет датируется временем позднего Урука и содержит 25% серебра (*Potts*, 1997.

Р. 176. Fig. VII.4). Можно согласиться с мнением М. Мюллера-Карпе, который расценивал эту находку как доказательство экспериментов шумерских металлургов над составами сплавов для достижения декоративных эффектов (*Müller-Karpe*, 1991. P. 109).

Еще один комплекс изделий с покрытиями, близкий по времени Царской гробнице, был открыт в том же регионе Восточной Анатолии на поселении Тюлинтепе. При строительных работах был обнаружен небольшой клад, относящийся к позднему халколиту – РБВ I (конец IV – начало III тыс. до н. э.). Клад включает черенковый кинжал и пять черенковых копий с листовидным пером, морфологически очень близких копьям из Арслантепе VIA и VIB. Аналитические исследования показали, что два копия были изготовлены из меди, одно – из мышьяковой бронзы, еще два копия и кинжал – из мышьяковой бронзы с примесью никеля. Неожиданными оказались результаты исследования предметов с помощью электронного сканирующего микроскопа: выяснилось, что все вещи имели оловянное покрытие (*Yalçın, Yalçın*, 2008), причем в одном случае покрытие было двухслойным, т. е. копьё подверглось лужению дважды (рис. 5.3). Весь комплекс представляет собой наиболее ранний случай применения техники лужения на Ближнем Востоке (*Yalçın, Yalçın*, 2009. P. 129). Видимо, целью применения этой технологии было имитировать внешний вид серебра. Дж. Мюли расценивает этот клад как доказательство экспериментов древних металлургов в процессе знакомства с новым материалом – оловом. Следующим шагом в развитии технологии стало изготовление медно-оловянных сплавов (*Muhly*, 2011. P. 866). Возможно, металлурги Тюлинтепе имитировали серебряное покрытие мечей и копья из Арслантепе, используя олово вместо серебра. Следует отметить, что до сих пор не опубликованы анализы серебряных (?) пластин-инкрустаций на мечах из храма в Арслантепе VIA и на копьё из Царской гробницы в Арслантепе VIB. Следовательно, мы не знаем точного состава серебряной фольги и не можем с полной уверенностью утверждать, что это именно серебро, а не олово.

Известен также ранний (IV тыс. до н. э.) случай инкрустации золотом. Это серебряная подвеска из поселения Арисман с территории Иранского нагорья (рис. 5.2: 6). Предмет украшен вставками из различных материалов – мрамора, гематита и золотой фольги (*Hansen, Helwing*, 2016. S. 45. Abb. 3). Обнаружение свинцового глета на территории поселения однозначно свидетельствует, что уже в IV тыс.

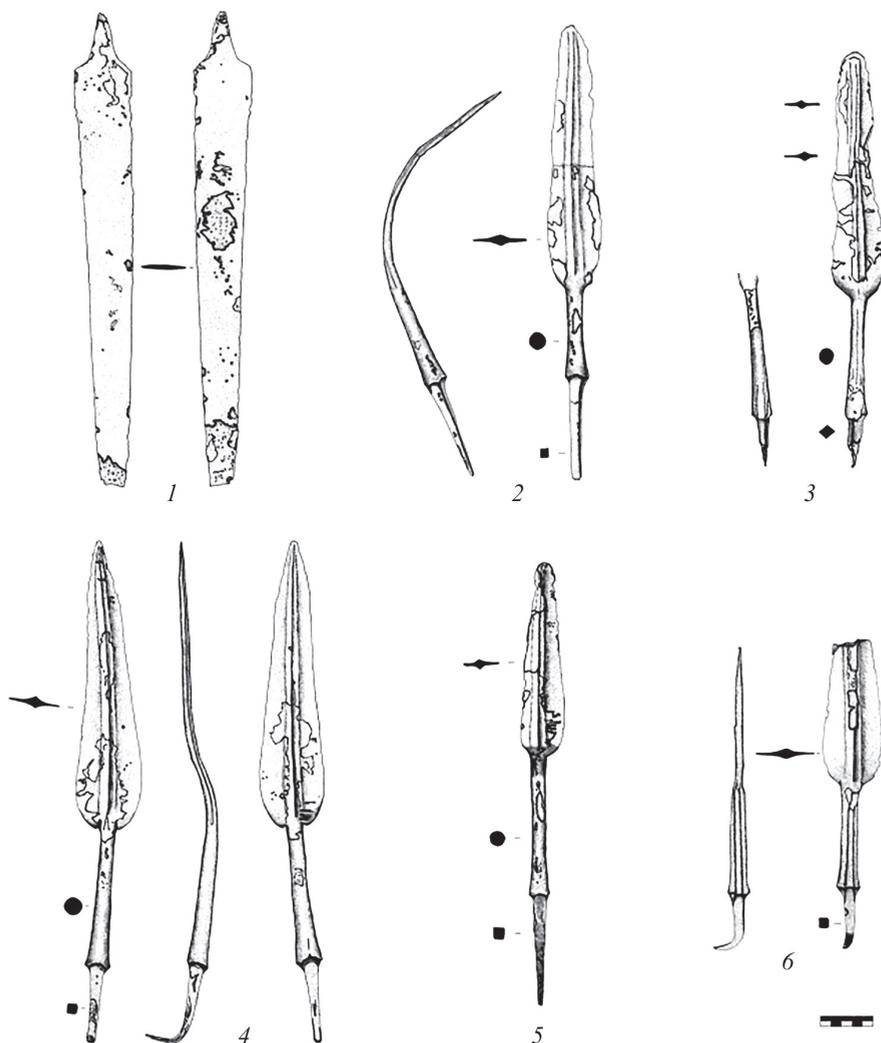

Рис. 5.3. Клад с поселения Тюленте (по: *Yalçin, Yalçin, 2009*)

до н. э. здесь получали серебро из серебряно-свинцовых руд, т. е. уровень развития металлургии и металлообработки был весьма высоким.

Более широко бронзовые изделия с покрытиями или инкрустациями из других металлов распространяются на Ближнем Востоке во второй половине III тыс. до н. э., параллельно с общим ростом металлопроизводства и массовым применением драгоценных металлов для изготовления украшений, ценных и символически значимых

вещей в РБВ III Анатолии и III Раннединастическом периоде в Месопотамии (Авилова, 2008. С. 137–138. Табл. 45, 46; 2018а. С. 175).

Серия выразительных изделий с покрытиями происходит из региона Центральной Анатолии. Ниже приводится краткий обзор находок такого рода из памятников второй половины III тыс. до н. э.

Из царского некрополя Аладжахююк в Центральной Анатолии известна серия бронзовых статуэток на подставках (так наз. штандартов), изображающих рогатых животных – быков и оленей. Некоторые статуэтки украшены листовыми накладками и инкрустациями из драгоценных металлов. Всего в могильнике найдено 10 статуэток: семь фигурок быков и три фигурки оленей. Штандарты, изображающие быков, обнаружены в гробницах С, D, E, H, K, L, T, оленей – в гробницах А, А1, В (Коşay, 1944. Pl. 62, 96, 97; 1951. Pl. 150, 162, 122, 130, 173, 190, 192). Все статуэтки выполнены в едином стиле: изображены животные стройных пропорций, с удлиненной мордой и подчеркнута большими рогами; они показаны в стоячей позе и закреплены на высоких разветвленных подставках так, что каждая нога животного опирается на одну из ветвей.

Приведем краткое описание некоторых наиболее ярких статуэток. Штандарт из гробницы С, изображающий быка (Коşay, 1944. Pl. 97), имеет 48 см в высоту, на плечах животного – инкрустации из электра в виде вертикально расположенных узких полосок (рис. 5.4: 1). Аналогичные инкрустации-полоски обнаружены еще на двух статуэтках быков из гробниц В и H и на фигурке оленя из гробницы L.

Штандарт с фигуркой быка из гробницы L имеет 37 см в высоту (рис. 5.4: 3) (Коşay, 1951. P. 170. Pl. СХСII, L27). Изображение животного имеет обобщенные очертания. На туловище, шее и кончиках рогов помещены серебряные листовые накладки из широких пластин. На верхней части каждой ноги гравировкой нанесены орнаментальные элементы в виде тройных концентрических кругов, заполненных серебром, а на лбу инкрустация в форме треугольной пластины.

Штандарт, увенчанный фигуркой оленя, найден в гробнице В (рис. 5.4: 4), его высота 52,5 см. Огромные ветвистые рога, голова и уши животного покрыты серебряными пластинами (всего пластин три). Статуэтка отлита по частям, которые впоследствии были соединены между собой. Туловище оленя богато орнаментировано: на боках – гравировка в виде семи двойных концентрических кругов, шею опоясывают три зигзагообразные линии, образующие фестоны,

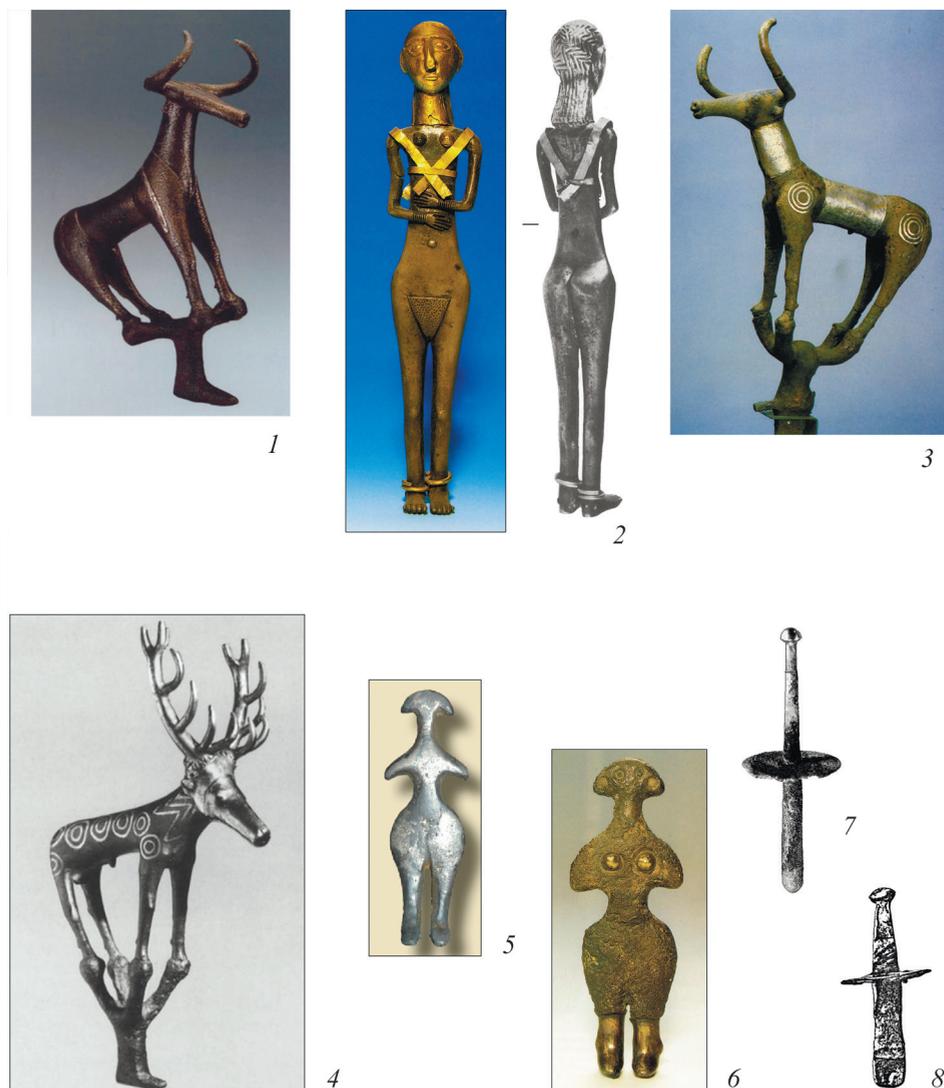

Рис. 5.4. Металлические изделия второй половины III тыс. из Центральной Анатолии (по: *Anatolian Civilisations*, 1983; *Yalçın, Yalçın*, 2013b; *Koşay*, 1951; *Özgül, Akok*, 1958)

1 – Аладжахююк, гробница С; 2 – Хасаноглан; 3 – Аладжахююк, гробница L; 4 – Аладжахююк, гробница В; 5 – Аладжахююк, гробница А1; 6 – Аладжахююк, гробница L; 7 – Аладжахююк, гробница L; 8 – Хорозтепе

на плечах – мелкие крестовидные фигуры. Все декоративные элементы инкрустированы серебром. Кончик хвоста покрыт медной пластинкой (*Arik*, 1937. Pl. ССII–ССV).

Серия из трех статуэток быков найдена в нарушенном царском могильнике Хорозтепе в Центральной Анатолии (*Özgüç, Akok*, 1958. P. 47–48). Большая статуэтка-штандарт, подобная экземплярам из Аладжи, была обнаружена в процессе профессиональных раскопок. Статуэтка найдена отделенной от основания. Она была накрыта сосудом и помещена под большим бронзовым столиком вместе с женской статуэткой. Высота фигурки 30 см, высота подставки 26,4 см, отливка сплошная (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. XI: 1 а–с). Голова животного обобщенной подтреугольной формы, но ноги и копыта переданы очень реалистично. Передняя часть головы с пастью имеет покрытие из электра – нечто вроде маски, очень плотно закрепленной. На лбу фигурки – инкрустация из электра в виде треугольника, выполненная из фольги, закрепленной в неглубокой выемке (рис. 5.5: 1). Это полная аналогия декоративному оформлению статуэтки быка из гробницы L Аладжахююк (рис. 5.4: 3), с той разницей, что последняя инкрустирована серебром. Рога у быка из Хорозтепе изогнутые, преувеличенных размеров, отлиты из нескольких частей, соединенных друг с другом. Рога покрыты фольгой из электра, видны швы, разделяющие отдельные пластины, видимо, соединенные с помощью ковки. Нижняя часть хвоста и уши также покрыты плотно закрепленной фольгой из электра.

Еще две статуэтки быков были найдены в ходе нелегальных раскопок (*Özgüç, Akok*, 1958. Pl. XI: 2, 3). Они повреждены: у одной статуэтки обломаны задние ноги, у второй – передние (рис. 5.5: 2, 3). Манера исполнения фигурок реалистичная. На сохранившихся полностью частях обеих статуэток имеется серебристое покрытие. Кроме того, на лбу одной статуэтки – треугольная инкрустация из серебряной пластины, вставленной в неглубокую выемку, так же, как и на целой статуэтке-штандарте.

На характере покрытия двух обломанных статуэток следует остановиться отдельно. В публикации 1958 г. находим сведения, что их основа отлита из бронзы и покрыта свинцом – у одной голова и передняя часть, у другой – задняя. Авторы пишут, что покрытие образовано свинцовыми пластинами, которые закреплены на бронзовой основе путем ее погружения в расплавленный свинец (*Özgüç, Akok*, 1958. P. 47). Отмечу, что в тексте публикации факт проведения спек-

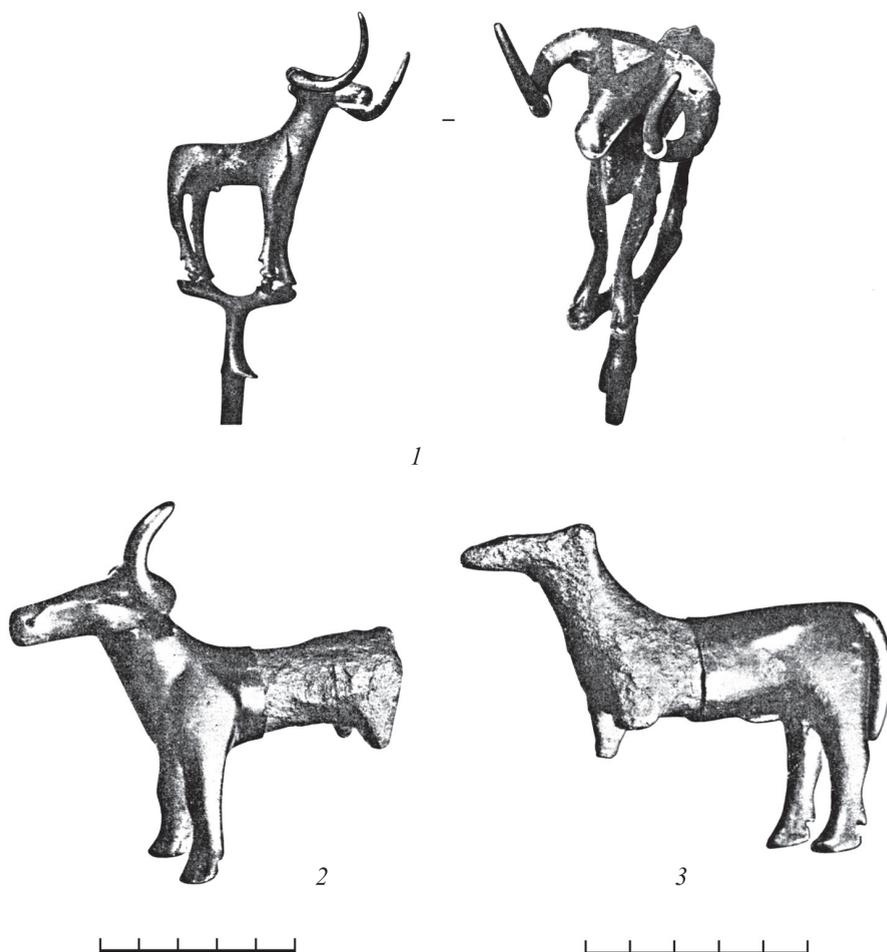

Рис. 5.5. Статуэтки быков из Хорозтепе (по: Özgüç, Akok, 1958)

тральных анализов статуэток не упоминается, поэтому утверждение о покрытии статуэток свинцом вызывает сомнения.

Аналитические исследования статуэток были проведены позже, в начале 1970-х годов. Было установлено, что фигурки отлиты из бронзы, а серебристый слой на поверхности имеет высокое содержание мышьяка. Встал вопрос, было ли это связано с составом первоначальной отливки или мышьяк был привнесен после (Smith, 1973). С. Смит считал, что мышьяк не был компонентом бронзы, а был добавлен отдельно. Позже было проведено исследование

с использованием рентгеноструктурного анализа; оказалось, что статуэтки отливались по частям, причем части одной фигурки различались по составу: передняя часть была отлита из оловянно-свинцовой бронзы, а задняя – из мышьяковой. Таким образом, обогащение поверхности мышьяком, скорее всего, связано с его присутствием в сплаве, а причиной образования серебристого покрытия является обратная ликвация в процессе литья (Scott, 2002. P. 327).

Итак, на всех трех зооморфных статуэтках из Хорозтепе применены покрытия, но материал и техника их исполнения различны. В одном случае это пластины из электра, механически закрепленные на отдельных участках скульптуры, а в двух других покрытие образовалось за счет выхода мышьяка на поверхность в процессе литья, т. е. имел место процесс обратной ликвации, так же, как на майкопских и усатовских кинжалах.

Замечательные по мастерству изготовления и богатству декора статуэтки происходят также из Двуречья. В Лувре хранится стеатитовая фигурка зооантропоморфного существа, которая изображает лежащего быка с человеческой головой и в рогатой короне (высота 12 см). Статуэтка инкрустирована перламутром (сохранилось несколько инкрустаций). Углубления для вставок на теле быка разной формы: на спине они продолговатые, на боках имеют подтреугольную форму, что, возможно, передает пятна на шкуре животного. Предмет датируется временем 3-й династии Ура (Art of the First Cities, 2003. P. 440, № 313). К концу III тыс. до н. э. относится и вторая статуэтка из Лувра. Она отлита из бронзы по восковой модели и изображает стоящего быка (Idem. P. 441, № 314) (высота 11,2 см) (рис. 5.6). На теле животного инкрустации серебряными пластинками нерегулярной формы, также передающими пятнистую шкуру быка. Большие изогнутые рога покрыты серебром. На лбу имеется треугольное углубление для вставки, сама инкрустация утрачена. Этот элемент декора повторяет мотив треугольника на лбу статуэтки быка из Аладжахююк, гробница L (рис. 5.4: 3), где инкрустация также выполнена из серебра. Треугольная вставка из электра находится также на лбу фигурки быка из Хорозтепе (рис. 5.5: 1).

В некрополе Аладжахююк были найдены также антропоморфные статуэтки с покрытиями (Yalçin, Yalçin, 2013a; 2013b). Из гробницы L происходят две сильно схематизированные женские фигурки, одна из оловянной бронзы, вторая серебряная. На бронзовой фигурке сохранилась только миниатюрная круглая золотая накладка

Рис. 5.6. Статуэтки с инкрустацией из Месопотамии
(по: Art of the first cities, 2003)

1 – стеатит, перламутр; 2 – бронза, серебро

в области уха, скорее всего, изображавшая серьгу. На серебряной статуэтке (высота 10,6 см) золотыми пластинами покрыты груди, на ногах – высокие золотые «сапожки» (рис. 5.4: 6). Рентгенофлуоресцентный анализ выявил в золоте накладок значительную примесь серебра – 17% (Yalçin, Yalçin, 2013b. Tab. 1), т. е. материал пластин ближе к электру. Еще одна схематическая статуэтка того же типа из гробницы A1 (рис. 5.4: 5) высотой 7 см была отлита из серебра, а затем покрыта золотой фольгой, от которой сохранился лишь маленький фрагмент (Yalçin, Yalçin, 2013b. P. 42. Fig. 5).

Замечательная по мастерству изготовления статуэтка из центральноанатолийского памятника Хасаноглан не имеет археологического контекста (Anatolian Civilisations, 1983. Cat. № 246). По стилистическим особенностям она датируется концом III тыс. до н. э. Фигурка высотой 24 см отлита из серебра и украшена золотыми накладками и деталями (рис. 5.4: 2). Статуэтка изображает стоящую женщину, выполнена в реалистической манере, включая черты лица, пальцы рук и ног. Для нашей темы важно, что на статуэтке имеются золотые накладки: они покрывают голову и шею, черты лица переданы рельефом по золотой пластине, а прическа в виде зигзагообразной композиции показана гравировкой, причем узор очень близок орнаментам золотого кувшина из гробницы В Аладжи (рис. 1.2: 1). Золотыми накладками покрыты также груди и пупок. На статуэтке имеются элементы костюма в виде перекрещенных на плечах золотых лент, свободно помещенных на торсе, и браслетов на щиколотках,

выполненных из золотой проволоки. Исследование методом РФА позволило установить состав использованных металлов. В серебре, из которого отлита фигурка, присутствует незначительная примесь меди, а накладки и детали сделаны из золота с повышенным содержанием серебра (до 23%), т. е. и в данном случае материал близок к электру (*Zimmerman, Özen, 2016*). Статуэтка представляет реалистический тип мелкой пластики, стилистически отличный от схематизированных статуэток Аладжи. При этом принцип использования декоративных накладок и покрытий из золота применяется на обоих типах фигурок. Можно полагать, что применение декоративных элементов и покрытий из золота является характерной чертой центральноанатолийской антропоморфной пластики конца III тыс. до н. э., тогда как на зооморфных фигурках чаще помещали серебряные накладки и инкрустации.

Кроме произведений пластики, с применением драгоценных листовых накладок изготавливались также нефункциональные реплики орудий труда (*Авилова, 2010а*). Из нескольких комплексов того же элитарного некрополя Аладжи происходят своеобразные металлические предметы в виде стержней 10–15 см длиной с надетыми на них дисками, определяемые авторами раскопок как веретена с пряслицами. В погребении L веретено было сделано из серебра, а его верхняя часть была обтянута золотой фольгой (*Koşay, 1951. P. 169, Pl. 197. Fig. 1*) (рис. 5.4: 7). Среди материалов разрушенного царского могильника Хорозтепе в Центральной Анатолии также было найдено металлическое веретено, сделанное из электра. Его стержень имеет форму уплощенного бруска с четко выделенной грибовидной головкой, его верхняя часть также покрыта золотой фольгой (*Özgülç, Akok, 1958. Pl. 8, 2*) (рис. 5.4: 8).

Заключение

Подведем некоторые итоги. Металлические покрытия в эпоху бронзы наносили разными способами – закрепляли механически в подготовленных выемках в виде фольги (инкрустация), листовых накладок или получали в ходе сложных технологических процессов (ликвация, лужение). Наиболее ранние находки с аналитически подтвержденными фактами применения покрытий относятся к майкопским древностям. Серебристые мышьяковые покрытия получены целенаправленно на кинжалах, отлитых из типично кавказской

мышьяковой бронзы с применением сложных технологических операций, требующих от мастера глубоких знаний и умения управлять термическими процессами. Освоение методов получения серебрянистого покрытия, прослеженного на поверхности майкопских кинжалов, свидетельствует о высочайших достижениях северокавказских мастеров эпохи ранней бронзы в области металлопроизводства. Они изготавливали обширный репертуар изделий, среди которых было парадное и символическое оружие – кинжалы с серебрянистой поверхностью, специально предназначенные для погребального обряда.

Что касается хронологии, то памятники новосвободненского этапа майкопской культуры, с которыми связаны кинжалы с серебрянистой поверхностью, датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. Усатовские экземпляры оказываются несколько более поздними, относящимися к концу IV – началу III тыс. до н. э. Уверенно указать центры металлопроизводства, откуда распространялись технологии покрытий, сегодня вряд ли возможно. Но учитывая хронологию находок, можно предполагать, что открытие соответствующих технологий было сделано на Северном Кавказе (*Рындина, Конькова, 1982. С. 41; Мунчаев, 1994. С. 170–171*), а оттуда распространилось в Северное Причерноморье.

В ближневосточном регионе покрытия драгоценными металлами фиксируются практически одновременно с кавказскими мышьяковыми, начиная с последней трети IV тыс. до н. э. в виде инкрустации серебром на предметах вооружения (Арслантепе VIA и VIB). Инкрустация золотом зафиксирована на подвеске IV тыс. до н. э. из Центрального Ирана (Арисман). Особняком стоит чрезвычайно интересный ранний случай применения технологии лужения в Тюлинтепе (начало III тыс. до н. э.). Он свидетельствует об активном освоении нового материала – олова – и высоком мастерстве кузнецов, овладевших сложным процессом создания блестящих покрытий для изготовления парадного оружия.

Время второй половины III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии отмечено расцветом мелкой пластики с накладками в виде пластин и инкрустаций, что дает богатый полихромный эффект. Эти статуэтки демонстрируют высокие декоративные качества. При этом процесс их создания основан в целом на более простых технологических приемах, включающих механическое соединение листовых накладок и инкрустаций с основой. Можно полагать, что в это время сложилась локальная центральноанатолийская традиция

изготовления изделий с покрытиями из драгоценных металлов. Вероятно, она связана происхождением с месопотамскими мастерскими, где в это время имелся огромный опыт производства разнообразных изделий из драгоценных металлов, в том числе декоративной скульптуры. Чрезвычайно выразителен факт применения мышьяковых покрытий на статуэтках из Хорозтепе, что указывает на связи между Центральной Анатолией и Северным Причерноморьем, существовавшие в области металлопроизводства в течение длительного времени – с конца IV до конца III тыс. до н. э.

В обществе IV–III тыс. до н. э. изделия из золота и серебра маркировали высокий социальный статус их владельцев, тогда как покрытия различными металлами, включая драгоценные, применялись в декоративных целях и для создания имитаций/реплик ценных изделий.

Археологические находки бронзовых артефактов с блестящими покрытиями отражают определенные социальные процессы. Распространение парадного оружия и предметов мелкой пластики, украшенных драгоценными металлами, указывает на формирование слоя элиты в ходе эволюции сложных общественных структур раннего бронзового века на территории Кавказа, Северного Причерноморья и Передней Азии. Изделия из особо ценных материалов стали символами высокого социального статуса, заказчиком и потребителем ценных предметов, будь то оружие или скульптура культового назначения, была верхушка общества. Расцвет производства драгоценных металлов на Ближнем Востоке в условиях городской цивилизации III тыс. до н. э. вызывал спрос на более доступные имитации престижных изделий.

Металлические изделия с блестящими покрытиями (инкрустациями) являются характерной чертой металлопроизводства на территории Циркумпонтийской металлургической провинции раннего и среднего периодов бронзового века и отражают процесс формирования слоя элиты.

Заключение

Подведем итоги исследования. При обращении к вопросам социальной интерпретации рассматриваемых находок мы исходим из того, что генеральной моделью развития ближневосточного общества является путь от сельских поселений к ранговому обществу с раннегородскими центрами и затем государственными образованиями. Две последние фазы отмечены существованием элиты – организатора производства и обмена, потребителя престижных, в том числе металлических, вещей.

Одной из значимых категорий археологических находок являются металлические сосуды. В этой книге представлены результаты изучения металлической посуды из памятников бронзового века Анатолии и Месопотамии конца IV – III тыс. до н. э. Особое внимание обращено на археологический и культурный контекст находок, поскольку это позволяет проследить связь между производственной, идеологической и социальной сферами жизни древних обществ.

Выборки по двум регионам количественно неравноценны – 160 и 2015 экземпляров соответственно. Находки в основном происходят из погребений, а также кладов. Редкость археологических находок из металла на поселениях, и сосудов том числе, обусловлена объективными причинами. Во-первых, обработка руды и производство металла локализовались чаще всего за пределами поселений, вблизи источников сырья и топлива. Во-вторых, металлические предметы высоко ценились и служили дольше, чем керамические сосуды. Следует учитывать и возможность переработки металлических изделий. То, что находят в процессе раскопок, – лишь малая часть репертуара реально существовавших металлических изделий. В том случае, когда можно провести количественное и качественное сопоставление набора металлических вещей, найденных на поселении и относящемся к нему могильнике, прослеживаются значительные различия в количестве, представительности и распределении артефактов: ценные предметы из металлов, в том числе драгоценных,

находят в погребениях. Яркими примерами могут служить Демирчихююк-Сарикет (*Seeher, 2000*) и Караташ-Семайюк (*Mellink, 1965*) в Западной Анатолии, Царский некрополь Ура (*Treasures..., 1998*) и могильник У в Кише (*Mackay, 1929*).

Анализ комплексов с металлической посудой показывает, что такие сосуды являются надежным маркером для определения археологического комплекса как престижного. Наличие сосудов в погребениях указывает на наиболее высокий социальный ранг их владельцев.

Начало изготовления и использования сосудов в этом качестве фиксируется в Месопотамии и относится ко второй половине IV тыс. до н. э., эпохе Урука, и связано это с процессом формирования элитарных групп в догосударственных и раннегосударственных обществах.

Первые металлические сосуды в Анатолии мы встречаем на востоке региона, находившемся под сильным воздействием урукской цивилизации. Именно на востоке в РБВ I на рубеже IV–III тыс. до н. э. располагался центр анатолийского металлопроизводства. В РБВ II основной очаг производства и использования сосудов перемещается на запад региона, видимо, в связи с продвижением новых групп населения из Закавказья на Верхний Евфрат, с одной стороны, и активным процессом урбанизации западноанатолийских территорий – с другой. Во второй половине III тыс. до н. э. выделяются два центра находок металлической посуды – Центр и Северо-Запад, что связано с существованием в этих регионах развитых раннегосударственных образований с такими центрами, как Аладжахююк, Хорозтепе, Эскияпар и Троя II–III.

В середине III тыс. до н. э. количество находок металлических сосудов, в том числе изготовленных из драгоценных металлов, резко возрастает. Распространяется престижный набор инвентаря, включавший, наряду с металлической посудой, элитарные головные уборы (диадемы) и парадное оружие (*Klaunzer, 2013; Авилова, 2021; 2022*).

Демонстрация символов престижа визуализировала авторитет, укрепляла власть местных лидеров и подчеркивала их значимость в межрегиональных контактах. Рост торгово-обменных связей начинается с РБВ II, на что указывает распространение такой выразительной формы сосудов, как сирийские металлические фляги, и их керамических соответствий (*Massa, Palmisano, 2018. P. 75. Fig. 8*). Сосуды из могильников Сарикет и Кучукхююк морфологически родственны им. Подобный свинцовый сосудик найден также в Тарсе (*Goldman, 1956. Fig. 435: 11*). В связи с этим напомним о «Большом караванном

пути» (Great caravan route), который связывал Сиро-Киликию с Северной Эгеидой через внутренние районы Западной Анатолии (Efe, 1987).

В эпоху расцвета, в РБВ III, сложилась общеганатолийская сеть торговых путей, соединявших Центр с Северо-Западом, западным побережьем и Эгеидой (Şahoglu, 2005. Fig. 1a), что отразилось в близком сходстве металлических изделий из Трои, Аладжахююк и Эския-пара. Развитая система обмена на дальние расстояния обеспечивала получение предметов роскоши и особо ценного сырья. В ней циркулировали в основном объекты, относящиеся к категории престижных и ценных предметов, заказчиком и потребителем которых была элита. Она же обладала возможностями для интенсификации производства, накопления излишков продукции для обмена, а также для организации и обеспечения безопасности торговых путей.

Исследование количественно представительной коллекции месопотамской металлической посуды позволяет сделать ряд выводов. Главная особенность металлопроизводства Двуречья – чрезвычайно высокий уровень развития, достигнутый при отсутствии собственной сырьевой базы за счет импорта металла. Решающую роль в развитии месопотамской цивилизации сыграло развитое производство пищевых продуктов, создававшее изобилие ресурсов для обмена на различное сырье, в том числе металлы.

Самыми ранними типами металлических сосудов в Двуречье являются конические миски, которые входят в употребление в позднеурукское время (конец IV тыс. до н. э.). Наибольшее морфологическое разнообразие металлической посуды относится к середине – второй половине III тыс. до н. э. и связано с расцветом металлопроизводства в раннегосударственных образованиях РД III.

В III тыс. до н. э. резко возрастает производство металлических изделий и сосудов в частности, в том числе из драгоценных металлов. Это во многом обусловлено ростом потребности обществ государственного типа в манифестации значимости наивысших социальных рангов (Авилова, 2020. С. 36). Анализ комплексов показывает, что металлическая посуда маркирует формирование элитарных групп в городских и раннегосударственных обществах Месопотамии.

Распространение металлических сосудов в элитарных комплексах отражает социальные процессы, связанные с феноменом сложения цивилизации ближневосточного типа, и является одним из ее признаков. Неслучайно в позднепервобытных обществах Северного Причерноморья III тыс. до н. э. металлические сосуды неизвестны:

сообщества северной половины Циркумпонтийской историко-культурной и производственной зоны не достигли стадии цивилизации. Изучение металлической посуды в археологическом и культурном контексте позволяет лучше понять динамику фундаментальных изменений, связанных с формированием и развитием сложных/иерархических сообществ в таких крупных историко-культурных регионах, объединенных сходным направлением эволюции, как Двуречье и Анатолия, с точки зрения той роли, которую играло металлопроизводство и его продукция в общественном развитии.

К предметам особой символической значимости относятся головные уборы. Поскольку древнейшие находки металлических диадем происходят с территории культуры Варна, следует дать краткую характеристику уровня социального развития Балкан в позднем энеолите.

На Северные Балканы и в Подунавье традиции металлургии и металлообработки проникают с Ближнего Востока вместе с производящей экономикой. Благоприятные природно-климатические условия Балканского региона (наличие водных ресурсов, ландшафтное разнообразие) не требовали ирригации и централизованного контроля над организацией сельскохозяйственных работ и потреблением продуктов. В этих условиях успешно функционировала модель эгалитарного общества сельского типа (*Özdoğan, 2002*). Балканские поселения позднего энеолита – это деревни без признаков существования общественных зданий, хранилищ излишков общественного продукта, следов контроля со стороны элиты за распределением излишков в виде фишек-калькулей. Это означает, что в Балкано-Дунайских энеолитических культурах Караново VI – Варна – Гумельница не было базы для формирования иерархической общественной структуры: среди их блестящих материалов нет признаков раннегородской, тем более государственной, модели развития. Местная элита, безусловно, существовала, но функционировала в рамках вождеств, которые формируются в условиях производящего хозяйства. Их возникновение, вероятно, относится к постнеолитическому периоду или к позднему неолиту (*Семенов, 1993. С. 207*).

Управление жизнью общины требовало существования лидеров, в том числе и временных военных предводителей. Статус лидера определялся возрастом, полом, авторитетом, знаниями, опытом хозяйственной деятельности, регулирования внутриобщинных и межобщинных отношений, ролью в религиозно-обрядовой сфере,

тем более что культура была целостной, недифференцированной. С ростом общины роль лидеров возрастала, возникали объединения поселений, локальные группы (*Johnson, Earle, 1987. P. 158*).

Вождество представляет собой достаточно высокий уровень организации коллектива. Этот термин объединяет общественные структуры, в которых социальная дифференциация имела достаточно выраженные формы. В таких обществах часть производимого продукта отчуждалась для обеспечения социальной элиты, осуществлявшей централизованное управление, перераспределения излишка продуктов для поддержания прослоек общества, не связанных с их производством, вознаграждения труда ремесленников, обеспечения обмена и т. д. Соответственно, и золотые Т-образные диадемы Варненского некрополя были принадлежностью лидеров общин эпохи поздней первобытности. Одним из важнейших аспектов их деятельности был контроль над минеральными и иными ресурсами (в частности, добычей и обменом металлом). Неслучайно такая диадема найдена в символическом погребении № 36 Варны вместе с массивным золотым скипетром молотообразной формы, золотыми бляхами, изображающими быков, и другими маркерами высокого статуса (*Hansen, 2020. P. 57. Abb. 8*).

Существует несколько концепций вождества, основанных на особенностях социально-экономического развития разных регионов и народов (*Renfrew, 1972; Wright, 1984; Семенов, 1993*).

Для нашей темы важно, что одну из ключевых ролей в системе вождества играет перераспределение. Вожди контролируют излишек продуктов жизнеобеспечения и иных ценностей, выступают инициаторами и организаторами общественных работ, организуют обмен с соседями, установление разнообразных отношений, оборону. Один из красноречивых маркеров вождества – поселения с признаками существования элиты. По мнению К. Ренфрю, общества типа вождества характеризуются целым рядом признаков, которые по-разному отражаются в археологических материалах (*Renfrew, 1972. P. 543*).

При определении сложных (комплексных) вождеств по археологическим данным Г. Т. Райт выделяет четыре группы признаков.

1. Иерархия в системе поселений по отношению населения к земледелию, скотоводству, ремеслу, обмену, функции управления, организации массовых ритуальных действий.

2. Неоднородность жилой застройки на поселениях.

3. Особые формы погребального обряда для лиц высокого ранга.

4. В материальной культуре присутствуют ценные, престижные вещи, особые символически значимые предметы, используемые элитой (Wright, 1984. P. 44). Примерами наиболее ранних и выразительных артефактов такого рода являются Т-образные золотые диадемы из энеолитического Варненского некрополя.

На Ближнем Востоке металлические диадемы функционируют в ином социальном контексте. На археологических материалах конца IV – начала III тыс. до н. э. можно очертить обширный регион, отмеченный распространением культуры позднего Урука – Джемдет Насра и ее заметным воздействием на местные коллективы. Регион включает Северную Месопотамию, Восточную Анатолию, Сирию, Кавказ. Сходство происходивших в регионе общественных процессов проявляется в сложении элиты. Ее материальным признаком служат, в частности, металлические сосуды, диадемы из драгоценных металлов, известные из захоронений и кладов в ряде памятников, специфические декоративные и изобразительные мотивы.

Несмотря на редкость находок диадем энеолитического времени, в их распределении прослеживается важная особенность: диадемы встречаются в погребениях как взрослых, так и детей (могильник на поселении Тепе Гавра). Факт существования социально выделенных детских погребений начиная с рубежа V и IV тыс. до н. э. в Гавре, а затем и в других памятниках требует комментария. Неслучайно он привлекает большое внимание исследователей.

Находки ценных предметов, включая детали головных уборов и диадемы из драгоценных металлов, отчетливо указывают на высокое социальное положение погребенных и свидетельствуют о существовании на небольшом поселении конца V – начала IV тыс. до н. э. сообщества, в котором уже сформировалась вертикальная структура взамен горизонтальных половозрастных связей. Процесс ее сложения связан с урбанизацией региона и усложнением структуры общества Верхней Месопотамии (Frangipane, 1997b; Rothman, Peasnell, 2000). В этом плане захоронения детей и молодых индивидуумов особенно показательны: появление элитарных детских погребений, наряду с захоронениями взрослых с выдающимся статусом, свидетельствует о наличии в общине Гавры элитарной группы населения, высокий статус которой был наследственным, закрепленным за ее членами по праву рождения (Rothman, 2002. P. 147; Peasnell, 2002. P. 232–233). Редкость находок диадем позволяет предполагать, что они имели особый символический смысл, не тождественный тому, каким наде-

лялись другие престижные предметы (украшения, оружие). Процесс усложнения структуры общества Гавры на рубеже V и IV тыс. до н. э. нашел свое выражение в сложении элиты, представленной захоронениями как взрослых, так и детей. Элитарная группа населения существовала и на синхронном поселении в Сузах. Исходя из того, что Ж. де Морган раскопал в могильнике Суз около 2000 погребений эпохи позднего Убейда, Ф. Хоул рассчитал численность группы лиц с особым социальным статусом, в могилы которых помещали крупные медные предметы – металлические тесла и медальоны (так наз. зеркала): она составляла около 3% населения, что является обычной долей элиты в догосударственных обществах (Hole, 1983).

Вслед за С. Поллок (Pollock, 1999. P. 118) можно полагать, что в начале IV тыс. до н. э. депонирование богатого инвентаря в погребениях младенцев было средством обеспечить наследственную передачу неотчуждаемого богатства, как материального, так и символического, внутри родственной группы (линиджа). Это подтверждается примером погребений в слое Гавры XIA/B (ок. 4100 cal. BC). Здесь две группы погребений были связаны с комплексом зданий, куда входили трехчастная в плане постройка, интерпретируемая как жилое и производственное помещение, и жилой комплекс из трех взаимосвязанных домов – возможно, жилище большой семьи. Как и в более раннем слое XII, где захоронения младенцев располагались в непосредственной близости от жилищ больших семей, большинство захоронений в этих двух блоках также принадлежат младенцам и детям. Таким образом, материалы Гавры свидетельствуют, что появление богатых детских погребений в слое XIA/B стало результатом развития погребальных традиций слоя XII (Brereton, 2011. P. 344, 348).

В середине – второй половине III тыс. до н. э. мы имеем численно представительные материалы из Южной Месопотамии и Анатолии. Диадемы встречаются значительно чаще, чем в начале тысячелетия, их формы становятся более разнообразными, а конструкции сложными. Рост числа находок указывает на более широкое использование и доступность драгоценных металлов. При этом ряд древних традиций эпохи Урука – Джемдет Насра продолжает жить в новом социальном контексте.

Материальные свидетельства дополняются письменными. Судя по количественно представительным материалам из Урского некрополя, можно заключить, что головные украшения в виде диадемент и налобных блях были знаками принадлежности к наивысшему

элитарному слою общества. Об этом свидетельствуют и тексты: так, тиару как часть парадного одеяния носит царь Урука Гильгамеш (Эпос..., 2006. Табл. VI: 5), тиару надевает его мать царица Нинсун, готовясь совершить жертвоприношение (Эпос..., 2006. Табл. III. II: 5). В аккадской версии текста «Нисхождение Иштар в страну мертвых» принадлежностью наряда богини является «большая тиара», и именно ее, в первую очередь как воплощение силы, символ власти и божественного достоинства, снимает с богини привратник во вратах подземного царства (см. перевод В. К. Шилейко под названием «К стране неизбежной», V, 44, 45 – Ассиро-вавилонский эпос, 2007. С. 102). Лишенная головного убора и других регалий (ожерелья, подвесок и пр.), Иштар теряет силу, оказывается неспособной противостоять божествам мира мертвых и сама умирает.

Диадемы могли обозначать и определенные градации внутри высшего слоя общества, в захоронениях наивысшего ранга они могли сочетаться с другими типами головных украшений. Так вырабатываются способы обозначения места и роли тех или иных групп внутри правящей верхушки. Контекст находок в ряде случаев позволяет выделить такие группы. На это обращает внимание П. Мури на примере богатейшего (предположительно женского) захоронения 1237 в Царском некрополе Ура, где найдены останки многочисленных сопровождающих погребенных. Погребальная камера с центральным захоронением не сохранилась, но во входной шахте у входа в камеру находились шесть скелетов воинов с оружием, остальные скелеты принадлежали женщинам: четыре арфистки и 64 «придворные дамы» были уложены рядами. Все были захоронены в нарядах с роскошными украшениями, некоторые с драгоценными головными уборами того же типа, что и в погребении царицы-жрицы Пуаби. Однако ранги «дам» были различны: 28 имели золотые ленты-диадемы, а остальные – серебряные (Woolley, 1934. P. 36. Pl. 71; Moorey, 1977. P. 35).

Выше говорилось о религиозной символике головных уборов и их принадлежности служителям/служительницам культа. Шумеры считали, что каждый город находился под покровительством бога, которому он был назначен при сотворении мира. Стоящий на высокой платформе храм – резиденция божества с богато устроенным святилищем, административными помещениями, мастерскими, кладовыми, кухнями – доминировал над городом. В конце III тыс. до н. э., в период 3-й династии Ура политическая власть в городе осуществлялась от имени бога лицом, которое в современных терминах совме-

щало должности верховного жреца, судьи, военного вождя и светского правителя. Его резиденция находилась вблизи храма. Город Ур находился под покровительством лунного бога Нанны. По имеющимся письменным данным, верховная жрица божества всегда принадлежала к царской семье, обычно это была сестра или дочь правящего царя. В обрядах она играла роль богини Нингаль, представляя в человеческом образе божественную супругу Нанны. Для нее на храмовой платформе в Уре возводилась официальная резиденция (*ginafu*) (Moorey, 1977. P. 40). Материалы из Царского некрополя Ура указывают на нечеткое разграничение царского двора, храма (дома бога) и погребальной камеры (посмертного дома его служителей). Безусловно, это затрудняет определение прижизненного статуса погребенных и тех социальных групп, к которым они принадлежали, но в то же время отражает понимание шумерами принципов социального устройства.

Усиление светской власти, постепенно подчиняющей себе храмы, находит выражение в богатейших «царских» гробницах Ура. Пышный погребальный обряд был средством мощного идеологического воздействия на население данного города-государства. Материальное богатство подчеркивало, визуализировало и закрепляло в сознании горожан особый, недостижимый статус правителя, связанный с его божественным происхождением, что отражено в письменных памятниках: царь Урука Гильгамеш – на одну треть бог. Царь обеспечивал материальное благосостояние общины, плодородие земли, выступая в роли местного божества, от имени которого он вступал в «священный брак» с храмовой жрицей. Эта церемония была важнейшим сезонным праздником в месопотамских городах-государствах.

Для понимания символики диадем и изображений на них важны материалы глиптики и пластики. Тема изобилия и плодородия является ведущей в иконографии деталей церемониального костюма. Изображения персонажа с колосом, «кормильца стад» божества, отправителя обряда «священного брака» передают характер общественных религиозных церемоний. В них прокламировалась идея значимости элиты и ее ритуальной деятельности, направленной на сохранение стабильности всего мироздания, благополучия общины и стимулирование производства (Antonova, 1992).

В III тыс. до н. э. наблюдается рост потребности обществ государственного типа в акцентировании наивысших социальных рангов.

Головные уборы – как простых форм, так и сложные конструкции с множеством дополнительных деталей – зримая демонстрация, закрепление иерархической структуры общества и власти правителей молодых государств в сознании населения. Близкие взгляды были высказаны в статье, посвященной исследованию контекста и смыслового содержания погребальных церемоний, как они реконструируются на основе материалов царских захоронений в Уре (*Baadsgaard, Zettler, 2014*). Авторы подчеркивают, что в Южной Месопотамии в III тыс. до н. э. происходит усложнение социально-политической системы городов-государств на фоне таких явлений, как рост конкуренции в области доступа к ресурсам, накопление богатств за счет широкой торговли, военные конфликты между городами-государствами.

Церемония похорон месопотамского правителя была сложным действием, длившимся, судя по всему, несколько дней или дольше, и включала человеческие жертвоприношения приближенных (то же явление в рамках другого типа общества документируют материалы из Царской гробницы в Арслантепе VIВ). Богато одетые тела подвергали воздействию высокой температуры и покрывали киноварью, что предотвращало быстрое разложение (*Baadsgaard, Zettler, 2014*. Р. 112). Их выставляли на всеобщее обозрение, они «участвовали» в погребальных церемониях, включавших музыку, оплакивание, пиршество, как это изображено на цилиндрических печатях (*Vidale, 2011*).

Сложность погребального одеяния и украшений, вероятно, служивших знаками принадлежности данного покойника к тому или иному уровню внутри царской семьи, богатство инвентаря гробниц (включавшего повозки, парадную посуду, пищевые продукты, мебель), наличие сопровождающей свиты и служителей также было частью демонстрации богатства правящих элит. Этот переизбыток роскоши вместе с практикой человеческих жертвоприношений свидетельствует о том, что представители раннединастической элиты Ура обладали властью, значительно превосходившей по масштабам более ранние формы политической, религиозной и военной власти в Южной Месопотамии.

Концентрация власти через концентрацию богатства обеспечивалась географическим положением Ура: Евфрат и Персидский залив были естественными путями для широкой торговли металлами, поделочными камнями и другими товарами, которые доставляли в Ур морем из Ирана, Афганистана, долины Инда. Царские похороны стали демонстрацией власти, публичным зрелищем, способом

легитимации и закрепления социальных и политических феноменов в раннединастическом обществе Южной Месопотамии с далеко идущими последствиями (*Baadsgaard, Zettler, 2014. P. 105, 118*). Демонстрация символов престижа в ходе социально значимых церемоний, таких как торжественная трапеза, похороны, укрепляла авторитет местных лидеров и способствовала их участию в межрегиональных контактах (*Авилова, 2020. С. 36*).

Итак, в середине – второй половине III тыс. до н. э. материальная культура Двуречья уже чрезвычайно ярко отражает своеобразный раннемонархический уровень развития общества, в это время закладывается основа восточного деспотизма с его характерными чертами. Параллельно с ростом материального богатства происходит обожествление светского правителя, принимавшее вполне материальные и жестокие формы, включая человеческие жертвоприношения.

Распространение диадем в Анатолии относится к тому же периоду, что и в Месопотамии, т. е. середине – второй половине III тыс. до н. э. Наряду с особенностями погребального обряда и набором инвентаря, они отражают наивысший статус правителей первых анатолийских государств, являются зримыми символами их власти (*Yalçın, Yalçın, 2018*). В символической значимости диадем на протяжении III тыс. до н. э. прослеживается некоторая динамика. Если в могильнике Аладжахююк диадемы обозначали наивысший общественный статус погребенных, то в более ранних могильниках Демирчихююк-Сарикет и Кучукхююк их основное назначение, видимо, было иным, тесно связанным с ритуальной практикой, как можно заключить по многочисленным находкам, простым по форме и отмеченным низким качеством исполнения, из этих двух памятников в Западной Анатолии. Возможно, что в силу этого диадемы из драгоценных металлов находят и в более поздних погребениях, которые не могут быть отнесены к элитарным. Так, к началу II тыс. до н. э. в Центральной Анатолии (Кюльтепе) сложился стандартный набор погребального инвентаря, состоявший из простой диадемы-ленты/налобной бляхи и блях-накладок на лицо. Какое-то значение в снижении социальной значимости относительно поздних диадем могло иметь расширение доступа к драгоценным металлам в результате широкомасштабной торговли с Ассирией.

Традиция применения золотых диадем и налобных блях продолжается и позже, о чем свидетельствуют находки из микенских царских гробниц второй половины II тыс. до н. э. Скорее всего,

из материковой Греции обычай хоронить покойника в золотой диадеме или венце с листьями и розетками распространился в Восточном Средиземноморье первых веков н. э., что нашло свое выражение в замечательных образцах искусства: среди фэйюмских портретов в ГМИИ им. А. С. Пушкина есть изображения персонажей с золотыми лавровыми венцами и розетками (https://pushkinmuseum.art/museum/buildings/main/floor1/6_coptic/index.php). Отсюда прямой путь к погребальным венчикам, применяемым и поныне в христианском обряде погребения.

Несомненно, формирование иерархизированных обществ в Анатолии было сложным процессом и развивалось не по линейной модели. Влияние на него оказывало расширение торговли и эксплуатации рудных источников наряду с прогрессом металлообработки. Результаты наглядно отражены в материалах середины – второй половины III тыс. до н. э.

В Месопотамии с ее ограниченными природными ресурсами производство и хранение излишков продовольствия были необходимы для выживания. Централизация и социальное расслоение общества здесь основаны главным образом на производстве и организации сельскохозяйственной деятельности и накоплении излишков, что тесно связано с институционализированным контролем над производством и торговлей (*Özdoğan*, 2002. P. 68; *Frangipane*, 2019. P. 79).

Археологические материалы демонстрируют устойчивую связь культовых комплексов с административной системой хранения и распределения общественного продукта (сбор приношений для божества, которому был посвящен храм, десятины для содержания жрецов). Ф. Хоул предложил в связи с этим термин «институционализация религии», точно отражающий содержание данного процесса (*Hole*, 1983. P. 315).

В текстах второй половины III тыс. до н. э. говорится об обмене товарами между жителями Двуречья и соседями, причем обменные операции охарактеризованы различно. В шумерском тексте «Энмеркар и правитель Аратты» это действительно обмен: после угроз и запугивания правителя горной страны Аратты Энмеркар прибегает к мирным и эффективным средствам получения золота, серебра и лазурита для постройки храма Инанны: он посылает в Аратту караван с зерном, жители радостно встречают груз, а ее правитель в ответ отправляет требуемые материалы (*Крамер*, 1965. С. 33–35). Шумерский гимн «Энки и мировой порядок» рисует сложную карти-

ну: здесь и сбор дани, когда бог Энки последовательно обходит ряд стран и собирает «подарки», упоминаются также корабли из дальних стран, которые везут товары в Нишпур:

«Страны Маган и Дильмун взирали на меня,
Суда Дильмуна привозили лес,
Суда Магана нагружены до неба,
Барки «магилум» из Мелуххи
Везут золото и серебро,
Привозят все в Нишпур...»
(Краммер, 1965. С. 118).

В более позднем строительном гимне Гудеа говорится о чужеземцах, добровольно пришедших в Лагаш, чтобы участвовать в сооружении храма Нингирсу, и также доставивших «подарки»:

«Чтобы выстроить храм Нингирсу,
Приходил эламит из Элама,
Приходил сузиец из Суз,
Маган и Мелухха из гор приносили деревья...
Гипс и асфальт из горной Мадга,
Словно как барки с зерном
Гудеа, жрецу Нингирсу,
Были привезены...
В медных горах, в Кимаше,
Была осмотрена глина,
Копали корзинами медь.
Энси, строителю храма своего государя
Золото с гор
Приносили как пыль...»
(Ассиро-вавилонский эпос. С. 45–46).

Из этих текстов видно, что в III тыс. до н. э. отношения в ходе обмена были различными, от мирных до напряженных, на грани военного конфликта, но обмен воспринимался как необходимый и важный аспект жизни, не только экономической, но прежде всего религиозной, поскольку описываемые ситуации связаны с построением храмов.

В Анатолии с ее ландшафтным разнообразием, обилием водных ресурсов и самодостаточными общинами накопление излишков продовольствия и жесткий контроль за их распределением

не были необходимостью; с точки зрения сложности общественной организации решающим моментом скорее была эксплуатация рудных источников и торгово-обменная деятельность вместе с попытками установить контроль над источниками металла и торговыми путями. В целом это вело к дальнейшему развитию металлургической деятельности для поддержания авторитета элиты и демонстрации атрибутов ее власти (*Keskin*, 2019. Р. 18). Несмотря на неоднородность археологических источников, эти два важнейших историко-культурных региона Ближнего Востока являются благоприятным полем для изучения динамики фундаментальных изменений и развития сложных/иерархических сообществ с точки зрения значения металлопроизводства и его роли в обществе.

Наличие элитарных погребений с деталями/следами особых головных уборов в степной зоне Восточной Европы указывает, что развитие общества позднего энеолита – бронзового века в обширной Циркумпонтийской зоне шло в направлении усложнения структуры. Иерархическая, вертикальная структура социума получала преобладание над половозрастной, о чем свидетельствуют находки символически значимых головных уборов как во взрослых, так и в детских захоронениях.

С темой элитарного костюма тесно связана тема специфических украшений и изобразительных мотивов. Символически значимый и долго живущий элемент месопотамской культуры – изображения растений в виде многолепестковой розетки/звезды. Ранние примеры этого мотива представлены в росписи сосудов халафской эпохи, встречаются они и на сосудах последующего убейдского времени. Розетки в росписи сосудов очень близки по форме золотым розеткам из некрополя Тепе Гавры. Этот же мотив присутствует и в декоративных элементах урукской архитектуры.

Растительные мотивы широко распространены в раннединастическое время. Это богатый набор изображений цветов и листьев на головных уборах из Царского некрополя времени РД III. На ряде налобных блях из захоронений этого периода, в частности царских погребений, помещены восьмилепестковые цветы/звезды.

Следует отметить, что специфической чертой анатолийских диадем РБВ III в отличие от месопотамских является отсутствие растительных элементов: здесь на украшениях и сосудах орнаментация чисто геометрическая.

Растительные мотивы на налобных повязках в погребениях степных курганных культур, несмотря на небольшое число зафиксиро-

ванных случаев, представляют очевидную параллель парадным металлическим головным уборам более развитых обществ Переднего Востока. Парадные головные уборы и их детали отражают сходные процессы, происходившие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития, – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. В этом регионе на археологических материалах конца V – III тыс. до н. э. в сходных формах прослеживаются процессы, связанные с формированием элиты. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала такое явление, как подражание, имитация ценных роскошных предметов (металлических диадем) в доступном материале (кость, краска).

Печати и другие изобразительные памятники позволяют судить о характере общественного и культурного развития в Месопотамии и соседней Сузиане на протяжении длительного времени. Особое внимание привлекают персонажи, в облике которых сочетаются черты человека и животного. Существа смешанной природы, изображенные в ситуации обрядового действия и в обрядовом костюме (маске с рогами козла), фигурируют на печатях эпохи позднего Убейда – раннего Урука из Тепе Гавры, Суз и Тепе Гияна.

Было ли общество Тепе Гавры и Суз в это время эгалитарным или им руководили могущественные лидеры? Очевидно, что такие лидеры могли консолидировать значительные группы работников для масштабных общественных работ, о чем свидетельствует строительство погребального комплекса и верхней террасы Суз I, храмового комплекса в Гавре XIII. Для сооружения каждого из них требовались тысячи человеко-часов труда, что подразумевает наличие единоличного лидера-организатора (*Matthews, Nashli, 2022. P. 153*). В позднем энеолите Ирана развитие происходит динамично: если площадь поселения Суз I ок. 5 га, то Суз II – уже 25 га, на Акрополе возводятся монументальные здания, в административной системе применяются печати, глиняные буллы, числовые записи, что характерно для общества раннегосударственного уровня, находящегося на пороге использования письменности. Иконография изображений отражает высокий статус мужских персонажей (божеств) – участников обрядов, в которых они выступали в масках животных, а также военных действий и строительной деятельности. Эти явления указывают на формирование централизованной власти, осуществляемой элитой. Ее стремление контролировать доступ к ресурсам ускоряло

развитие сложных общественных структур в Юго-Западном Иране. Подобные явления имели место и в Южной Месопотамии (*Matthews, Nashli, 2022. P. 157–158*).

Приведенные выше изобразительные материалы позднеубейдского времени свидетельствуют, что организующую роль в обществе играли культ и религия. Ф. Хоул пишет об обществах, состоявших из неких «полуавтономных модулей», которые могли объединяться в определенные моменты в общих интересах, а в другое время действовать самостоятельно и ситуативно (*Hole, 1983. P. 325*). Он полагает, что общество Суз I (а также Гавры XIII–XII – Л.А.), вероятно, возглавлялось родоплеменными лидерами линиджей или кланов, которые, наряду с организацией хозяйственной деятельности, могли также руководить культовыми действиями при совершении определенных общественно значимых обрядов.

Потребность в изображении общественного лидера в виде существа смешанной природы на печатях из Тепе Гавры XIII–XI и Суз I возникла в связи с выделением в энеолитическом обществе носителей функции управления, наделенных также сакральными функциями.

Социальные и культурные процессы получают свое отражение не только в определенных категориях артефактов, но и в использовании специфических технологий. В эпоху бронзы появляются металлические предметы с поверхностными покрытиями. Их наносили разными способами – закрепляли механически в подготовленных выемках в виде фольги (инкрустация), листовых накладок (плакирование) или получали в ходе сложных технологических процессов (ликвация, лужение). Наиболее ранние находки с аналитически подтвержденными фактами применения покрытий относятся к майкопским древностям. Серебристые мышьяковые покрытия получены целенаправленно на кинжалах, отлитых из типично кавказской мышьяковой бронзы с применением сложных технологических операций, требующих от мастера глубоких знаний и умения управлять термическими процессами. Освоение методов получения серебристого покрытия, прослеженного на поверхности майкопских кинжалов, свидетельствует о высочайших достижениях северокавказских мастеров эпохи ранней бронзы в области металлопроизводства. Они изготавливали обширный репертуар изделий, среди которых было парадное и символическое оружие – кинжалы с серебристой поверхностью, специально предназначенные для погребального обряда (*Равич, Рындина, 2015*). Та же технология использована при

изготовлении так называемых больших усатовских кинжалов (*Рындина, Конькова, 1982*).

Что касается хронологии, то памятники новосвободненского этапа майкопской культуры, с которыми связаны кинжалы с серебристой поверхностью, датируются второй половиной IV – началом III тыс. до н. э. Усатовские экземпляры несколько более поздние (конец IV – начало III тыс. до н. э.). Уверенно указать центры металлопроизводства, откуда распространялись технологии покрытий, сегодня вряд ли возможно. Можно предполагать, что открытие соответствующих технологий было сделано на Северном Кавказе (*Рындина, Конькова, 1982. С. 41; Мунчаев, 1994. С. 170–171*) и оттуда распространилось в Северное Причерноморье.

В ближневосточном регионе покрытия драгоценными металлами фиксируются практически одновременно с кавказскими мышьяковыми, начиная с последней трети IV тыс. до н. э. в виде инкрустации серебром на предметах вооружения (Арслантепе VIA и VIB). Зафиксирована и инкрустация золотом на подвеске IV тыс. до н. э. из Центрального Ирана (Арисман). Особняком стоит чрезвычайно интересный ранний случай применения технологии лужения в Тюлинтепе (начало III тыс. до н. э.). Комплекс документирует активное освоение нового материала – олова – и высокое мастерство кузнецов, овладевших сложным процессом создания блестящих покрытий для изготовления парадного оружия.

Время второй половины III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии отмечено расцветом мелкой пластики с накладками в виде пластин и инкрустаций, дававших богатый полихромный эффект. Статуэтки демонстрируют высокие декоративные качества. При этом процесс их создания основан в целом на более простых технологических приемах, включающих механическое соединение листовых накладок и инкрустаций с основой. Можно полагать, что в это время сложилась локальная центральноанатолийская традиция изготовления изделий с покрытиями из драгоценных металлов. Чрезвычайно выразителен также факт применения мышьяковых покрытий, полученных способом ликвации, на статуэтках быков из Хорозтепе, что указывает на связи между Центральной Анатолией и Северным Причерноморьем, существовавшие в области металлопроизводства в течение длительного времени – с конца IV до конца III тыс. до н. э.

В обществе IV–III тыс. до н. э. изделия из золота и серебра маркировали высокий социальный статус их владельцев, тогда как

покрытия, в том числе драгоценными металлами, применялись в декоративных целях и для создания имитаций/реплик ценных изделий.

Археологические находки бронзовых артефактов с блестящими покрытиями (инкрустациями) являются характерной чертой металлопроизводства на территории Циркумпонтийской металлургической провинции раннего и среднего периодов бронзового века. Они отражают не только технологические инновации, но и определенные социальные процессы. Распространение парадного оружия и предметов мелкой пластики, украшенных драгоценными металлами, указывает на формирование слоя элиты в ходе эволюции сложных общественных структур раннего бронзового века на территории Передней Азии, Кавказа, Северного Причерноморья. Изделия из особо ценных материалов стали символами высокого социального статуса, заказчиком и потребителем ценных предметов, будь то металлическая посуда, парадные головные уборы, символическое оружие или скульптура культового назначения, была верхушка общества.

Библиография

- Авилова Л. И.*, 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ. № 4. С. 68–81.
- Авилова Л. И.*, 2001. Древние бронзы Леванта // РА. № 1. С. 15–26.
- Авилова Л. И.*, 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.
- Авилова Л. И.*, 2010а. Золотое веретенце // РА. № 3. С. 37–43.
- Авилова Л. И.*, 2010б. К изучению социокультурного развития земледельческих обществ Древнего Востока // Вестник Дагестанского научного центра. № 37. С. 34–48.
- Авилова Л. И.*, 2011. Металл Ближнего Востока. Социально-экономические и культурные процессы. Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing. 356 с.
- Авилова Л. И.*, 2012. К характеристике храмовых комплексов Ближнего Востока в IV–III тыс. до н. э. // Проблемы археологии Кавказа / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, С. Н. Корневский. М.: Таус. С. 10–21.
- Авилова Л. И.*, 2013. Компьютерные базы данных и исследования металлопроизводства на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 229. С. 91–105.
- Авилова Л. И.*, 2017. О циркуляции металла в эпоху энеолита – бронзы (слитки, заготовки и весовые системы Ближнего Востока) // Stratum plus. № 2. С. 75–100.
- Авилова Л. И.*, 2018а. Анатолийские клады металлических изделий: Очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с.
- Авилова Л. И.*, 2018б. О кладах металлических изделий в Анатолии (энеолит – бронзовый век) // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН. С. 37–90.

- Авилова Л. И.*, 2020. К изучению металлических сосудов Анатолии (III тыс. до н. э.): морфология и контекст находок // КСИА. Вып. 260. С. 21–42.
- Авилова Л. И.*, 2021. Головные уборы как признаки высокого социального статуса (по материалам Ближнего Востока эпохи раннего металла) // КСИА. Вып. 264. С. 201–213.
- Авилова Л. И.*, 2022. ...Возложил на голову его венец из чистого золота // *Stratum plus*. № 2. С. 279–302
- Авилова Л. И.*, 2023а. Металлические сосуды Месопотамско-Анатолийского региона в эпоху раннего и среднего бронзового века (IV–III тыс. до н. э.). Сравнительный анализ морфологии и социального контекста // *И бронзы век, и век железный...: к юбилею Наталии Николаевны Тереховой* / Сост. В. И. Завьялов. М.: Таус. С. 37–60.
- Авилова Л. И.*, 2023б. Изображения существ смешанной природы на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке // *Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: сб. к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта* / Отв. ред.: Л. И. Авилова, Ю. В. Лунькова. М.: ИА РАН. С. 91–104.
- Авилова Л. И.*, 2023в. Металлические сосуды Месопотамского региона IV–III тыс. до н. э. (динамика производства и культурный контекст) // КСИА. Вып. 273. С. 27–46.
- Авилова Л. И., Антонова Е. В.*, 2009. Древняя Евразия: интерпретации свидетельств культурных перемен // КСИА. Вып. 223. С. 3–12.
- Авилова Л. И., Антонова Е. В., Тенейшвили Т. О.*, 1999. Металлургическое производство в Южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. № 1. С. 51–66.
- Авилова Л. И., Гей А. Н.*, 2016. Об использовании весовых систем в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 245, ч. I. С. 82–93.
- Авилова Л. И., Гей А. Н.*, 2018. Конструктивные особенности колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона в III–I тыс. до н. э. // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 46, № 3. С. 41–48.
- Авилова Л. И., Гей А. Н., Клещенко А. А.*, 2022. Головные уборы, венчики и диадемы: континуитет традиций в эпоху энеолита и бронзы // *Археология евразийских степей*. № 2. С. 64–76.
- Авилова Л. И., Кузьминых С. В.*, 2015. Серебро. Исторический очерк // БРЭ. Т. 30. М.: Большая Рос. энциклопедия. С. 83.

- Авилова Л. И., Орловская Л. Б.*, 2001. Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по Циркумпонтийской металлургической провинции // КСИА. Вып. 211. С. 23–29.
- Авилова Л. И., Терехова Н. Н.*, 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху неолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.
- Авилова Л. И., Черных Е. Н.*, 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии / Отв. ред. В. Н. Черных. М.: Наука. С. 31–83.
- Андреев Ю. В.*, 1989. Троя-Гиссарлык среди эгейских культур и цивилизаций бронзового века // Шлиман. Петербург. Троя: каталог выставки. СПб.: Славия. С. 42–59.
- Антонова Е. В.*, 1983. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV – первой половины III тыс. до н. э. // ВДИ. № 4. С. 88–96.
- Антонова Е. В.*, 1991а. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. № 2. С. 3–17.
- Антонова Е. В.*, 1991б. Зооантропоморфные персонажи печатей Ирана и Месопотамии в социальном контексте // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.: Гос. музей истории религии. С. 104–112.
- Антонова Е. В.*, 1998а. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 223 с.
- Антонова Е. В.*, 1998б. Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 3–15.
- Ассиро-вавилонский эпос / Пер. с шумер. и аккад. В. К. Шилейко; ред. В. В. Емельянов. СПб.: Наука, 2007. 641 с.
- Афанасьева В. К.*, 1979. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука. 219 с.
- Бриллиантовый козёл, или необычная тиара албанской королевы [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZOW9YK9yTwb-CiIT_ (дата обращения: 24.12.2024).
- Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.
- Вулли Л.*, 1961. Ур халдеев. М.: Изд-во вост. лит. 254 с.
- Гей А. Н.*, 1990. Отчет о работе Пластуновского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14977–14982.

- Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.
- Дьяконов И. М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М.: Изд-во вост. лит. 300 с.
- Дьяконов И. М., 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука. 246 с.
- Емельянов В. В., 2003. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-классика: Петербургское Востоковедение. 203 с.
- Ильюков Л. С., Яценко В. В., 2013. Курганы раннего этапа средней бронзы из Нижнего Подонья // Археологические записки. № 8. Ростов-на-Дону. С. 248–264.
- История Древнего мира: в 3 т. Т. 1. Ранняя древность / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. 3-е изд. М.: Наука, 1989. 534 с.
- Ковалев А. А., 2020. Хронология переднеазиатских и закавказских аналогий «украшениям» культур Предкавказья первой половины III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 258. С. 75–94.
- Козюменко Е. В., Беспальый Е. И., Беспальый Г. Е., Раев Б. А., 2001. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар. С. 155–160.
- Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 246 с.
- Корневский С. Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. М.: Таус. 335 с.
- Корневский С. Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). М.: ИА РАН. 284 с.
- Котова Н. С., Тубольцев О. В., 1999. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // СА. № 3. С. 22–34.
- Крадин Н. Н., 2006. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина и др. Волгоград: Учитель. С. 184–208.
- Крадин Н. Н., 2015. Основные закономерности происхождения государства // КСИА. Вып. 239. С. 7–27.
- Крамер С., 1965. История начинается в Шумере. М.: Наука. 256 с.
- Красильников К. И., 2007. Отчет о раскопках кургана 1 у поселка Краснореченск (Кабанье) Кременского района Луганской области // Архив ЛАЭМ. Ф. 2. Оп. 02–23.

- Кубышев А. И., Черняков И. Т.*, 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. № 1. С. 39–54.
- Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.*, 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука. 191 с.
- Лактин Ю. М., Леонтьева В. П.*, 1990. Материаловедение: учебник для высш. техн. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Машиностроение. 493 с.
- Лунёв М. Ю.*, 2000. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках трех курганов у станицы Северской в 2000 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 25151.
- Лунёв М. Ю.*, 2001. Погребения бронзового века из кургана № 1 могильника «Северский-1» // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6, ч. II / Ред. В. Б. Виноградов. Армавир. С. 3–20.
- Массон В. М.*, 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М.: Наука. 120 с.
- Массон В. М.*, 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука. 268 с.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.
- Мунчаев Р. М.*, 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарёва, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 158–225.
- Мунчаев Р. М.*, 2005. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. № 4. С. 13–24.
- Оппенгейм А. Л.*, 1970. Торговля на Ближнем Востоке в древности. М.: Наука. 31 с.
- Пиотровский Ю. Ю.*, 2020. Майкопский курган (Ошад): от археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург) / Ред.: М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский. С. 105–171. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 590 S. (Archäologie in Iran und Turan; 19).
- Прокофьев Р. В.*, 2002. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертовском районе Ростовской области // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Донское археолог. о-во. С. 109–133.

- Равич И. Г., Рындина Н. В.*, 2015. Серебристые мышьяковые покрытия на изделиях майкопской культуры (по данным лабораторного моделирования) // КСИА. Вып. 237. С. 90–103.
- Русев Р., Славчев В., Маринов Г., Бояджиев Г.*, 2010. Варна – праисторически център на металообработката. Варна: Данграфик. 192 с.
- Рындина Н. В.*, 2002. Феномен «серебристых» покрытий на изделиях из мышьяковых сплавов раннего бронзового века (юг Восточной Европы) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.): докл. III науч. конф. / Ред. Е. В. Яровой. Тирасполь. С. 92–95.
- Рындина Н. В.*, 2017. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. № 2. С. 101–118.
- Рындина Н. В., Конькова Л. В.*, 1982. О происхождении больших усаговских кинжалов // СА. № 2. С. 30–42.
- Семенов Ю. И.*, 1993. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3. М.: Институт этнологии и антропологии. 710 с. (Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. XX: Экономическая этнология; кн. 1).
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина: Леонардо Арте, 1996. 297 с.
- Тодорова Х.*, 1986. Каменно-медната епоха в България. София: Наука и изкуство. 280 с.
- Токарев С. А., Мелетинский Е. М.*, 1980. Мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Большая Рос. энциклопедия. С. 11–20.
- Трейстер М. Ю.*, 1996. Троянские клады: (атрибуции, хронология исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина: Леонардо Арте. С. 197–240.
- Фармаковский Б. В.*, 1914. Архаический период в России // Материалы по археологии России. Вып. 34. С. 15–78.
- Черных Е. Н.*, 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука. 143 с. (МИА; № 132).
- Черных Е. Н.*, 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во Болгарской академии наук. 388 с.
- Черных Е. Н.*, 1982. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. № 4. С. 8–20.

- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б., 2002. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.
- Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН. 95 с.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2009. Базы данных радиоуглеродных датировок и коррективы релятивной хронологии Эпохи Раннего Металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 26–40.
- Чеченов И. М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик: Эльбрус. 66 с.
- Шилов В. П., 1966. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып. 106. С. 88–91.
- Шлиман. Петербург. Троя: каталог выставки в Гос. Эрмитаже (Санкт-Петербург, 19 июня – 18 октября 1998 г.) / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 1998. 267 с.
- Элиаде М., 2012. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический проект. 622 с.
- Эллинистический и римский Египет. Коптское искусство [Электронный ресурс] // Пушкинский музей. URL: https://pushkin-museum.art/museum/buildings/main/floor1/6_coptic/index.php (дата обращения: 24.12.2024).
- Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / Пер. с аккад. И. М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 214 с.
- Adams R. McC., 1966. The evolution of urban society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago: Aldine. 200 p.
- Adams R. McC., 1969. The study of ancient Mesopotamian settlement patterns and the problem of urban origins // Sumer. Vol. 25. P. 111–124.
- Alessio M., Allegri L., Azzi C., Bella F., Calderoni G., Cortesi C., Improta S., Petrone V., 1983. ¹⁴C Dating of Arslantepe // Origini. Vol. XII, 2. P. 575–580.
- Algaze G., 1986. Habuba on the Tigris: Archaic Nineveh Reconsidered // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 45, № 2. P. 125–137.
- Algaze G., 1989. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // Current Anthropology. Vol. 30. P. 571–608.
- Amiet P., 1961. La glyptique mésopotamienne archaïque. Paris: Centre national de la recherche scientifique. 454 p.
- Amiet P., 1966. Elam. Paris: Arche éditeur. 607 p.

- Amiet P.*, 1972. *Glyptique Susienne des origines à l'époque des perses Achéménides*. Paris: Paul Geuthner. 326 p. (Memoires de la Delegation Archeologique Iran Series; 43).
- Amiet P.*, 1980. *La glyptique mesopotamienne archaïque*. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Editions du Centre national de la recherché scientifique. 522 p.
- Anatolian Civilisations. I. Prehistoric / Hittite / Early Iron Age. Istanbul: Turkish Ministry of Culture and Tourism, 1983. 311 p.
- Anthony D. W.*, 2010. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press. 553 p.
- Antonova E.*, 1992. *Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // Mesopotamia*. XXVII. P. 77–87.
- Arik R. O.*, 1937. *Les fouilles d'Alaca Höyük: Entreprises par la Société d'Histoire Turque: Rapport preliminaire sur les travaux en 1935*. Ankara: Société d'Histoire Turque. 119 p. (TTKY. Ser. V; № 1).
- Arnbruster B.*, 2016. *Technological Aspects of Selected Gold Objects from Ur – Preliminary Results and Perspectives // Metalla*. 22, 1. P. 113–135.
- Art of the First Cities: The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / Eds.: J. Aruz, R. Wallenfells*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale Univ. Press, 2003. 564 p.
- Aruz J.*, 1992. *The Stamp Seals from Tell esh Sheikh // AS*. Vol. 42. P. 15–28.
- Baadsgaard A., Monge J., Zettler R. L.*, 2012. *Bludgeoned, burned, and beautified: Reevaluating mortuary practices in the Royal Cemetery of Ur // Sacred killing. The archaeology of sacrifice in the Ancient Near East / Eds.: A. M. Porter, G. M. Schwartz*. Winona Lake: Eisenbrauns. P. 125–158.
- Baadsgaard A., Zettler R. L.*, 2014. *Royal Funerals and Ruling Elites at Early Dynastic Ur // Contextualising Grave Inventories in the Ancient Near East / Ed. P. Pfälzner et al*. Wiesbaden: Harrasovitz. P. 105–121.
- Bachhuber C.*, 2009. *The treasure deposits of Troy: rethinking crisis and agency on the Early Bronze Age citadel // AS*. Vol. 59. P. 1–18.
- Bass G. F.*, 1970. *A hoard of Trojan and Sumerian jewelry // AJA*. Vol. 74, № 4. P. 335–341.
- Benzel K.*, 2016. *Technologies of Jewelry at Ur: The Physics & Metaphysics of Skilled Crafting // Metalla*. 22, 1. P. 107–112.
- Benzel K., Graff S. B., Rakic E., Watts E. W.*, 2010. *Art of the Ancient Near East*. New York: The Metropolitan Museum of Art. 134 p.

- Bertemes F.*, 2016. Thinking globally about early metallurgy – Resources, knowledge, and the acceleration of inequality // *Arm und Reich – zur Ressourcenverteilung in prähistorischen Gesellschaften* / Hrsg.: H. Meller, H. P. Hahn, R. Jung, R. Risch. Halle (Saale): Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt: Landesmuseum für Vorgeschichte. P. 181–196.
- Bittel K.*, 1959. Beitrag zur Kenntnis anatolischer Metallgefäße der zweiten Hälfte des dritten Jahrtausends v. Chr. // *Jahrbuch des deutschen archaologischen Instituts*. 74. S. 1–34.
- Black J., Green A.*, 1992. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary*. Bath: The British Museum Press. 192 p.
- Born H., Romer R. L., Rhede D.*, 2014. Trojanisches Silber in Berlin und St. Petersburg. Archäometrische Untersuchungen zwischen 1996 und 2013 // *Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer – Neuvorlage, Band 2* / M. Wemhoff, D. Hertel, A. Hänsel, Hrsg. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; Preussischer Kulturbesitz. S. 41–108. (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Neue Folge. Band 18)
- Braun-Holzinger E. A.*, 1984. *Figürliche Bronzen aus Mesopotamien*. München: C. H. Beck. 127 S. (Prähistorische Bronzefunde; I/4).
- Braun-Holzinger E. A.*, 2007. *Das Herrscherbild in H. Mesopotamien und Elam. Spätes 4. bis frühes 2. Jt. v. Chr.* Münster: Ugarit-Verlag. 218 S. (Alter Orient und Altes Testament; 342).
- Braun-Holzinger E. A.*, 2013. *Frühe Götterdarstellungen in Mesopotamien*. Fribourg; Göttingen: Academic Press: Vandenhoeck Ruprecht. 245 S. (Orbis Biblicus et Orientalis; 261).
- Breniquet C.*, 1984. Le cimetière A de Kish. Essai d'interprétation // *Iraq*. Vol. 46, № 1. P. 19–28.
- Breniquet C.*, 1992. A propos du vase halafien de la tombe G2 de Tell Arpachiyah // *Iraq*. Vol. 54. P. 69–78.
- Breton G. D.*, 2011. *The Social Life of Human Remains: Burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East: thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy (PhD)* / University College. Vol. I. London. 854 p.
- Caldwell D.*, 1976. The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade // *Orientalia*. Nova Series. 45. P. 227–250.

- Canal D.*, 1978. La haute terrasse de l'Acropole de Suse // *Paléorient*. Vol. 4. P. 169–176.
- Caneva C., Frangipane M., Palmieri A. M.*, 1985. I metalli di Arslantepe nel quadro dei più antichi sviluppi della metallurgia vicino-orientale // *Scavi e ricerche archeologiche degli anni 1976–1979*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche. P. 115–137. (La ricerca scientifica; Vol. 112).
- Černyh E. N., Avilova L. I., Barceva T. B., Orlovskaja L. B., Tenejsvili T. O.*, 1991. The Circumpontic Metallurgical Province as a System // *East and West*. Vol. 41, № 1–4 (December). P. 11–45.
- Chéhab M. H.*, 1950. Tombes de chefs d'époque énéolithique trouvées à Byblos // *Bulletin du Musée de Beyrouth*. 9. P. 75–85.
- Chernykh E. N.*, 1971. Earliest stage of metallurgy in Circumpontic zone // VIII *Congres Internationale des sciences prehistoriques et protohistoriques*. Belgrade. P. 1–12.
- Chernykh E. N.*, 1992. *Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 335 p.
- Chernykh E. N.*, 1997. Metal as a source and symbol of social power in Eastern Europe // *Tradition and innovation: Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft: Festschrift für Christian Strahm*. Rahden: M. Leidorf. P. 143–147.
- Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B.*, 2002. Metallurgy of the Circumpontic area: from unity to disintegration // *Anatolian metal. II*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 83–100. (Der Anschnitt; Beiheft 15).
- Childe V. G.*, 1941. War in prehistoric research // *The Sociological Review*. Vol. 32. P. 127–138.
- Childe V. G.*, 1950. The urban revolution // *Town planning review*. Vol. 21. P. 3–17.
- Cohen A. C.*, 2005. *Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship: Towards a New Understanding of Royal Cemetery of Ur*. Leiden: Brill. 244 p.
- Contenau G., Ghirshman R.*, 1935. *Fouilles de Tépé Giyan près de Nehavend*. Paris: Paul Geuthner. 144 p.
- Crawford H. E. W.*, 1974. The problem of tin in Mesopotamian bronzes // *World Archaeology*. Vol. 6, № 2. P. 242–247.
- Dardeniz G., Arikan B., Yildirim T., Çiftçi E.*, 2018. The ancient metallurgy of the Delice valley // *Heritage Turkey*. Vol. 8. P. 41.
- Di Nocera G. M.*, 2010. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd

- millennium BC // *Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe* / Ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza universita di Roma. P. 255–274. (Studi di Preistoria Orientale; 3).
- Easton D. F.*, 1997. The excavation of the Trojan treasures and their history up to the death of Schliemann in 1890 // *The spoils of war: the loss, reappearance, and recovery of cultural property* / Ed. E. Simpson. New York: Harry N. Abrams. P. 194–206.
- Easton D. F., Hawkins J. D., Sherratt A. G., Sherratt E. S.*, 2002. Troy in recent perspective // *AS*. Vol. 52. P. 75–109.
- Eaton E. R., McKerrel H.*, 1976. Near Eastern alloying and some textual evidence for the early use of arsenical copper // *World Archaeology*. Vol. 8, № 2. P. 169–191.
- Efe T.*, 1987. New concepts on Tarsus-Troy relations at the beginnings of the EB 3 period // *XXXIV Uluslararası Assiriyooloji Kongresi (İstanbul)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu. P. 297–302.
- Efe T., Fidan E.*, 2006. Pre-middle Bronze Age metal objects from inland Western Anatolia: a typological and chronological evaluation // *Anatolia Antiqua*. Vol. XIV. P. 15–43.
- Ellison R., Renfrew J., Brothwell D., Seeley N.*, 1978. Some Food Offerings from Ur. Excavated by Sir Leonard Woolley, and Previously Unpublished // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 5, iss. 2. P. 167–177.
- Esin U.*, 1969. Kuantatif spektral analiz yardimiyla Anadolu'da başlangıcından Asur kolonileri çağına kadar bakir ve tunç madenciligi. İstanbul: Tas Matbaası. 205 p.
- Esin U.*, 1999. Copper objects from the pre-pottery Neolithic site of Aşikli (Kizilkaya village. Province of Aksaray, Turkey) // *The beginnings of metallurgy* / Ed. A. Hauptmann et al. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. P. 23–30. (Der Anschnitt; Beiheft 9).
- Flückiger-Hawker E.*, 1999. Urnamma of Ur in Sumerian Literary Tradition. Freiburg: University Fribourg Switzerland; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 383 p. (Orbis Biblicus et Orientalis; 166).
- Forest J. D.*, 1983. Les pratique funeraires en Mesopotamie. Du cinquieme millenaire au debut du troisieme. Paris: Editions Recherche sur les civilisations. 245 p.
- Frangipane M.*, 1997a. A 4th millennium temple / palace complex at Arslantepe-Malatya. North-south relations and the formation of early state societies in the northern regions of Greater Mesopotamia // *Paléorient*. Vol. 23, № 1. P. 45–73.

- Frangipane M.*, 1997b. Arslantepe-Malatya, external factors and local components in the development of an early state society // Emergence and change in early urban societies / Ed. L. Manzanilla. New York: Plenum Press. P. 43–58.
- Frangipane M.*, 2016. The Origins of administrative practices and their developments in Greater Mesopotamia. The evidence from Arslantepe // *Archéo-Nil*. 26. P. 9–32.
- Frangipane M.*, 2017. The role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd millennia BC // Overturning certainties in Near Eastern archaeology. A festschrift in honor of K. Aslihan Yener / Eds.: Ç. Maner, M. Horowitz, A. Gilbert. Leiden; Boston: Brill. P. 186–210.
- Frangipane M.*, 2019. Arslantepe. The rise and development of a political centre: from temple to palace to a fortified citadel // Arslantepe: proceedings of the I International Archaeology Symposium (4–6 October 2018). Malatya: İnönü University Press. P. 71–104.
- Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.*, 2001. New symbols of a new power in a «Royal» tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paléorient*. Vol. 27, № 2. P. 105–139.
- Frankfort H.*, 1955. Stratified cylinder seals from the Diyala region. Chicago: Univ. of Chicago Press. 78 p., 96 pl. (Oriental Institute Publications; 72).
- Frankfort H.*, 1978. Kingship and the Gods: A Study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago: Univ. of Chicago Press. 470 p.
- Frankfort H.*, 1992. Archaeology and Sumerian Problem. Chicago: Univ. of Chicago Press. 72 p. (Studies in Ancient Oriental Civilizations; 4).
- Frankfort H.*, 1996. The art and architecture of the Ancient Orient. Fifth edition. New Haven: Yale Univ. Press. 500 p.
- Gale N. H., Stos-Gale Z. A., Gilmore G. R.*, 1985. Alloy types and copper sources of Anatolian copper alloy artifacts // *AS*. Vol. 35. P. 143–173.
- Giles D. L., Kuijpers E. P.*, 1974. Stratiform copper deposit, Northern Anatolia, Turkey: Evidence for Early Bronze I (2800 B. C.) mining activity // *Science*. Vol. 186, iss. 4166. P. 823–825.
- Giumlia-Mair A.*, 2020. Plating and surface treatment on ancient metalwork // *Advances in Archaeomaterials*. Vol. 1, iss. 1. P. 1–26.
- Gold necklaces from chamber tombs in Mycenae [Electronic resource] // *The Gallery of ancient art*. № 6194. URL: <https://>

- ancientrome.ru/art/artworken/img.htm? id=6194 (дата обращения: 27.12.2024).
- Goldman H.*, 1956. Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Vol. 2. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press. 373 p., 460 pls.
- Gürkan G., Seeher J.*, 1991. Die frühbronzezeitliche Nekropole von Küçükhöyük bei Bozüyük // *Istanbuler Mitteilungen*. 41. S. 39–96.
- Hansen D. P.*, 1998. Art of the Royal Tombs of Ur: A Brief Interpretation // *Treasures from the Royal Tombs of Ur* / Eds.: R. L. Zettler, L. Horne. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. P. 43–75.
- Hansen S.*, 2014a. Gold and Silver in the Maikop Culture // *Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber*. 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle (Saale) / Hrsg.: H. Meller, R. Risch, E. Pernicka. S. 389–410. (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle; Band 11/II).
- Hansen S.*, 2014b. The 4th Millennium: A Watershed in European Prehistory // *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC?* / Eds.: B. Horejs, M. Mehofer. Vienna: Austrian Academy of Sciences. P. 243–260.
- Hansen S.*, 2020. Varna – Repräsentationen der Macht // *Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstag von Blagoje Govedarica* / Hrsg. S. Hansen. Wiesbaden: Harrasovitz. S. 45–72.
- Hansen S., Helwing B.*, 2016. Die Anfänge der Silbermetallurgie in Eurasien // *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer* / Hrsg.: M. Bartelheim, B. Horejs, R. Krauß. Rahden, Westf.: Leidorf. S. 41–58.
- Hauptmann A., Palmieri A.*, 2000. Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe // *Anatolian metal. I* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 75–82. (Der Anschnitt; 13).
- Heinrich E.*, 1936. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. Leipzig: Harrasovitz. 54, 37 S. (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka; I.)
- Herrmann G.*, 1968. Lapis Lazuli: The Early Phase of Trade // *Iraq*. 30. P. 21–57.
- Hole F.*, 1983. Symbols of religion and social organization at Susa // *The Hilly Flanks and Beyond: Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert J. Braidwood, November 15, 1982* / Eds.:

- T. Cuyler Young Jr., P. E. L. Smith, P. Mortensen. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 315–333. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 36).
- Hole F.*, 2010. A monumental failure: the collapse of Susa // Beyond the Ubaid: Transformation and Integration in the Late Prehistoric Societies of the Middle East / Eds.: R. A. Carter, G. Philip. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. P. 227–244. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 63).
- Hole F., Flannery K. V.*, 1968. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 33. P. 147–206.
- I am Ur-Namma [Электронный ресурс]. URL: <https://sumerianshakespeare.com/27601.html> (дата обращения 24.12.2024)
- Jablonka P.*, 2014. Globalisierung im 3. Jahrtausend v. und n. Chr. – Interpretationen archäologisch sichtbarer Kontakte von der Ägäis bis zum Indus von der nordwestlichen Peripherie aus betrachtet // Alt-orientalische Forschungen. Band 41, 1. S. 41–62.
- Jansen M., Hauptmann A., Klein S.*, 2016. Where does the Gold of the Cemetery of Ur come from? – Provenancing Gold Sources using Analytical Methods // Metalla. 22.1. P. 98–106.
- Jean-Mari M.*, 1999. Tombes et nécropoles de Mari. Beirut: Institut français d'archéologie du Proche-Orient. 214 p., 266 p. de pl. (Mission archéologique de Mari; 5).
- Jerald Jack Starr.* Sumerian Shakespeare [Электронный ресурс]. URL: <https://sumerianshakespeare.com> (дата обращения 24.12.2024)
- Jerald Jack Starr.* Sumerian Images [Электронный ресурс]. URL: <https://sumerianshakespeare.com/106901.html> (дата обращения: 24.12.2024).
- Jerald Jack Starr.* Jewelry from The Royal Tombs of Ur [Электронный ресурс]. URL: <https://sumerianshakespeare.com/117701/118101.html> (дата обращения: 24.12.2024).
- Jesus de P. S.*, 1980. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. Oxford: British Archaeological Reports. 537 p. (British Archaeological Reports. Int. Ser.; 74).
- Johnson A. W., Earle T. K.*, 1987. The Evolution of human Societies. from foraging group to agrarian State. Stanford: Stanford Univ. Press. 360 p.
- Kantor H. J.*, 1999. Plant Ornament: Its Origin and Development in the Ancient Near East. Chicago: Oriental Institute: Univ. of Chicago Press. 850 p.

- Kaptan E.*, 2000. Eski Anadolu madenciligine ait buluntular // Cumhuriyetin 75. Yıldönümü Yerbilimleri ve Madencilik Kongresi. II. Ankara. P. 763–769.
- Keskin L.*, 2019. A reassessment of the impact of metal technologies in the development of complex / hierarchical societies in Anatolian Early Bronze Age // Ancient communities and their elites from the Bronze Age to Late Antiquity (Central Europe – Mediterranean – Black Sea). Part II. Trnava. P. 9–20. (Anodos. Studies of the Ancient World).
- Klaunzer M.*, 2013. Early Bronze Age elites and long distance relations // *Metalla*. 20.2. P. 89–115.
- Korucutepe: Final Report on the Excavations of the Universities of Chicago, California (Los Angeles) and Amsterdam in the Keban Reservoir, Eastern Anatolia, 1968–1970. Vol. 2 / Ed. M. van Loon (ed.). Amsterdam: North-Holland; New York: American Elsevier, 1978. 266 p.
- Koşay H. Z.*, 1944. Ausgrabungen von Alaca Höyük: Vorbericht 1936. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 186 p. (TTKY. Ser. V; № 2a).
- Koşay H. Z.*, 1951. Les fouilles d'Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 409 p. (TTKY. Ser. V; № 5).
- Koşay H. Z., Akok M.*, 1950. Amasya Mahmatlar köyü definesi // TTKY Belleten. 14. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 481–485.
- Koşay H. Z., Akok M.*, 1973. Alaca Höyük kazısı: Türk Tarih Kurumu tarafından yapılan; 1963–1967 çalışmaları ve keşiflere ait ilk rapor = Alaca Höyük excavations, preliminary report on research and discoveries, 1963–1967. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. XX, 118 p., XCV pls.
- Kotova N.*, 2010. Burial clothing in Neolithic cemeteries of the Ukrainian steppe // *Documenta praehistorica*. XXXVII. P. 167–177.
- Kramer S. N.*, 1967. The Death of Ur-Nammu and his descent to the Netherworld // *Journal of Cuneiform Studies*. 21. P. 104–122.
- Kulakoğlu F., Kangal S.*, 2010. Anadolu'nun Önsözü, Kültepe-Kaniş Karumu Asurlular İstanbul'da: Bu katalog, Aya Sofya, Aya İrini Müzesi'nde 29 Aralık 2010–28 Mart 2011. İstanbul: Turizm Bakanlığı ve Kültepe Kazi. 360 p. (Kayseri Büyükşehir Belediyesi Kültür Yayınları; 78).
- Laurito R., Lemorini C.*, 2008. Seal impressions on cretulae at Arslantepe: a new approach // Proceedings of the 4th International Congress of the Archaeology of the Ancient Near East 29 March – 3 April 2004. Vol. 1 / Eds.: H. Kühne, R.M. Czichon, F.J. Kreppner. Wiesbaden: Harrassowitz. P. 413–420.

- Legrain L.*, 1944a. Al-Ubaid // *Museum Bulletin*. Vol. X, № 3–4. P. 29–31.
- Legrain L.*, 1944b. The third dynasty of Ur. The stela of Ur-Nammu // *Museum Bulletin*. Vol. X, № 3–4. P. 56–57.
- Lichter C.*, 2018. Frühbronzezeitliche Eliten in Anatolien im Licht der Gräber // *Anatolian Metal*. VIII. Eliten – Handwerk – Prestigegüter / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. S. 77–90. (Der Anschnitt; 39.)
- Littauer M. A.*, *Crowell J. H.*, 1979. *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East*. Leiden; Köln: Brill. 229 p.
- Lloyd S.*, *Gökçe N.*, 1951. Excavations at Polatli: a new investigation of second and third millennium stratigraphy in Anatolia // *AS*. Vol. 1. P. 21–75.
- Lloyd S.*, *Mellaart J.*, 1962. *Beycesultan*. Vol. I. The Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: The British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.
- Mackay E. J. H.*, 1925. Report on the excavations of the «A» cemetery at Kish, Mesopotamia. Vol. I, 1. Chicago: Field Museum of Natural History, Anthropology, Memoires. 84 p.
- Mackay E. J. H.*, 1929. A Sumerian palace and the «A» cemetery at Kish // Chicago: Field Museum of Natural History. 215 p. (FMAM; Vol. I, № 2).
- Majidzadeh Y.*, 1982. Lapis Lazuli and the Great Khorasan Road // *Paléorient*. Vol. 8, № 1. P. 59–69.
- Mallowan M. E. L.*, 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar // *Iraq*. IX. P. 1–259.
- Mallowan M. E. L.*, *Rose J. C.*, 1935. Excavations of Tell Arpachiyah, 1933 // *Iraq*. II. P. 1–178.
- Marchesi G.*, 2004. Who Was Buried in the Royal Tombs of Ur? The Epigraphic and Textual Data // *Orientalia*. Vol. 73, № 2. P. 153–197.
- Martin H. P.*, *Moon J.*, *Postgate J. N.*, 1985. Abu Salabikh excavations II. Graves 1 to 99. London: British School of Archaeology in Iraq. 224 p.
- Massa M.*, 2008. Burial customs in west-central Anatolian Early Bronze Age: new evidence from Demirci Sariket (Eskişehir): Dissertation submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of M.Sc. in GIS and Spatial Analysis in Archaeology of the University of London in 2007/8 UCL Institute of Archaeology. 42 p.
- Massa M.*, *Palmisano A.*, 2018. Change and continuity in the long-distance exchange networks between western/central Anatolia, northern

- Levant and northern Mesopotamia, c. 3200–1600 BCE // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 49. P. 65–87.
- Matthews R., Nashli H. F.*, 2022. *The Archaeology of Iran from the Palaeolithic to the Achaemenid Empire*. London: Routledge. 619 p. (Routledge World Archaeology).
- Maxwell-Hyslop K. R.*, 1977. Sources of Sumerian Gold: The Ur Goldwork from the Brotherton Library, University of Leeds. A Preliminary Report // *Iraq*. Vol. 39, № 1. P. 83–86.
- Maxwell-Hyslop R.*, 1974. *Western Asiatic jewellery ca. 3000–612 B. C.* London: Methuen. 286 p.
- Mecquenem R. de*, 1943. *Archéologique susienne*. Paris: Presses universitaires de France. 208 p. (Mémoires de la délégation en Perse; 29).
- Mellink M. J.*, 1965. Excavations in Karataş-Semayük in Lycia, 1964 // *AJA*. Vol. 69, № 3. P. 241–251.
- Mellink M. J.*, 1969. Excavations at Karataş-Semayük and Elmali // *AJA*. Vol. 71. P. 247–258.
- Mellink M. J.*, 1992. *Anatolia // Chronologies in Old World archaeology / Ed. R. W. Ehrich. 3rd ed.* Chicago; London: Univ. Chicago Press. Vol. I. P. 207–220; Vol. II. P. 171–184.
- Moorey P. R. S.*, 1977. What do We Know about the People Buried in the Royal Cemetery? // *Expedition*. Vol. 20, № 1. P. 24–40.
- Moorey P. R. S.*, 1982. Archaeology and pre-Achaemenid metalworking in Iran: A fifteen year retrospective // *Iran*. Vol. 20. P. 81–101.
- Moorey P. R. S.*, 1984. Where did they bury the kings of the third dynasty of Ur? // *Iraq*. Vol. 46. P. 1–18.
- Moorey P. R. S.*, 1985. *Materials and manufacture in ancient Mesopotamia: the evidence of archaeology and art*. Oxford: BAR. 330 p. (British Archaeological Reports. Int. Ser; 237).
- Moorey P. R. S.*, 1994. *Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence*. Oxford; N. Y.: Clarendon Press. 414 p.
- Muhly J. D.*, 1993. *Metalle B // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 8. Berlin; New York. S. 119–136.
- Muhly J. D.*, 2011. Metals and metallurgy // *The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE) / Eds.: G. McMahon, Sh. Steadman*. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 858–876.
- Müller-Karpe A.*, 1994. *Anatolisches Metallhandwerk*. Neumünster: Wachholtz. 264 S.
- Müller-Karpe H.*, 1974. *Handbuch der Vorgeschichte. Dritter Band Kupferzeit. Dritter Teilband Tafeln*. München: C. H. Beck. 1095 S.

- Müller-Karpe M.*, 1990. Metallgefäße des dritten Jahrtausends in Mesopotamien // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*. 20. S. 161–176.
- Müller-Karpe M.*, 1991. Aspects of early metallurgy in Mesopotamia // *Archaeometry '90* / Eds.: E. Pernicka, G. A. Wagner. Basel; Boston; Berlin: Birkhauser. P. 105–116.
- Müller-Karpe M.*, 1993a. Metallgefäße I // *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 8. S. 137–144.
- Müller-Karpe M.*, 1993b. Metallgefäße im Iraq I (von den Anfängen bis zur Akkad-Zeit). Stuttgart: Steiner. 352 S. (Prähistorische Bronzefunde; Abt. II, Bd. 14).
- Muscarella O. W.*, 1988. Bronze and iron. Ancient Near Eastern artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art. 501 p.
- Muscarella O. W.*, 2003. Central Anatolian Plateau: The tombs of Alaca Höyük // *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus* / Eds.: J. Aruz, R. Wallenfels. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; Yale University Press. P. 287–288.
- Nissen H. J.*, 1966. Zur Datierung des Königsfriedhofes von der Ur unter besonderer Berücksichtigung der Stratigraphie der Privatgräber. Bonn: Rudolph Habelt. 216 S.
- Northover P.*, 1998. Exotic alloys in antiquity // *Metallurgica antiqua*. In honour of Hans-Gert Bachman and Robert Maddin / Eds.: T. Rehren, A. Hauptman, J. D. Muhly. Bochum. P. 113–121.
- Oddy A.*, 1993. Gilding of metals in the old world // *Metal plating and patination*. London. P. 171–181.
- Ornan T.*, 2014. Asilent message: Godlike kings in Mesopotamian art // *Critical approaches to Ancient Near Eastern art* / Eds.: B. A. Brown, M. H. Feldman. Boston; Berlin: Walter de Gruyter. P. 569–595.
- Orthmann W.*, 1975. Der Alte Orient. Berlin: Propyläen. 567 S (Propyläen Kunstgeschichte; 14).
- Özdoğan M.*, 2002. The Bronze Age in Thrace in relation to the emergence of complex societies in Anatolia and in the Balkans // *Anatolian metal. II* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. P. 67–76. (Der Anschnitt; 15).
- Özdoğan M., Özdoğan A.*, 1999. Archaeological evidence on the early metallurgy at Çayönü Tepesi // *The beginnings of metallurgy* / Ed. A. Hauptmann et al. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. P. 13–22. (Der Anschnitt; 9).

- Özgüç T., 1986. Kültepe-Kaniş II. New researches at the trading center of the Near East. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi 123 p., 136 pl. (TTKY. Ser. V; 41).
- Özgüç T., *Temizer R.*, 1993. The Eskiypar treasure // Aspects of art and iconography: Anatolia and its neighbours: Studies in honor of Nimet Özgüç / Eds.: M.J. Mellink, E. Porada, T. Özgüç. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 613–628.
- Özgüç T., 1964. New finds from Horoztepe // *Anadolu (Anatolia)*. 8. P. 1–25.
- Özgüç T., *Akok M.*, 1958. Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 61 p. (TTKY. Ser. V; 8).
- Palmieri A. M.*, 1973. Scavi nell'area sud-occidentale di Arslantepe. Ritrovamento di una struttura templare dell'Antica Età del Bronzo // *Origini*. Vol. 7. P. 311–373.
- Palmieri A. M.*, 1981. Excavations at Arslantepe (Malatya) // *AS*. Vol. 31. P. 101–119.
- Palmieri A. M.*, *Sertok E.*, *Chernykh E.*, 1993. From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia // *Between the rivers and over the mountains*. *Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata* / Eds.: M. Frangipane, H. Hauptmann. Roma: Università di Roma «La sapienza». P. 573–599.
- Palmieri A.*, *Hauptmann A.*, *Hess K.*, 1998. Les objets en métal du tombeau monumental d'Arslantepe de 3000 av.J.-C. (Malatya, Turquie) // *Revue d'Archeometrie*. № 22. P. 35–48.
- Palumbi G.*, 2007. From collective burial to symbols of power. The translation of role and meanings of the stone-lined cist burial tradition from southern Caucasus to the Euphrates Valley // *Scienze dell'Antichità*. 14. P. 17–44.
- Parrot A.*, 1948. Tello. Vingt campagnes des fouilles (1877–1933). Paris: A. Michel. 368 p.
- Parrot A.*, 1970. *Sumerian Art*. New York; Toronto: A mentor – UNESCO Art Books. 92 p.
- Peasnell B. L.*, 2002. Burials from Tepe Gawra levels VIII to XIA/B // *Rothman M. S. Tepe Gawra: The evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. P. 171–234 (University museum monograph; 112).
- Pernicka E.*, 2000. Zusammensetzung der früh- und mittelbronzezeitlichen metallfunde aus der nekropole von Demircihüyük-Sarıket //

- Die bronzezeitliche Nekropole von Demircihüyük-Sarıket. 1990–1991 / Hrsg. J. Seeher. Tübingen. S. 232–237.
- Pernicka E., Eibner C., Öztunali Ö., Wagner G. A.*, 2003. Early Bronze Age metallurgy in the North-East Aegean // Troia and the Troad. Scientific approaches / Eds.: G. A. Wagner, E. Pernicka, H. Uerpmann. Berlin; Heidelberg: Springer. P. 143–172.
- Pernicka E., Seeliger T. C., Wagner G. A., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Eibner C., Öztunali O., Baranyi I.*, 1984. Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. Band 31. S. 533–599.
- Pigott V.*, 1999. A heartland of metallurgy. Neolithic / Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // The beginnings of metallurgy / Ed. A. Hauptmann et al. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. P. 107–120. (Der Anschnitt; 9).
- Pittman H.*, 1998. Jewelry // Treasures from the Royal Tombs of Ur / Eds.: R. L. Zettler, L. Horne. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. P. 87–122.
- Pollock S.*, 1985. Chronology of the Royal Cemetery of Ur // Iraq. 47. P. 129–158.
- Pollock S.*, 1999. Ancient Mesopotamia. The Eden that never was. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 259 p.
- Pollock S.*, 2007. The Royal Cemetery of Ur: Ritual, Tradition, and the Creation of Subjects // Representations of Political Power Case Histories from Times of Change and Dissolving Order in the Ancient Near East / Eds.: M. Heinz, M. H. Feldman. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns. P. 89–110.
- Popa C. I.*, 2016. Vessels for toasting? The «sauceboats» of the Coțofeni and Baden cultures and their Balkan-Aegean connections // Annales Universitatis Apulensis. Seria Historica. 20, II. P. 113–182.
- Popovici S.*, 2023. Cultura Usatovo. Arheologia funerară a unei societăți din epoca bronzului / Ed. Alin Frînculeasa. Târgoviște: Cetatea de scaun. 475 p.
- Porada E.*, 1965. The art of ancient Iran. Pre-Islamic cultures. New York: Crown Publishers. 279 p.
- Porada E., Hansen D. P., Dunham S., Babcock S. H.*, 1992. The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B. C. // Chronologies in Old World archaeology / Ed. R. W. Ehrich. 3rd ed. Chicago; London: Univ. Chicago Press. Vol. I. P. 74–124; Vol. II. P. 90–124.

- Postgate J. N., Roaf M.*, 1997. The Shaikhan relief // *Al-Rafidan*. 18. P. 143–160.
- Postgate N.*, 1994. *Early Mesopotamia: society and economy at the dawn of history*. London: Routledge. 392 p.
- Potts D. T.*, 1997. *Mesopotamian civilization. The Material Foundations*. London: The Athlone Press. 366 p.
- Potts T.*, 1994. *Mesopotamia and the East. An archaeological and historical study of foreign relations ca. 3400–2000 BC*. Oxford: University Committee for Archaeology. 337 p., 48 fig. (Monograph; 37).
- Reade J. E.*, 2001. Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 60. P. 1–29.
- Reeves L. C.*, 2003. *Aegean and Anatolian Bronze Age Metal Vessels: a Social Perspective: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy*. Vol. I. Text / University of London, Institute of Archaeology. London. 297 p.
- Renfrew C.*, 1972. *The emergence of civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B. C*. London: Methuen. 624 p.
- Roaf M.*, 1990. *Cultural atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East*. London: Time Life UK. 238 p.
- Roberts B. W., Thornton C. P., Pigott V. C.*, 2009. Development of metallurgy in Eurasia // *Antiquity*. Vol. 83. P. 1012–1022.
- Rothman M. S.*, 2002. *Tepe Gawra: The Evolution of a small, prehistoric center in Northern Iraq*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 494 p. (University museum monograph; 112).
- Rothman M. S.*, 2004. Studying the Development of Complex Society: Mesopotamia in the Late Fifth and Fourth Millennia BC // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 12, № 1. P. 75–119.
- Rothman M. S.*, 2009. Religion, Function, and Social Networks: Tepe Gawra in the Late Fifth and Early Fourth Millennia BC // *A Propos de Tepe Gawra, Le Monde Proto-Urbain de Mésopotamie* / Ed. P. Buterlin. Turnhout: Brepols. P. 15–40. (Subartu; XXIII).
- Rothman M. S., Peasnell B.*, 2000. Societal evolution of small, pre-state centers and polities: the example of Tepe Gawra in Northern Mesopotamia // *Paléorient*. Vol. 25. P. 101–114.
- Ryan C. W.*, 1960. *A guide to the known minerals of Turkey*. Ankara: Operations Mission to Turkey, International Cooperation Administration. 196 p.

- Şahoğlu V., 2005. The Anatolian trade network and the Izmir region during the Early Bronze Age // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 24, iss. 4. P. 339–361.
- Seal amulet in the form of a seated female and modern impression [Электронный ресурс] // The Metropolitan Museum of Art. URL: <https://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/1988.380.1> (дата обращения: 24.12.2024).
- Schmandt-Besserat D., 1993. Images of Enship // *Between the rivers and over the mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicate* / Ed. M. Frangipane et al. Roma: Università di Roma «La Sapienza». P. 201–219.
- Schmandt-Besserat D., 2000. Feasting in the Ancient Near East // *Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power* / Eds.: M. Dietler, B. Hayden. Washington, DC: Smithsonian Institution Press. P. 391–403.
- Schmidt H., 1902. Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin: Reimer. 354 S.
- Schmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E., 1992. Chemische Zusammensetzung und Bleiisotopenverhältnisse der Metallfunde vom Hassek Höyük // *Hassek Höyük. Naturwissenschaftliche Untersuchungen und lithische Industrie* / Ed. M. R. Behm-Blancke. S. 107–123. (Istanbuler Forschungen; 38).
- Scott D., 2002. Arsenic coating as a patina // *Copper and Bronze in Art. Corrosion, colorants, conservation* / Ed. A. Molloy. Los Angeles: Getty Conservation Institute. 515 p.
- Seeher J., 2000. Die Bronzezeitliche Nekropole von Demircihüyük-Sarıket. Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Zusammenarbeit mit dem Museum Bursa, 1990–1991. Tübingen: E. Wasmuth. 299 S. (Istanbuler Forschungen; 44).
- Smith C. S., 1973. On examination of the arsenic-rich coating on a bronze bull from Horoztepe // *Application of science in the examination of works of art* / Ed. W. J. Young. Boston: Museum of Fine Arts. P. 96–102.
- Speiser E. A., 1935. Excavations at Tepe Gawra. Vol. I. Levels I–VIII. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 220 p.
- Stork L. A., 2013. The social use of metal from the Late Chalcolithic to the Early Bronze Age in the Upper Euphrates valley: Doctor of Philosophy / The University of Edinburgh. School of History, Classics and Archaeology. Edinburgh. 418 p.

- Temizer R.*, 1954. Kayapinar Huyugu buluntulari // *Belleten*. Vol. 18. P. 317–330.
- Tengberg M., Potts T.D., Francfort H.-P.*, 2008. The golden leaves of Ur // *Antiquity*. Vol. 82. P. 925–936.
- The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / Ed. I.G. Gelb et al. Chicago: Oriental Institute; Glückstadt: J.J. Augustin, 1964. 392 p.
- Tobler A.J.*, 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 469 p.
- Treasures from the Royal Tombs of Ur / Eds.: R.L. Zettler, L. Horne. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 1998. 195 p.
- Van De Mieroop M.*, 2007. A history of the ancient Near East: ca. 3000–323 BC. Malden (MA): Blackwell. 359 p.
- Van Loon M.*, 1973. The Excavations at Korucutepe, Turkey, 1968–70: Preliminary Report. Part I: Architecture and General Finds // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 32, № 4. P. 357–423.
- Vidale M.*, 2011. PG1237, Royal Cemetery of Ur: Patterns of Death // *Cambridge Archaeological Journal*. Vol. 21, iss. 3. P. 427–351.
- Völling E.*, 2014. Die Silbergefäße aus Schatzfund A in der Berliner Sammlung. Kulturgerät im anatolisch-mesopotamischen Kontext 2013 // *Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer – Neuvorlage Band 2* / M. Wemhoff, D. Hertel, A. Hänsel, Hrsg. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin; Preussischer Kulturbesitz. S. 11–36. (Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Neue Folge. Band 18)
- Wagner G.A.*, 1988. Die Anfänge der Kupfermetallurgie Kleinasien // *Geowissenschaften*. Bd. 6. S. 321–329.
- Wagner G.A., Begemann F., Eibner C., Lutz J., Öztunalı Ö., Pernicka E., Schmitt-Strecker S.*, 1989. Archäometallurgische Untersuchungen an Rohstoffquellen des Frühen Kupfers Ostanatoliens // *Jahrbuch des Römisch Germanischen Zentralmuseums*. 36. Mainz. S. 637–686.
- Wagner G.A., Öztunalı Ö.*, 2000. Prehistoric Copper Sources in Turkey // *Anatolian Metal. I* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum. S. 31–67. (Der Anschnitt; Beiheft 13).
- Wallace R., Griffiths J., Albers P., Öner Ö.*, 1972. Massive sulfide copper deposits of the Ergani-Maden area, Southeastern Turkey // *Economic Geology*. Vol. 67, 6. P. 701–716.

- Woolley C. L., 1934. Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. London: The British Museum. 604 p., 274 pls.
- Woolley C. L., 1955. Ur Excavations. Vol. IV. The Early Periods. A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations. Philadelphia: Allen, Lane and Scott. 225 p., 83 pls.
- Woolley C. L., Mallowan M. E. L., 1976. Ur Excavations. Vol. VII. The Old Babylonian period. London; Philadelphia. 168 p.
- Wright H. T., 1984. Prestate political formation // On the evolution of complex societies: Essays in honor of Harry Hoijer / Ed. T. Earle. Malibu: Undena Publications. P. 41–77.
- Wright H. T., 2013. A bridge between worlds: south-western Iran during the fourth millennium BC // Ancient Iran and its neighbours: Local developments and long-range interactions in the fourth millennium BC / Ed. C. A. Petrie. Oxford: Oxbow. P. 51–73.
- Wright H., 1969. The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian town. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology. 178 p. (Anthropological Papers; 38).
- Wygnańska Z., 2014. Tracing the «diadem-wearers»: an inquiry into the meaning of simple-form head adornments from the Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East // Polish Archaeology in the Mediterranean. 23, 2: Beyond ornamentation. Jewelry as an Aspect of Material Culture in the Ancient Near East. P. 85–144.
- Yakar J., 1984. Regional and local schools of metalwork in Early Bronze Age Anatolia. Part I // AS. Vol. 34. P. 59–86.
- Yakar J., 2011a. Anatolian chronology and terminology // The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE) / Eds.: G. McMahon, Sh. Steadman. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 56–93.
- Yakar J., 2011b. Reflections of ancient Anatolian society in archaeology. From Neolithic village communities to EBA towns and polities. Istanbul: Homer Kitabevi. 640 p.
- Yalçın Ü., 2000. Anfänge der Metallverwendung in Anatolien // Anatolian Metal I / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. S. 17–30. (Der Anschnitt; 13).
- Yalçın Ü., İpek Ö., 2011. Derekutuğun Tarih Öncesi Maden Galerileri. 1. Çorum Kazı ve Araştırmalar Sempozyumu. Çorum. S. 65–78.
- Yalçın Ü., İpek Ö., 2012. Derekutuğun Tarihöncesi Maden İşletmeleri. 2. Çorum Kazı ve Araştırmalar Sempozyumu. Çorum. S. 11–32.

- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2008. Der Hortfund von Tülintepe, Ostanatolien // *Anatolian Metal. IV*/Hrsg. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. S. 101–123. (Der Anschnitt; Beiheft 21).
- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2009. Evidence for early use of tin at Tülintepe in Eastern Anatolia // *Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Degrisi*. 12. S. 123–142.
- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2013a. Anthropomorphe Metallfigurinen aus Alacahöyük, Anatolien // *Das Altertum*. 58. S. 241–262.
- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2013b. Reassessing anthropomorphic metal figurines of Alacahöyük, Anatolia // *Near Eastern Archaeology*. Vol. 76, № 1. P. 38–49.
- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2018. Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengraber von Alacahöyük // *Anatolian Metal. VIII. Eliten – Handwerk – Prestigegüter* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. S. 91–122. (Der Anschnitt; 39).
- Yeivin Z.*, 1971. A silver cup from tomb 204a at 'Ain-Samiya // *Israel Exploration Journal*. Vol. 21, № 2/3. P. 78–81.
- Yener A. K., Vandiver P. B.*, 1993. Tin processing at Göltepe, an Early Bronze Age site in Anatolia // *AJA*. Vol. 97, № 2. P. 207–238.
- Yener K. A.*, 1983. The production and utilization of silver and lead metals in ancient Anatolia // *Anatolica*. X. P. 1–15.
- Yener K. A.*, 2000. The domestication of metals: the rise of complex metal industries in Anatolia. Leiden; Boston; Köln: Brill. 210 p.
- Yener K. A., Özbal H.*, 1986. Bolkardağ Mining District Survey of Silver and Lead in Ancient Anatolia // *Proceedings of the 24th International Archaeometry Symposium 1984*. Washington: Smithsonian Institution. P. 309–320.
- Yıldırım T.*, 2006. An Early Bronze Age cemetery at Resuloğlu, near Uğurludağ, Çorum. A preliminary report of the archaeological work carried out between years 2003–2005 // *Anatolia Antiqua*. XIV. P. 1–14.
- Yıldırım T.*, 2011. Resuloğlu mezarlığında ele geçen bir grup sap delikli balta // *Knowledge Production from the Black Sea to the Euphrates: Studies presented in honour of Önder Bilgi* / Eds.: A. Öztan, Ş. Dönmez. Ankara: Bilgin Kültür Sanat. P. 457–470.
- Zimmerman Th.*, 2009. Frühmetallzeitliche Eliten zwischen Ostagais und Taurusgebirge im 3. Jahrtausend v. Chr. – Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme // *Aufstieg und Untergang* / Hrsg.:

-
- M. Egg, D. Quast. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. S. 1–30. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseums; 82).
- Zimmerman Th., Özen L.*, 2016. The Early Bronze Age figurine from Hasanoglan, Central Turkey: new archaeological insights // AS. Vol. 66. P. 17–22.

Список сокращений

БРЭ	– Большая российская энциклопедия
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии. М.
ЛАЭМ	– Луганский археолого-этнографический музей. Луганский национальный университет. Луганск.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
РА	– Российская археология. М.
СА	– Советская археология. М.
АЖ	– American Journal of Archaeology
AS	– Anatolian Studies. Ankara
FMAM	– Field Museum: Anthropological Memoirs. Chicago
ТТКУ	– Turk Tarih Kurumu Yayinlarinda. Ankara; Istanbul.

SYMBOLS OF PRESTIGE IN THE ARCHAEOLOGICAL RECORD OF THE NEAR EAST IN THE FOURTH – THIRD MILLENNIA BC

L. I. AVILOVA

Summary

Introduction

This book is dedicated to the interpretation of archaeological materials from the Near East dating to the early stage of the Metal Age (the transition from the late V millennium to the IV millennium BC – the II millennium BC). The general model of society development in that period can be described as an evolution from rural settlements to a ranked society with early urbanized centers which was followed by the formation of state structures. The two latter stages are marked by emergence of an elite that controlled production and exchange and also acquired items of prestige, including those made of metal. The author of the book puts a particular emphasis on the objects that have become archaeologically tangible expressions of the elite formation process because these objects are markers of an elevated social position, power and ideological authorities of their owners.

Prestige objects and consistently similar motifs of their ornamentation reflect common ideological traits and similar social processes that occurred in the Circumpontic zone in societies of various types which were at different stages of development – from Near Eastern civilizations to mobile herders of the northern Black Sea maritime region and the Fore-Caucasus.

One of the prehistoric periods (V – II millennia BC) is known as the Early Metal Age. This term reflects a pivotal role played by metal in that period emphasizing how important it is to examine metal goods in the

studies of population lifestyle in prehistory. Archaeological materials characterize daily life, beliefs and worldview of the populations of the past; they can be used in reconstructions of social and cultural systems based on the standards set to produce these materials; they can also provide insight into how production and use of metal items influenced the development of these systems.

Half a century ago Russian archaeological science presented arguments for existence of metallurgical provinces, i.e. large cultural and production systems that, to a great extent, determined the process of cultural, production and social development of ancient societies. The provinces developed mining, metallurgical and metalworking technologies, set production standards and defined morphological characteristics of products.

Metal production was one of major aspects of cultural, production and social development of ancient societies and a crucial factor in emergence of international division of labor as well as appearance of systems used to exchange goods and disseminate knowledge (Chernykh, 1992). The Near East is the region that has provided the earliest evidence for metal use by humans, the oldest surviving metal items are dated to the Neolithic (9000–4500 BC, Özdoğan, Özdoğan, 1999; Esin, 1999; Pigott, 1999; Yalçın, 2000). Studies of ancient metal cover not only production aspects, but also issues related to early metallurgy and metalworking development, exchange of raw material and technology. Metal was the most valuable material in ancient times. Items made of metal serve as markers of cultural and social processes that occurred in the Early Metal Age.

Changes in production activity do not always enable scholars to see social phenomena that have caused these changes. Still, accumulation and analysis of massive amounts of data open up new prospects for reconstructions in this area. Impressive data on metal production have been produced for vast regions of the Near East and lengthy chronological periods. Learning to extract and use metals along with the production of copper alloys is certainly one of the conditions and distinctive traits of ancient Near Eastern civilization development.

The book attempts to list a number of considerations on this issue. The author has a particular interest in the materials from the Near East because in a concentrated way they contain a wealth of information on ideology and social relationship during the transition from late prehistoric societies to hierarchical structures with centralized power and from egalitarian rural communities to early states.

It may seem that tools and weapons should prevail among the earliest metal objects; however, a look at the facts shows that items which can be tentatively described as jewelry and symbols of social status and/or power and spiritual leadership are more frequent finds (see proceedings of the Conference on Metals of Power – Early Gold and Silver. The 6th Archaeological Conference of Central Germany. October 17–19, 2013, in Halle (Saale), 2014).

Therefore, interpretation of the archaeological and cultural context of metal items deserves special attention as this context helps identify links between production and ideological concepts and ideas in the life of the earliest societies. As we have repeatedly emphasized, our data reveal that, from the very beginning, the production of metal artifacts was primarily triggered by desire to create items that would clearly set their high position owner or a group of high position owners apart from common people (Yener, 2000; Reeves, 2003; Roberts, Thornton, Pigott, 2009; Klaunzer, 2013; Пopa, 2016; Авилова, 2013; 2018a; 2020; 2023a). Sophistication in production, high labor costs to deliver necessary raw material and produce an item, value/rarity of material it is made of is a reliable basis for identifying the item as elite and prestige. These traits of metal goods production and use were manifested in the course of formation of societies with pre-state and early state structures in the Near East in the fourth – third millennia BC. The context of the most important finds, including metal ones, shows their consistent links with certain types of sites, especially, elite graves and hoards (Авилoвa, 2011; 2018a; 2018б; 2020; 2022; 2023a; 2023б; 2023в). We can say that the spread of certain categories of prestige in the high-rank assemblages of the Near East (Fig. 1) reflected dynamics of cultural processes and social transformations.

Social and economic differentiation in society and its ideology are expressed in archaeological record through certain types of items used as visible symbols of a social status. For this reason, the author focuses on the items that can serve as specific and archaeologically tangible expressions of the elite formation process because their possession is a marker of a high social status, power and ideological authorities of their owners (see Hansen, 2020). Metalwork fully meets these requirements as some types of goods such as ceremonial weapons, metalware (Zimmerman, 2009; Lichter, 2018; Авилова, 2020; 2021; 2022; 2023a) and goods usually described as jewelry, costume details, including head adornments, were used to indicate a high rank of their owner (Tobler, 1950; Антонова, 1991a; Antonova, 1992; Schmandt-Besserat, 1993; Frangipane et al., 2001;

Rothman, 2002; Braun-Holzinger, 2007; Di Nocera, 2010; Yalçın, Yalçın, 2018; Keskin, 2019; Ковалев, 2020).

The comparative historical approach to archaeological material is the methodological basis of this book. The methodology is based on step-by-step progress through research conducted in three stages, namely, collection and systematization of material on a specific issue; its historical and technological analysis; and historical and cultural interpretation of data. The study employs a comparative and typological research method using data from Russian publications and books from other countries. The methods of analyzing material include a formal typological analysis of artifacts; statistical analysis of their chronological distribution as well as distribution by types of archaeological sites and regions; and the study of the context of finds.

The analysis of material requires a comparable chronological scale for two regions. The sequence of historical and cultural assemblages dating to the fourth –second millennia BC for Mesopotamia and Anatolia is presented in Table 1 using a chronological system based on radiocarbon dates for the Near East. The table has been prepared using middle chronological schemes based on radiocarbon dates. The chronological schemes of the Anatolian Chalcolithic and Bronze Age from Mellink (1992) and Yakar (2011a; 2011b) have been used for the Chalcolithic – Bronze Age periods in Anatolia. The chronological schemes from Porada et al. (1992), Postgate (1994), Potts (1997); Reade (2001) have been used for Mesopotamia.

Chapter 1. Metal vessels from Anatolia and Mesopotamia

Metal vessels is one of important categories of archaeological finds. This book presents the results of the study of metalware from the sites of Anatolia and Mesopotamia which date to the end of the fourth – third millennia BC. Special attention is given to the archaeological and cultural context of the finds as this context can help identify relationship between production, ideology and social life of the early societies.

The first metal vessels in Anatolia have been found in the east of the region that was influenced by the Uruk civilization. It is in Eastern Anatolia where the center of Anatolian metal production was located in EBA I during the transition from the fourth to the third millennia BC. In EBA II the main center of vessel production and use shifted to the western part of the region, presumably, because of migration of new population

groups from the Trans-Caucasus to the Upper Euphrates, on the one hand, and an intensive urbanization process in the western Anatolian regions, on the other hand. In the second half of the third millennium BC there functioned two centers where metal vessels, including those made of precious metals, were produced and used, i.e. the Center and the Northwest; their formation is linked to the early states and their centers such as Alacahöyük, Horoztepe, Eskiyaşar and Troy II-III that existed in these regions. A prestige set of goods which included, besides metal vessels, high status headdresses (diadems) and ceremonial weapons spread over these regions (Klaunzer, 2013; Авилова, 2021; 2022).

The display of prestige symbols increased the visibility of authority, reinforced power of local leaders and emphasized their importance in interregional contacts. The peak period of this region development in EBA III saw establishment of the Anatolian Trade Network which connected the Center, the Northwest, the western coast and the Aegean (Şahoglu, 2005); because of this development, metal items from Troy II-III, Alacahöyük, and Eskiyaşar show close similarities in number of cases. A developed system of long distance trade provided access to luxury items and especially valuable raw material. This system was mainly used to circulate objects categorized as items of prestige and high value which were commissioned and used by the elite. The elite also had funds and power to intensify production, store up surplus products for exchange, define trade routes and ensure their safety and security.

Several conclusions can be derived from the study of the quantitatively representative collection of Mesopotamian metal vessels. Despite the fact that Mesopotamia did not have its own raw material resources, metal production in this region is characterized by an extremely high level of development because of metal import. Highly developed production of food which was available in plenty and could be exchanged for various raw material, including metals, was crucial for shaping the Mesopotamian civilization.

The dissemination of metal vessels attested by elite assemblages mirrors social processes related to emergence of the civilization of a Near Eastern type, and is one of its distinctive features. It is not accidental that metal vessels are not known in Late Prehistory societies of the northern Black Sea maritime region of the third millennium BC because the communities inhabiting the northern part of the Circumpontic historical-cultural and production zone did not yet reach the civilization stage. The study of metal vessels in the archaeological and cultural context can

provide insight into the dynamics of fundamental changes relating to emergence and development of complex/hierarchical communities in large historical-cultural regions with similar evolution trajectories such as Mesopotamia and Anatolia, given the role metal production and metal products played in social evolution.

Chapter 2. Metal head adornments of the Eneolithic and the Bronze Age

Head adornments are also considered to be items endowed with a special symbolic meaning. The earliest finds of metal diadems come from the area inhabited by the Varna culture population; this evidence requires an assessment of the social development level in the Northern Balkans in the Late Eneolithic.

The knowledge of metal and its use reached the Northern Balkans and the Danube region from the Near East together with producing economy. Favorable natural and climatic conditions of the Balkan region (e.g. availability of water resources and landscape diversity) did not require irrigation and centralized control of farming and food consumption. The model of rural egalitarian society was quite successful in these conditions (Özdoğan, 2002). Chiefdom is a rather high level of social organization. This term is used to describe social structures that had quite explicit forms of social stratification. For example, gold T-shaped diadems from the Varna necropolis were owned by the chieftains of late prehistoric communities. Control over minerals and other resources (including metal extraction and exchange) was one of the vital aspects of their activity. It is not accidental that a diadem of this type has been found in symbolic burial 36 at Varna along with a heavy gold hammer-shaped scepter, gold plaques depicting bulls and other markers of high status (Hansen, 2020).

The social context of metal diadems in the Near East is different. Using archaeological materials dating to the fourth – early third millennia BC, we can delineate boundaries of a vast region occupied by the Late Uruk – Jamdat Nasr population which had a noticeable influence on local communities. This region included Upper Mesopotamia, Eastern Anatolia, Syria and the Caucasus. Similarity of the social processes that occurred in the region is manifested in emergence of elite. The material symbols of the elite include, *inter alia*, metal vessels, diadems made of precious metals which are known from burials and hoards at some sites and distinctive decorative and figurative motifs.

While diadem finds are rare in the Late Chalcolithic, their distribution is characterized by one important feature, namely, diadems are found in burials of both adults and children (the cemetery at Tepe Gawra). The appearance of elite child burials along with the burials of adults that had an outstanding status attests to existence of an elevated group of people at Gawra whose high status was hereditary and who received this status by right of blood (Rothman, 2002; Peasnell, 2002).

We have quantitatively representative finds of headbands from Lower Mesopotamia and Anatolia dating to the period from the middle to the second half of the third millennium BC. In this period diadems occur more frequently than in the early third millennium, they have diverse forms and intricate design. The increased number of these finds indicates their wider use and access to precious metals. At the same time some ancient traditions of the Uruk – Jamdat Nasr period persisted in the new social context.

The rising power of secular rulers who were gradually bringing temples under their control is reflected in the richest ‘royal’ tombs of Ur. A magnificent funerary rite was a powerful instrument of ideological influence on the population of this city-state. Material wealth emphasized and increased visibility of a special, unattainable status of the ruler related to his divine right of king as reflected in written sources and also engraved it in the memory of the city dwellers. The king ensured prosperity of society and fertility of land by acting as a local deity; on behalf of this deity he was joined in ‘holy matrimony’ with a temple priestess.

Glyptics and sculpture materials are important for understanding symbolism of diadems and scenes they feature. The topic of abundance and fertility is key one in the iconography of ceremonial costume details. The third millennium BC witnessed an increased demand of state-like societies for a very strong emphasis on the highest social ranks. Head adornments of both simple and intricate forms with numerous additional details served as a visible demonstration of hierarchical societal structure and power of the young states’ rulers ensuring that these ideas were etched on the mind of their population. The display of prestige symbols during socially important ceremonies such as a ceremonial feast, or a funeral reinforced the authority of local leaders (Авилова, 2020). Similar views have been expressed in a publications exploring the context and messages that funerary ceremonies were to convey according to the reconstructions based on the materials from the royal tombs at Ur (see: Baadsgaard, Zettler, 2014).

Thus, in the middle – second half of the third millennium BC the material culture of Mesopotamia vividly reflected a distinctive early monarchical level of societal development; the processes occurring in this period laid the foundations of oriental despotism with its specific traits. In parallel to growth of material wealth, the secular ruler was deified, this deification acquired rather eloquent and cruel forms, including human sacrifice.

Emergence of societies with a hierarchical structure in Anatolia was a complex process which was not unilinear. This process was influenced by expansion of trade and exploitation of ore deposits as well as progress in metalworking. The results are clearly mirrored in the materials dating to the middle – second half of the third millennium BC.

With its landscape diversity, abundant water resources and self-sufficient communities, Anatolia did not need to store up food surplus at the central level and exercise strict control over food distribution; considering complexity of societal structure, exploitation of ore deposits as well as trade and exchange along with the attempts to establish control over sources of metal and trade routes was a crucial factor. On the whole, all these factors contributed to further development of metallurgical activity in order to support the authority of the elite and demonstrate attributes of its power (Keskin, 2019).

Chapter 3. Floral/plant motifs in archaeological assemblages and artworks of the Circumpontic zone

The topic of specific jewelry and decorative motifs is closely linked to the topic of elite costume. Images of plants in the form of a rosette with many petals/a star is a symbolically important and a very old element of the Mesopotamian culture. The earliest representations of this motif can be seen in the decoration pattern on vessels from the Halaf period. It should be noted that, in contrast to the Mesopotamian diadems, the Anatolian headdresses of EBA III do not have any floral and plant elements; jewelry and vessels are decorated with purely geometric patterns.

Despite a small number of documented evidence, floral and plant motifs of headbands in the burials of steppe kurgan cultures (Usatovo, Novotitorovka and Catacomb) clearly show parallels with ceremonial metal headdresses in more advanced societies of the Near East. Ceremonial headdresses and their details appear to reflect similar processes that took place in this vast region in societies of various types which

were at different stages of development, i.e. from Near Eastern civilizations to mobile population groups in the northern Black Sea maritime region and the Fore-Caucasus. Analyzing similar forms of the archaeological materials dating to the period which spanned from the end of the fifth to the third millennia BC, we can trace processes related to the emergence of elite across the entire region. Differences in the level of social and economic development led to copying and imitation of fabulous items of high value (such as metal diadems) using more affordable materials (bone and paint).

Chapter 4. Zooanthropomorphic characters in the Near East in the Eneolithic – Bronze Age

Stamp seals and other items featuring artistic motifs provide insights into nature of public and cultural development in Mesopotamia and neighboring Susiana during a long period of time. Of special interest are depicted characters which combine human and animal traits. The seal stamps from Tepe Gawra, Susa, Tepe Giyan dating to the Late Ubaid – Early Uruk period feature creatures that blend human identity with the essence of animals, they are shown wearing a ritual costume (a mask goat horns) during a ritual act.

Iconography of images reflects a high status of male characters (deities) depicted as participants of rituals wearing animal masks or shown as warriors on the battlefields or as builders at construction sites. These phenomena attest to gradual concentration of power in the hands of the ruling elite whose desire to control access to resources accelerated development of complex public structures in Southwestern Iran. Such processes were under way in Lower Mesopotamia as well (Matthews, Nashli, 2022). A public leader was to be portrayed as a creature of mixed nature on the stamp seals from Tepe Gawra XIII-XI and Susa I because in the Chalcolithic society some individuals who belonged to the ruling class also performed sacral functions. Artworks of the Late Ubaid period demonstrate that the cult and religion played an organizing role in society.

Chapter 5. Metal coating on bronze artifacts of the Circumpontic historical and cultural zone

Social and cultural processes are reflected not only in certain categories of artifacts but also in specific technologies. Metal items with coating

began to be produced in the Bronze Age. The earliest finds with analytically confirmed facts of coat application date to Maikop antiquities. Silvery arsenical coating was intentionally produced on daggers cast from Caucasus arsenical bronze using sophisticated technological operations. Such operations require that the smith should possess deep knowledge and skills to control thermal processes. The adoption of the methods applied to produce a silvery coating on the surface of the Maikop daggers by inverse segregation demonstrates high technological achievements of the North Caucasus artisans in metal production in the Early Bronze Age. They produced a wide repertoire of items, including ceremonial weapons such as daggers with a silvery surface intended to be used in a funerary rite (Равич, Рындина, 2015). The same technology was used to make the so called big Usatovo daggers from the Early Bronze Age kurgans in northern Black Sea maritime region (Рындина, Конькова, 1982).

In the Near East the coating of artifacts with precious metals has been recorded practically at the same time as the Caucasus arsenical coating in the form of silver inlay on weapons starting from the last third of the fourth millennium BC (Arslantepe VIA and VIB). Another assemblage of items with coatings dating to almost the same period as the Royal Tomb in Arslantepe VIB was discovered at the Tülintepe site in the same region, i.e. Eastern Anatolia. It is a weapon hoard. The study using scanning electron microscopy has revealed that all items underwent tinning (Yalçın, Yalçın, 2008). Most likely, this technology was used to imitate silver.

In Central Anatolia production of figurines with plates and inlays that created a rich polychromic effect reached its peak in the second half of the third millennium BC. Such figurines have high decorative qualities. At the same time, on the whole, the process of their creation is based on simpler technological methods when plates and inlays are attached onto the core mechanically. It can be assumed that a local Central Anatolian tradition of making artifacts with coating of precious metals developed at that time.

Archaeological finds of bronze artifacts with bright coating (inlays) is a distinctive feature of metal production in the Circumpontic metallurgical province in the Early and Middle Bronze Age. They reflect not only technological innovations but also certain social processes.

Conclusion

Based on the analysis of metal items, head adornments, items of symbolic function and stamp seals as well as a number of narrative scenes and

decoration motifs, the author comes to the conclusion that abundance and fertility was the theme that dominated in their production and use. The Near Eastern society of the Eneolithic – Bronze Age proclaims an idea of significance of the elite and its rituals in maintaining stability of the world and prosperity of communities as well as promoting production.

Dissemination of ceremonial weapons and figurines decorated with precious metals is an evidence of an emergent elite during the evolution of complex public structures of the Early Bronze Age in Western Asia, the Caucasus and the northern Black Sea maritime region.

Artifacts made of most expensive materials became symbols of a high status whereas the upper class of society became the patron who commissioned and used such artifacts, be it metalware, ceremonial headwear, symbolic weapons or religious cult figurines.

Научное издание

Людмила Ивановна Авилова

**СИМВОЛЫ ПРЕСТИЖА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА IV–III ТЫС. ДО Н. Э.**

Художники: А. В. Любавина, Н. С. Сафронова
Корректор: Н. В. Бельченко
Верстка: В. Б. Степанов

Подписано в печать 11.02.2025
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 15,7.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5

ISBN 978-5-94375-457-9

9 785943 754579